

ГАЛОПОМ ПО ЕВРОПАМ

АНАТОЛИЙ АГРАФЕНИН

ВИЗА В МИР

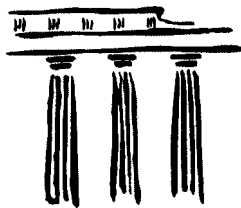

РАНДЕВУ ОТ АМЕРИКИ ДО ЯПОНИИ

ТАЛОПОМ ПО ЕВРОПАМ

АНАТОЛИЙ АГРАФЕНИН

ВИЗА В МИР

Санкт-Петербург

«ВИС»

2006

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6
ISBN 5-74510022-2

Серия «Галопом по Европам»

Дизайн обложки: Д. А. Райкин
Фото: С. В. Грицков; А. А. Аграфенин

Аграфенин, А.

Страны и континенты, города и столицы мелькают на страницах этой книги. Автор легко переносит читателя из одной точки планеты в другую, из прошлого — в настоящее, из наших дней — в будущее.

Новые встречи и новые впечатления — что может быть увлекательнее? Два десятка стран, почти сорок столиц — современных и древних, сотни городов и местечек оживают в увлекательных повествованиях известного журналиста, заядлого путешественника и превосходного рассказчика.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6
ISBN 5-74510022-2

Подписано в печать с готовых диапозитивов
Формат 84 x 108 1/32. Усл. печ. л. 13,44.
Тираж 1000 Заказ № 3498

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры
Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.003857.05.06 от 05.05.2006 г.

© А. Аграфенин, 2006
© Издательство «ВИС», 2006

ЖИЗНЬ КАК ОНА ЕСТЬ...

ГЕРМАНИЯ

Где находится Репербан?

Что такое Репербан, наверное, знает каждый. Даже в годы махрового застоя об этой улице ходили легенды. Просто в любой компании всегда оказывался знакомый моряк. А настоящий моряк никак не мог миновать германский порт Гамбург. Так что во время любого застолья, после определенного количества рюмок, начинались взрослые разговоры, сеющие миф о запретном. Это был секс по-советски. Вприглядку.

Но времена меняются, и уж лет пятнадцать за границу у нас ездят не только моряки. Получил приглашение от немецких журналистов в Гамбург и я. Со мной в дорогу должен был отправиться мой приятель и коллега Серега.

— Обязательно сходим на Репербан, — сказал он.

На словах, человек он нравов достаточно свободных, поэтому я даже обрадовался, когда нашу поездку отложили. Вместо Гамбурга мы отправились в

Ереван. После дел-разговоров вечером мы попали в дом какого-то высокопоставленного армянина. После сытного ужина и игры в бильярд наш хозяин с сожалением сказал: «У меня семья, и ночной Ереван вам показать не могу. Но берите мою машину, отдохните, ребята».

К машине полагался водитель. Это был достаточно разбитной молодой человек. И Серега, плюхнувшись на заднее сиденье, сказал по-барски: «К девчонкам!», шофер уже знал куда ехать.

В центре Еревана, несмотря на блокаду, а может, именно из-за нее, тысячами огней демонстрировала свою мощь Армянская АЭС. Жизнь кипела так же, как в любой столице мира. Наша «Волга» притормозила посреди всего этого вертепа, и Серега с водителем пошли на переговоры.

Их не было довольно долго. Когда они вернулись, на мой глупый вопрос «Уже?» Серега ответил «Ага».

Наутро стали известны подробности. Местные девушки просили «пятерку», но не в местных тугриках, а в долларах. У Сереги была только сотня. Девушки не смутились и предложили ему даже бонус — дополнительный «раз».

— Ты знаешь, глядя в их алчные глазенки, я отказался, — серьезным тоном сказал мой коллега.

Наверное, в нем теплилась надежда на Репербан. Но следующая наша командировка была в Брюссель.

Серега языков не знает. Но вот что значит — человеком движет страсть! Уже утром за завтраком он грозно меня предупредил: «Я все выведал. Тут у них есть свой Репербан. Вечером пойдем».

К моему огромному сожалению, к вечеру Серега свою идею не оставил. «Не дрефь, — вещал он, натягивая кожаные штаны, которые ему были ко-

ротковаты и смотрелись хуже хорошего делового костюма (хотя, как утверждал сам Серега, стоили чуть ли не дороже).— Денег мы с собой возьмем немного. Так что, максимум, что может случиться, — нам морду набьют».

Брюссель город довольно большой, и мы быстро заблудились. Местные же граждане, выслушав не лучшим образом сформулированные наши вопросы, шарахались от нас, как от прокаженных. К счастью, Брюссель не только столица Бельгии и Европы. Это еще и столица пива. Говорят, бельгийцы варят не меньше пятисот сортов — почти на два года одних дегустаций хватило бы. И именно пиво сыграло плодотворную роль в нашей судьбе.

Увидев очередную забегаловку, я предлагал провести дегустацию нового сорта. Серега соглашался. «Но потом пойдем на Репербан!», — напоминал он. И когда ни он, ни я не в состоянии были выговорить название гамбургской улицы, к обоюдному согласию мы пошли в отель. В тот день в беду мы не попали.

В беду мы попали, когда вернулись из Бельгии. Подоспела наша командировка в Гамбург. Немецкие коллеги были настолько любезны, что пригласили нас с женами. «Ничего-ничего, — сказал Серега. — Не попользуемся, так посмотрим!»

Идею посмотреть Репербан жены поддержали с подозрительной легкостью.

В Гамбург мы прилетели днем. Поселились в отеле с ностальгическим по «Бриллиантовой руке» названием «Атлантик». Посмотрели на часы — три. На Репербан идти, пожалуй, рано. Поболтались вокруг отеля, съели по свиной ноге с капустой. На часах было пять. Сходили в сауну, поплавали в бассейне.

Анатолий Аграфенин

Семь часов. Все еще рано... Договорились пару часов вздремнуть. Проснулись — четыре утра, со звонились: никакого желания идти на Репербан.

Следующие два дня прошли в делах, и уже перед самым возвращением домой невольно вспомнились планы пойти на Репербан. На сей раз мы поклялись даже не преклонять головы к подушке. В турецком ресторанчике около гостиницы купили куру-гриль, чтобы скоротать время до нужного часа. Птица оказалась несоленой. Потом долго торговались в ресторане отеля из-за соли и чаевых — метрдотелю оставили, кажется, больше, чем заплатили за курицу. Но вся эта суета нас изрядно бодрила, и мы дождались вечера.

Гамбург, такой людный днем, — после девяти замирает. Он напоминает даже не спящий, а вымерший город. И непонятно для кого горит свет на всех этажах универмагов и сверкают бриллианты в витринах бутиков на Менкебергштрассе. Подсвеченная башня ратуши как одинокий маяк освещает море домов, волнами подкатывающих к главной площади города. Судя по плану, нам предстояло пройти еще километров пять. И идти совершенно не хотелось.

С грехом пополам мы добрались до Репербана. Тут действительно горели огни, вывески, работали бары и магазины. Но в будний день на ночной улице было немногочисленно.

Мы зашли в пустое кафе. Цены превышали те, что в центре города. Но мы мужественно устроились в пустом заведении и выпили по капучино. При этом не было намека даже на легкую эротику!

Расплатившись, мы пошли дальше и заглянули в секс-шоп. Это оказалась не тесная лавочка, а несколько этажей специфических товаров. Но ничего

экстраординарного, резко отличавшегося от того, чем торгуют у нас, мы тут не обнаружили: все те же хлысты, кожаные браслеты с шипами, трусики на молнии на самых «интересных» местах...

Где же «все это»? Становилось скучно, душу терзало разочарование. Возможно, скажи я тогда, что где-то здесь на правой стороне улицы находится «Кафе Кезе», глаз Сереги и загорелся бы... Это заведение известно тем, что на каждом столике стоит телефон, и вы можете позвонить обитательницам соседнего столика и пригласить их потанцевать. Может, и вам кто позвонит... Впрочем, возможно глаз и не загорелся бы. Куда в Тулу со своим самоваром...

И о чудо! Кто-то из нас заметил скромно мнущихся у домов женщин. Они вели себя весьма прилично, даже целомудренно. Но они были «не такие». Вроде бы все как обычно, но то ли косметика чуть поярче, то ли грудь как-то неестественно велика, то ли нездоровая опухлость в теле... Но что-то оживило Серегу.

— Нам туда! — безапелляционно заявил он и повел нас в достаточно оживленные переулки. Количество гуляющих увеличивалось, а количество «целомудренных» женщин не становилось меньше. Но это все еще было не то, о чем нам рассказывали.

На одной из улиц, в стороне от Репербана, из железобетонных панелей была выстроена стена, наподобие Берлинской, некогда отделявшей две части немецкой столицы и два мира заодно.

Все выглядело так, будто за этой оградой стройка. Но стена была словно медом намазана, вдоль нее стояли, на нее облакачивались, сидели на корточках десятки женщин. На их лицах уже не было и следа целомудрия. Они говорили на каком-то узна-

Анатолий Аграфенин

ваемом языке, не немецком, но и не русском, скорее польском или чешском. А между панелями оказалась практически незаметная щель.

Вот туда-то, похоже, нам и надо было!

И действительно, за стеной никакая стройка не скрывалась. Там была небольшая и весьма уютная пешеходная улочка. Двух-трехэтажные дома, наверху — маленькие, украшенные занавесочками окна, а внизу — огромные, как витрины магазинов. Некоторые из них были зашторены, но за ними теплилась какая-то жизнь — чуть заметный свет пробивался изнутри.

Другие окна были раскрыты. За стеклом виднелись чистенькие комнаты с кроватью или диваном, на которых сидели женщины в ночных сорочках. Откровенно говоря, они были не так уж и молоды. И не было особо заметно, что они так уж жаждут с кем-то познакомиться. Одни читали книги, другие дремали, третьи занимались своими ногтями. Но, судя по всему, каким-то боковым зрением они все же контролировали ситуацию.

И вдруг одна дама начала орать. Она орала, не вставая с высокого кресла, но так громко, что ее было отчетливо слышно. И мы неожиданно начали осознавать, что кричит она на нас. И главное — по-русски. Ее речь была настолько грязна, что воспроизвести ее нет никакой возможности. Но смысл был такой: «вот, хамы, ходят тут со своими бабами, вместо того, чтобы прийти одним и дать честным женщинам заработать».

Мы вжали головы в плечи и поспешили быстрее проскочить до конца улицы. Попутно я заметил, что кроме морячков в белой форме и темно-синей, мужчин невзрачного вида и вполне прилично одетых

по улице прохаживалось немало пар. Вот поодаль семенила группа туристов с Востока — человек десять мужчин и женщин, за нами шли две немолодые пары — похоже, так же как мы ротозеи из какой-то страны бывшего соцлагеря. Но на них почему-то никто не орал. Тут меня осенило: может, все дело в Сереге, в каких-то его жестах, движениях, выражении лица, которые говорят о нем больше, чем облик достаточно успешного и вполне женатого человека?

К счастью, улица была короткой. Мы прошли через такую же стену, как та, через которую вошли, но уже с другой стороны. Тут до Репербана оказалось метров пятьдесят. Стояла вереница такси. Мы сели в машину и погнали в отель.

В номере мы включили телевизор. Шла передача — аналог «Слабого звена». Асексуальная женщина в вызывающих очках «а'ля синий чулок» по-немецки чеканила, видимо, то же самое: «Кто тянет команду назад? Кто прыщ на здоровом теле интеллектуалов?»

Было тепло, уютно и все еще пахло курицей. Вечер удался.

Заметки на полях

Похоже, времена улицы Репербан проходят. Когда-то разрешение полиции, полученное этим районом, не закрывать рестораны, бары и прочие увеселительные заведения в определенное время, совершило настоящую революцию. В немецких городах вечерами действительно все закрывается как по команде в районе семи-восьми вечера. Но сегодня, в эпоху телевидения и интернета ночные приключения стали уже мало актуальны. Стрип-

тиз-шоу и прочие подобные развлечения — по платному каналу в любом отеле. Кому захочется искать приключений на свою голову?

Даже некогда знаменитый Музей эротического искусства мало что откроет нового искушенному современному человеку, который каждый день подходит к газетному ларьку или хотя бы одним глазом смотрит вечерние телепрограммы по самому обычному телевидению. Да и что это за коллекция — всего каких-то 500 экспонатов!

Все это вполне осознают и владельцы заведений. Вместо эротических кабаре они демонстрируют модные мюзиклы, фильмы сомнительного содержания в кинотеатрах заменяют блокбастеры. Репербан постепенно превращается в улицу, которая просто не спит. Впрочем, это само по себе тоже интересно...

И все-таки сколько стоит «обслуживание» на Репербан? Спросил об этом «в лоб» у немцев. «О, все очень дорожало!» — сказали они. По их информации, «уличные девушки» стоили 70 марок, теперь просят 70 евро. «Дамы в окне» раньше оценивали свои услуги в 200–300 марок, сейчас ту же сумму в евро. Ну, а насколько это того стоит — ничего сказать не могу...

ЛАТВИЯ

Меч и роза

Алая роза считается традиционным символом Сигулды — маленького латвийского курортного городка, расположенного на берегах реки Гауи.

Местные жители Гаую побаиваются, даже самым жарким летом вы редко увидите, чтобы кто-то в ней купался. Реку называют коварной. Она по своей прихоти становится то полноводной, то мелкой, почти ручной. Там, где вчера был брод, сегодня может оказаться омут. И в то же время существует вокруг Гауи ореол благоговейного трепета. Ведь именно благодаря ее непростому характеру и возникла вся окружающая Сигулду красота: крутые склоны, на которых еще в рыцарские времена строили замки, живописная долина, вымытые водой в песчаных холмах пещеры... В Сигулду приезжают множество туристов полюбоваться на «прибалтийскую Швейцарию».

Благодаря этому городку латыши называют теперь свою республику «самой большой горнолыжной страной, в которой нет гор». На невысоких холмах сейчас открылось множество спортивных баз. В Сигулде проходят даже крупные международные соревнования по бобслею, санному спорту и прыжкам с трамплина.

Погулять на свежем воздухе, полюбоваться природой и средневековыми руинами приятно и зимой, и летом. На стенах самой большой пещеры — Гутмана — можно обнаружить «автографы» любителей природы «Здесь был Айвар» — аж позапрошлого века.

Но откуда взялась роза в этих далеко не южных краях? Как не поинтересоваться этим, гуляя меж живописных холмов и девственных лесов, окружающих долину Гауи?

С Сигулдой связана одна из самых красивых легенд Латвии. Жила-была на берегах Гауи девушка невиданной красоты. Многие ухажеры добивались ее внимания. Но свой выбор остановила она на простом

садовнике. Они встречались в долине реки в пещерах, которые влюбленный парень украшал перед свиданиями розами. Однажды несколько отвергнутых парней решили обманом заманить девушку в какое-нибудь укромное место. Подбросили ей записку якобы от имени жениха. Когда красавица пришла на мнимое свидание, они набросились на нее. И тогда девушка решила, что смерть лучше, чем бесчестие. Она сказала: «Я сделаю вашему вожаку подарок, какой не может преподнести даже король. У меня есть платок, который бережет от меча и стрел. Хотите, продемонстрирую его волшебную силу?» Девушка набросила на шею платок и бесстрашно подставила свою голову под меч... Похоронили ее у стен Турайдского замка.

Эта легенда уже много веков живет в народе. Ее воспели поэты, литераторы, композиторы. Популярность Турайдской розы не прочь были использовать и власти, которых за века в Латвии сменилось немало. Причем всякий раз со своей идеологической окраской. Сначала преобладал холодно-насмешливый тон: скорее всего — все это выдумка, дошедшая и переделанная на местный лад какая-нибудь из европейских легенд. Потом местные бароны отчаянно настаивали, чтобы красавица была несомненно арийских кровей, один из балтийских немцев оставил свои комментарии, в которых написал, что, мол, только люди «избранных наций способны в своем самопожертвовании подняться до уровня античных героев».

В советские времена Турайдская роза волей пропагандистов «превратилась» в батрачку, а «группа молодежи» свелась к образу подлеца-помещика, который погубил несчастную из эгоистического вождения — сам-то собирался выгодно женить-

ся, да вот похоть покоя не давала. На эту тему на Рижской киностудии даже фильм сняли...

Но самое интересное, что все произошедшее в окрестностях средневекового замка — не легенда и миф, а сущая правда. В архивах Видземского суда исследователи обнаружили записи XVII века (вот уж поистине неискоренима бюрократия!). В старых немецких книгах со всеми подробностями описаны результаты расследования убийства девушки по имени Майя. Она родилась в 1601 году, а в 1620-м была убита в одной из пещер ландскнехтами из Турайдского замка. Как удалось установить, двое наемных солдат, выпив, решили «позабавиться» с неприступной красавицей. Заманили ее в пещеру, но «клюнули» на историю с волшебным платком. А после случившегося, протрезвев и осознав, что натворили, — ударились в бег. Один из солдат — тот, кто зарубил девушку, — позже наложил на себя руки: повесился на шнурке от собственного меча, скрупулезно констатирует судебный чиновник. А второго выловили. Расследование показало, что он не был причастен к убийству, а поскольку он покался в своих грехах, его помиловали и отправили служить дальше. Действия суда по меркам того времени вполне логичны. Солдат, ищущий искупления, в войне куда полезней, чем безгрешный. А воевали в тех местах много. Солдаты были полезнее безродных девушек.

Любой народ слагает песни о своих национальных героях. Особой чести удостоиваются люди, логика поступков которых не подчинена ни выгоде, ни инстинкту самосохранения. Люди, которые поступают так, как считают должным, даже если нужно выбирать между жизнью и смертью. Наверное, поэтому не исчезла Майя в веках. Пусть и под другим именем

Анатолий Аграфенин

ее знают по всей Латвии, и молодые пары из разных концов республики приезжают на ее могилу, чтобы поклясться другу в любви и верности. Алая Турайдская роза стала одним из самых говорящих символов маленькой страны на берегах Балтики.

Заметки на полях

По статистике, Петербург и Москва занимают первое место в мире по количеству выдаваемых латвийских виз. Например, в год в городе на Неве консульство Латвии оформляет их примерно 25 тысяч. При этом наблюдается постоянный прирост. Как замечают дипломаты, работающие в Петербурге, в последнее время порядок оформления латвийских виз стал более простым. Несколько лет назад для каждого, кто отправлялся в Латвию, требовался оригинал приглашения. Всегда было много хлопот, как его передать, как не потерять. Теперь приглашение оформляется в Риге в специальном департаменте и через этот департамент присылается в консульство по электронной почте. Каждому, кто обращается за визами, нужно просто знать регистрационный номер, а требуемый дальше документ найдут в компьютере.

В 2007 или в 2008 году Латвия вступит в Шенгенский союз. Латвия очень заинтересована в российских туристах. И они в эту республику едут все чаще и чаще. Статистика показывает, что большинство виз выдается не просто летом, а в конце июля – начале августа, когда россияне собираются в отпуск.

Как утверждают сами латыши, их янтарный край еще не до конца открыт путешественниками. Например, в Сигулде появилось много прекрасных горнолыжных баз.

Очень популярным становится деревенский туризм, когда иностранцы приезжают на хутора. Там – свежий

воздух, экологически чистые продукты, прекрасная возможность летом купаться в прозрачных озерах, а зимой ходить на лыжах. Стоит все это даже по российским меркам сущие копейки — сутки с питанием и обслуживанием обходятся примерно в 7 лат (это около 400 рублей).

И, наконец, Латвия привлекательна своими пляжами. Юрмала — известная еще с советских времен. Но она находится на Рижском заливе. А на западе страна выходит непосредственно на Балтику, где расположены небольшие средневековые городки, есть настоящие морские пляжи, обдаваемые высокими волнами, и нет такого мелководья, как на заливе.

ИТАЛИЯ

Римская распродажа

Великолепные фонтаны, мрачный Колизей, величественный собор Святого Петра. Капитолийский холм и развалины Форума... О, это далеко не все достопримечательности Вечного города! Однако наш турист, пережив минуты восторга и благоговения перед всеми этими древностями, рано или поздно задаст себе очевидный вопрос: «Да, я в Риме. Ну и что?»

А из всего этого следует вот что: пора заканчивать со всеми этими экскурсиями, пешими перебежками по римским холмам, и спускаться на грешную землю — с ее зовущими витринами, привлекательными ценами и кое-какими деньгами, припасенными специально для путешествия. Не везти же их домой!

Что ж, не надо стесняться своих чувств. Тем более Италия, пожалуй, лучшее в Европе место, чтобы походить по магазинам, ударить по «шоппину», выражаясь более современным языком.

Тех, кто особенно комплексует по поводу магазинов (хочется пойти, но долг перед непознанной историей не дает этого сделать), могу успокоить. По вполне авторитетному свидетельству сотрудников мэрии итальянской столицы, примерно половина современных римлян никогда не были в знаменитых Капитолийских музеях, а слово «Колизей» воспринимают не иначе как название станции городского метро. Конечно, дела, бытовые заботы... А у нас что — проблем меньше? Или японцы. Днем они, конечно, «вкрадчивые, как саперы, — ничего не скажешь, метко заметил Евтушенко, — щупают соборы». Но вечером более азартных барахольщиков, чем японцы, вы не найдете во всем Риме! Иная хрупкая дамочка нагружена покупками, как носильщик на вокзале чемоданами...

Но мы за ней не пойдем. Японцы — народ, даже по меркам других развитых стран, очень хорошо зарабатывающий (согласно статистике, например, водитель автобуса в Токио получает около пяти тысяч долларов, то есть вдвое больше, чем его европейский коллега). И, обменяв свои иены на евро, отправляются напрямик на виа Кондоти и прилегающие к ней улицы возле площади Испании. Там расположены знаменитые бутики Армани, Гуччи, Булгари, Картье. Цены здесь в витринах не выставляют. Человек, входящий в шикарные двери, прекрасно знает возможности своего кошелька, вернее, кредитной карточки.

Давайте прогуляемся по другим улицам. Заодно и с Римом познакомимся поближе.

Начнем с виа дель Корсо. Она начинается на площади Венеции. Позади вас как раз окажется Капитолийский холм, на котором расположились городская мэрия, музеи и величественная конная статуя Марка Аврелия, установленная во втором веке нашей эры. Статуя, кстати, некогда была позолоченной. За восемнадцать веков от драгоценного металла не осталось и следа, а сама скульптура настолько обветшала, что перед Миллениумом ее забрали на реставрацию. Некоторые даже заявляли, что хранить такой ценный исторический экспонат под открытым небом — варварство, и предлагали убрать бронзового императора в музей. Но поскольку площадь без него выглядела сиротливо, римляне настояли на возвращении Марка Аврелия. Тем более что проект площади перед римской мэрией разрабатывал сам Микеланджело, и если он считал, что в ее центре должна быть конная статуя, то, значит, так тому и быть.

У подножия Капитолийского холма — Витториано — памятник объединенной Италии. Но не какой-нибудь каменный или бронзовый истукан. Это — белокаменный дворец, построенный в 1870 году. Мало кто сейчас об этом задумывается, но Италия — по сравнению с многовековой историей Великобритании, Франции и Испании — страна молодая, ее объединение, благодаря движению Гарибальди, произошло лишь во второй половине XIX века. Витториано огромен и ростом чуть ли не с Капитолийский холм. Но внутри дворец невелик, в нем всего несколько залов, в которых устраивают выставки. Итальянцы, несмотря на патриотический смысл памятника, монстра не любят, называют то «челюстями», то «пишущей машинкой». Витториано походит и на то и на другое.

Анатолий Аграфенин

А на самой площади Венеции красуется знаменитый дворец XV века. Бывшее посольство богатой купеческой республики сейчас стало музеем изобразительного искусства. От дворца хорошо виден Колизей. Во времена Муссолини во Дворце Венеции была одна из резиденций диктатора. Рассказывают, что во время своих выступлений — а родитель мирового фашизма любил речи толкать — Муссолини любил бросить взгляд на Колизей. Из-за домов самый большой амфитеатр древнего мира было плохо видно. И дуче распорядился проложить широкую дорогу. Эта улица — виа Дей Фори Имперiale сегодня очень выручает Рим, страдающий как любой мегаполис от автомобильных «пробок». Но она пролегла над самым центром древнего Форума. Археологи, не прекращающие ни на день раскопки и постоянно обнаруживающие сенсационные находки, с печалью констатируют: под асфальт навсегда «закапан» целый кусок истории.

Виа дель Корсо в переводе значит «Беговая». По ней по ночам пускали привезенных для продажи в Рим коней. На другом конце улицы — пьяцца дель Пополо, площадь Народа со знаменитым Фламиниевым Обелиском (XII век до н. э.) в центре, церковью с шедеврами Караваджо и капеллой, спроектированной Рафаэлем. На месте церкви некогда был фамильный склеп римских императоров, где верная наложница Акта захоронила останки покончившего с собой Нерона. Но, согласно легенде, дух кровавого тирана по ночам беспокоил жителей. И чтобы он им больше не досаждал, усыпальницу снесли.

Виа Дель Корсо — главная торговая улица Рима. Отсюда, как лучи, расходятся магистрали с сотнями

магазинов. Тут недорогие лавки соседствуют с салонами престижных фирм. Но даже в самых дорогих здешних магазинах цены значительно ниже, чем на такие же товары в Москве и Петербурге. Виа Дель Корсо вечером становится настолько многолюдной, что полиция нередко вынуждена перекрывать движение автотранспорта.

Однако вы — пытливы, напористы, легких путей не ищите. Вам плевать на «лейблы» знаменитых фирм. Тогда отправляйтесь в другой район. Вокзал Термини итальянцы не любят. По их мнению, это семидесятилетнее кубическое здание, построенное, по слухам, по проекту Муссолини, чтобы соединить десятки маленьких вокзальчиков в один, слишком груб для исторического центра. Справа — церковь Санта Мария д'Ангели — одна из старейших в мире, построенная на месте древнеримских терм. Слева — Санта Мария Маджоре — одна из шести крупнейших базилик Вечного города. 5 августа 352 года папе Либерию явилась во сне Дева Мария и попросила построить храм, пообещав указать место. На следующий день в Риме, где и в январе-то +10, на холме Эквiline пошел снег. Санта Мария Маджоре в переводе — Дева Мария Великая. Колокольня этой базилики самая высокая в Риме — 75 метров!

Что же касается Термини, как его ни ругают римляне, — вокзал очень удобный. А главное, построенный в стиле тоталитарной архитектуры, он до сих пор смотрится вполне современно. Конечно, такой монстр создал немало и проблем. Вокруг него кишат армии наркоманов, бомжей, проституток и ищущих «подружек» гомосексуалистов. Но для нашего туриста, насмотревшегося «всякого такого» в своей родной стране, странноватая эта публика ока-

зала добрую услугу. Цены в магазинах вокруг Термини значительно ниже, чем в центре.

Впрочем, не все же покупают только для себя. Нужно заботиться и о друзьях, знакомых, любимой теще, наконец. Для тех, кто качеству предпочитает количество, есть совершенно потрясающий римский адрес. Каждое воскресенье возле Порто Портезе разворачивается знаменитая римская толкучка — крупнейшая в Европе. Найти ее очень просто. Доезжаете на метро до станции «Пирамида». Пройдя мимо вышеозначенного сооружения (кстати, считающегося местом захоронения основателя города — Ромула), направляйтесь навстречу толпе, идущей с мешками, авоськами, такими огромными, что в них, кажется, можно запихнуть уже виденную нами Пирамиду. Все они — с толкучки. Найдете безошибочно.

Порто Портезе — это рай для тех, кто любит не спеша покопаться в товаре, выбрать, поторговаться. И не купить ради дальнейших поисков. То, что в городе оценивают в пятьдесят евро, тут стоит — пять. Правда, при этом совсем не обязательно, что вы покупаете товар именно той марки, что обозначена на этикетке. Но тут вы получите массу удовольствия от общения с римским народом. Порто Портезе демократично не испытывает ни малейших комплексов. Все тут можно трогать, щупать и мерить. Даже лифчики (вежливый продавец вас при этом прикроет какой-нибудь картонной коробкой). Тут же можно перекусить — множество жаровен, на которых готовят пиццу, рыбу, котлеты, хот-доги, каштаны, посмотреть представление бродячих музыкантов. И, наконец, какой-нибудь виртуоз-лоточник, напевающий серенады и зазывающий свистком покупателей всучит вам целый пластиковый стакан оливок за 3 евро.

Но берегитесь! Отправляясь в Порто Портезе с полными карманами денег (видеокамерой, фотоаппаратом, часами, плеером, зонтиком, очками, портсигаром, зажигалкой, ключами), вы можете вернуться в отель без них. Карманники Рима — виртуозы в своем деле, тем более их мастерство оттачивалось даже не веками — тысячелетиями, в сравнении с их опытом Багдадский вор всего лишь мальчишка. Не случайно во многих местах, особенно в метро, вам на глаза будет попадаться необычный знак наподобие автомобильного: убегающий человек с мешком за плечами.

Можно сказать, что Порто Портезе — самый большой универмаг Италии.

Вообще, нужно отметить, что в итальянских городах не так уж и много универсальных магазинов. Но знать о них тоже нужно, если вы хотите отовариться быстро, без хлопот и получить гарантированное качество. Зная их названия, вам легче будет ориентироваться на итальянских улицах. Местные жители, как правило, иностранных языков не знают, бесполезно их спрашивать, как пройти к магазину готовой одежды, косметики или конфекциона. Но если вы назовете какой-нибудь из универмагов — тут же вам покажут, как найти мир и готовой одежды, и парфюмерии, и конфекциона.

Существуют три линии универмагов. Самая низкая ступень — «Станда». Здесь самые низкие цены, но качество продающихся изделий все же достаточно высокое. «Упим» — универмаги подороже, но и качество товаров лучше. Самые дорогие универмаги системы «Риношенте» — это почти мир высокой моды. «Риношенте» некоторое время назад были удобны еще и тем, что в них можно было расплачи-

ваться иностранной валютой по официальному, а не банковскому курсу, что при покупках на крупные суммы могло дать солидную экономию средств.

«Станда», «Упим», «Риношенте» есть в каждом крупном городе. Цены во всех универмагах одной линии, естественно, едины. Это важно знать, поскольку если в Риме выгоднее покупать в маленьких магазинчиках, где цены сравнительно невысоки, то в Милане — экономической столице и самом дорогом городе Италии — лучше не тратить время на осмотр магазинов в галереях возле Домского собора и piazzа Сан Баболо. В «Риношенте», «Станде», «Упиуме» можно найти товар отличного качества, но в полтора-два раза дешевле.

В Италии, как и во многих других странах, лучше ничего не покупать в туристических центрах. Но есть и исключения. Знаменитое муранское стекло, естественно, лучше всего покупать там, где оно производится — в Венеции. Конечно, не возле площади Святого Марка или Большого канала, где цены вдвое-втрое выше тех, что в магазинчиках в ста метрах в сторону от туристских троп. А кожаные изделия лучше всего покупать во Флоренции — итальянском центре производства кожи.

Гуляя по итальянским городам, особенно стоит помнить о мошенниках. Никогда не забывайте старинную поговорку: «Бесплатный сыр бывает только в мышеловке». Излюбленный трюк — к расслабленным туристам подкатывает автомобиль, из него выходит улыбающийся парень и с изысканной вежливостью начинает объяснять, что он-де представитель фирмы, скажем, «Армани». Фирма устраивает презентацию новой модели (посмотрите, какая прелесть!). И представителям компании (коим явля-

ется обворожительный незнакомец) разрешено понравившимся им людям дарить эти чудесные изделия. Новинка вам торжественно вручается, аккуратно завернутая в красивый пакет.

«Представитель» прощается... и тут: «Ах, извините, у меня заканчивается бензин в машине. Я бы заплатил, но у меня нет наличных, а на бензоколонке не принимают кредитных карточек. Не могли бы вы одолжить мне на пару литров». Как же, как же, вам только что преподнесли подарок «от Армани» — не пожалеете же один-два евро столь симпатичному человеку. Но ему мало монетки, и бумажки в пять евро мало, и даже десять. Он словно завораживает вас. Вам уже неловко не дать ему денег. В итоге он берет у вас несколько десятков. И, пока вы глотаете воздух от такой неслыханной наглости, бесследно исчезает. Хорошо еще, если, вскрыв сверток, вы обнаружите там хоть какую-то безделицу, а не ворох старых газет.

Но не все так плохо в этом мире. Каждую осень до Рождества витрины магазинов украшает корявая надпись — «Sconto». Но это самое красивое, что может увидеть в витринах наш турист. Эта надпись означает — «скидка». Бесспорно, на магазины с такой надписью нужно обращать самое пристальное внимание. Но еще внимательнее нужно относиться к магазинам, где витрины задрапированы полностью, а начерченные на стекле скидки составляют 70, а то и 80 процентов. Это значит, что магазин закрывается и полностью распродает весь свой товар. По итальянским законам запрещено заниматься рекламой торговым предприятиям, завершающим свою коммерческую деятельность. Это и объясняет, почему в магазине нет красочных витрин. Зато там за витриной — костюм от уже упомянутого нами Армани,

Анатолий Аграфенин

только настоящего, может стоить столько же, сколько в другом месте вполне тривиальный пиджак.

Не верьте тем, кто говорит, что на Западе нет очередей. Возле таких магазинов вы их и увидите. И стоять придется не один час.

Заметки на полях

Официальный курс валют, по мнению специалистов Германского федерального банка, ничего не значит. Тот же евро, ставший единой валютой объединенной Европы, в разных странах можно потратить по-разному. В то время как на турецких курортах чашка кофе стоит 1,17 евро, официант во французском Сан-Тропе потребует за нее уже 3,48 евро. С наибольшей пользой потратить свою валюту можно в новых странах ЕС.

Особенно «высок курс евро» в Чехии. В Богемии, Моравии и Силезии, скажем, немецкие путешественники получают за один евро продукты и услуги, стоимость которых в Германии им обойдется «на круг» в 1,26 евро. В Польше 1 «немецкий евро» пойдет 1 к 1,17. В Венгрии он стоит 1 к 1,13 евро.

Во многих старых странах ЕС положение иное. Правда, в Португалии, Греции и Испании особых отличий по сравнению с Германией нет. Здесь за один евро можно купить столько же, сколько в ФРГ. Но в Голландии или Австрии «немецкий евро» обесценивается до 96 и, соответственно, 94 евроцентов. Зато в Италии, Франции, Швейцарии, Дании или Великобритании цены заметно выше. Покупательная способность евро в Швейцарии почти на 20 процентов ниже, чем в Германии. А в Великобритании за один «континентальный евро» можно получить товаров и услуг всего на 78 евроцентов.

США

Завтра у Тиффани

Я встретил сына из школы, и мы пошли в бистро перекусить. Работал телевизор. Правда, без звука. Невпопад к «картинке» звучало радио. На экране, как мы подумали, показывали какой-то боевик. Самолеты врезались в небоскребы, а по радио шел очередной хит-парад. Мы слушали и смотрели вполуха, обсуждая школьные новости и споря, что сначала — делать уроки или играть на компьютере. И тут начались новости. Оказалось, что взрывающиеся небоскребы вовсе не кино. Было 11 сентября 2001 года...

Через несколько недель я должен был ехать в Америку. Я был совершенно уверен, что все отменят. Но нет, в назначенный день мы сели в самолет. Все было как обычно. Только во время пересадки во Франкфурте, в терминале с отправлением в Америку творилось нечто несуразное. Толпы народа выстраивались в очередь к нескольким чиновникам в строгих черных костюмах. Шло собеседование с пассажирами. Толпа была немаленькая, до взлета оставалось минут сорок, а у стойки регистрации ни души. Я не стал обращать внимания на очередь и прямоком направился получать посадочный талон.

— Прежде чем зарегистрироваться, надо пройти интервью, — сказала сотрудница компании.

В консульстве у нас уже состоялось собеседование. Примерно полчаса я отвечал на дурацкие, на мой взгляд, вопросы. В частности, я пообещал спецслужбам Америки, что буду соблюдать все законы

этой страны, сообщил, что у меня нет родственников в США, а также поклялся, что, отправляясь в Штаты, не имею цели убить их президента. Учитывая этот опыт, я с чистой душой ответил девушке, что уже прошел интервью.

Но при выходе на посадку еще один охранник, на сей раз в форме, снова пристал: — Вы не прошли интервью!

Отметки на билет они ставили, что ли? Я понял — не все так просто. И глупо соврал: — Нет, я прошел.

Во мне боролись несколько чувств. С одной стороны я ощущал себя лжецом. С другой, во мне вскипало чувство протеста: сколько же можно мурыжить людей? И какой смысл во всей этой процедуре, ведь все заявления держались исключительно на честном слове. Или они рассчитывают, что какой-нибудь террорист, если он действительно бродит где-то между пассажиров, возьмет и заявит: «Да, я террорист»?

Охранник оказался настырным:

— Покажите, кто вас интервьюировал?

Он стоял, как непробиваемая скала. Я ткнул пальцем в самого дальнего службиста — чернокожего в черном.

— Эй, Билл! — крикнул коллеге охранник в форме. И тот, бросив очередного допрашиваемого, подошел к нам. У меня похолодело внутри.

— Ты говорил с этим парнем? — спросил жестокий человек у человека в черном.

Билл посмотрел на меня. Его сверкающие белки вцепились в мое лицо. Я видел, что он отчетливо знает, что мне вопросы не задавал. Но, видимо, его самого уже достала вся эта бессмысленная работа, а может, оттого, что по внешнему виду ему удалось быстро оценить мою безобидность, он ответил:

— Да, я его допрашивал.

Тон и поведение охранника тут же изменилось.

— Извините, сэр, — сказал он без малейшей тени иронии и желая просить у меня искреннее прощение.

Позже, когда я рассказывал эту историю, мои друзья только цокали языками.

— Ты сильно рисковал. У этих ребят напрочь отсутствует чувство юмора. Тебя запросто могли снять с рейса, — говорили они.

И правда, то и дело в новостях рассказывали, как кого-то задержали на несколько суток, а потом предъявили судебные иски и взыскали высокие штрафы за то, что этот «кто-то» в шутку, отвечая на вопросы службистов, проявлял чрезмерную вольность.

Впрочем, как русский человек может ответить, например, на вопрос: «Есть ли в вашем багаже бомба?» Мне кажется, буквально каждого второго может бес попутать, и он вполне может брякнуть в ответ: «Да, у меня целый чемодан тротила!»

Но спецслужбы после 11 сентября перестали воспринимать юмор. Лучше бы, правда, они были посерьезнее тогда, когда тайные агенты, внедренные в среду арабских экстремистов, предупреждали о готовящихся чудовищных терактах! А вот думали, что шуточки...

Выигранное мною время никакой пользы не принесло. Рейс держали, пока все пассажиры вдоволь не наговорятся с представителями спецслужб. Большинство потом возмущались: «Дурацкая процедура! Одни вопросы, даже содержимое карманов никто не удосужился проверить. Все эти проверки рассчитаны исключительно на честных людей». Как бы то ни было, взлетели мы на два часа позже.

Анатолий Аграфенин

Америка вся в этом: страшат, допрашивают и проверяют в основном добропорядочных граждан, а «всамделишные» преступники могут спокойно пройти с «черного хода» без всяких препятствий. Они просто не читают правил, написанных чиновниками. Это им ни к чему.

По прилете в Вашингтон наша группа добрых минут пятнадцать парилась над заполнением других анкет. В это время к нам подскочил араб в светлом костюме.

— О, ребята, как я рад услышать русскую речь! — щебетал он. — Я учился в Москве. Понимаете, у моей страны безвизовый въезд в Америку. Но английского я не знаю, помогите заполнить анкету.

Его анкета была раза в четыре короче нашей. Мы быстро вписали его имя, фамилию, дату рождения и где он живет. Он расписался, махнул нам рукой и, без всяких препятствий пройдя паспортный контроль, растворился где-то в Новом Свете. А мы продолжили заполнять казенную бумагу...

При перелетах из города в город в самой Америке, как только при регистрации билетов показывался не синий штатовский, а наш красный российский паспорт, нас тут же просили отойти в сторону. Наши чемоданы не отправляли в багаж, предварительно не выпотрошив, не перещупав и не перенюхав все их содержимое вплоть до грязного белья и носков. При посадке в самолет нам выворачивали все карманы и водили пищалкой вдоль всего тела, «спотыкаясь» то на пряжке ремня, то на заклепках джинсов, то, простите, на «молниях»... ширинки брюк. Обиднее всего, что происходило сие действие при всем честном народе. Американцы смотрели на всех нас с открытой неприязнью. И что удивительно, у всех русских

отчаяннее всего пищали ботинки. Американцы ничего не понимали, требовали разуться. Я сам долго не мог догадаться, в чем дело? Позже нашел объяснение феномену: на прибор реагировали гвозди на набойках, у них-то на Западе на сапоги ставят пластик.

В конце концов, особое внимание к нам спецслужб начинало надоедать. Росло и чувство протеста против крайней несправедливости. Нас подозревали больше всех, но ведь теракты совершили люди, которые давно жили в Штатах, некоторые из них были гражданами этой страны.

Нас, не жалея, трясли, как потенциальных преступников. Но при этом почему-то никто даже не хотел взять в голову, что мы приехали в чужую страну, меньше чем через месяц после чудовищных терактов, и что мы сами ужасно напуганы! Мы были напуганы не меньше американцев и поэтому высматривали в аэропорту подозрительных людей. У страха глаза велики: любой мало-мальски не такой, как все, вызывал подозрение.

— Смотри, какой странный тип. Все озирается. Да и внешне он как-то очень похож на шахида,— горячо шептал мне коллега.

Во мне тут же развивалась фобия. Я мысленно молил: только бы этот тип не сел на наш рейс. Объявляли посадку, а «тип» шел к нашему самолету! Нас по традиции начинали «трясти», а «нехороший господин» исчезал где-то в салоне лайнера...

Впрочем, справедливости ради надо сказать, что наша российская компания также была весьма разношерстной. А наш багаж в определенном смысле был весьма подозрительным.

Журналисты собрались со всей России. Главный редактор газеты из Тольятти, здоровяк и жизнелюб,

ни слова не знал по-английски. Но каждый день покупал по несколько американских газет для своей редакции. «Пусть знают, как надо работать», — говорил он. Газеты были толстенными, чтобы разобраться в их дизайне и в структуре, достаточно было бы одной-двух. Но волжанин был основательным человеком и продолжал день за днем скупать прессу. Из города в город этот его тук кочевал в пластиковом пакете из какого-то универсама.

Был журналист из Калининграда, бородатый и лохматый. Если бы он попал в Америку во времена хиппи, те признали бы его своим. Три недели, что я его наблюдал, он проходил в одних и тех же бесформенных штанах неопределенного цвета и одной и той же рубашке, которую, надо сказать справедливости ради, стирал ежедневно в раковине в гостинице.

Американцы выдали нам деньги на питание и оплату отелей. Калининградец экономил каждый цент. Автоматы по продаже газет в Америке устроены просто: стоит железный ящик на тротуаре со стеклянной дверцей, за которой видно, какие издания продаются, а главное, есть ли они в наличии. Опускаешь монетку — замок разблокируется, открываешь дверцу — берешь газету. Когда главный редактор из Тольятти опускал очередной «четвертак» — 25-центовую монетку — в автомат, калининградец, пока дверца не закрылась, брал и себе номер почитать. Английский он знал в совершенстве.

Но при этом он оказался на удивление порядочным человеком. Все сэкономленные деньги он собирался истратить на выпуск в родном городе экологического бюллетеня. И не на словах. Позже я узнал, что он выполнил свое намерение, за что имел очень большие проблемы с тогдашним областным руководством.

Еще у нас была барышня из Вологды. Она оказалась страстной любительницей театра. В первый же день в Америке на каком-то развале она купила с десятков книг. Они были сказочно дешевыми — чуть ли не по доллару, но отпечатаны на прекрасной мелованной бумаге, в твердых толстых переплетах. Мы предложили коллеге тут же отправить их на родину по почте. Но она пожалела 20 долларов, сказав, что будет возить их по стране сама. Поскольку у нашей Мельпомены и без того были немаленькие чемоданы, таскать неподъемную сумку с книгами пришлось поочередно мужской половине группы. Мы в сердцах проклинали и ее, и наше джентльменство.

Я тоже, правда, отличился. В библиотеке одного из университетов мы разговаривали о том, как общество добывается рассекречивания правительственных документов. Для примера нам показали целую пачку ксерокопий с грифом «Top secret» времен Вьетнамской войны и Уотергейтского скандала. После встречи я выпросил эти бумаги себе.

Вот такой гурьбой мы и открывали Америку. Господин без багажа, господин с ворохом газет, господин с секретными материалами и фифа с библиотекой...

В Штатах мы изучали основы американской государственности, знакомились со страной, слушали лекции, участвовали в дискуссиях. И постоянно отчаянно спорили. Было о чем. Главный предмет спора стар как мир: несоответствие идеалов — реальной жизни.

Одна из священных коров Америки — свобода. В Декларации независимости, принятой 4 июля 1776 года, — великом документе, ставшем основополагающим для построения США, говорится: «Мы считаем самоочевидными истины: что все люди со-

зданы равными и наделены Творцом определенными неотъемлемыми правами. К числу которых относится право на жизнь, на свободу и на стремление к счастью...» Декларация независимости — один из первых в истории документ о правах человека. Американцы очень им гордятся и на каждой встрече, говоря о Декларации, как о Библии, постоянно пеняли нам: а у вас в России свободы нет.

Это нас ужасно злило. Прежде всего, потому, что, зная истинное положение вещей в своей стране, мы начинали кое-что понимать и об Америке. Калининградский коллега, чудесным образом становившийся каждый день обладателем двух-трех газет, честно читал их от корки до корки. А затем пересказывал нам наиболее интересные новости. Самой занимательной был процесс перемены мировоззрения американцев. Свободолюбивые и независимые, после терактов 11 сентября, их словно подменили. По результатам социологических исследований той поры чуть ли не 90 процентов жителей страны готовы были пожертвовать любыми своими правами и свободами ради собственной безопасности. Они готовы были даже к тому, чтобы спецслужбы просматривали их личную электронную почту и прослушивали телефонные разговоры.

Как тут было не злиться на менторский тон наших собеседников? Что они о нас знали? Одно очень известное социологическое учреждение — Вашингтонский центр Пью — поинтересовался: насколько волнуют жителей США новости о событиях за пределами их страны? Оказалось, ничуть! Лишь 20 процентов следили за информацией из-за рубежа, а более половины американцев вообще не интересовались тем, что происходит за пределами Штатов.

Объясняя свое безразличие к международной жизни, половина опрошенного населения заявила, что «все это» их не касается...

Впрочем, и без социологических исследований многое было видно невооруженным глазом. Вот один из таких смешных случаев. Городок Санкт-Петербург во Флориде, основанный, к слову, русским инженером Петром Дементьевым. Этот наш талантливый соотечественник провел сюда железную дорогу. Именно благодаря ему болотистая, непригодная для жизни местность превратилась в цветущий край. Петр Дементьев для Флориды, если не как Иисус для христианского мира, то уж, как Вашингтон и Линкольн для Соединенных Штатов, это точно.

Мы идем в столовку местной газеты «Санкт-Петербург таймс». Официантка вдруг заинтересовалась:

— Вы, должно быть, иностранцы?

— Да, мы из России,— ответили мы.

— И из какого города? — спросила девушка.

— Я из Санкт-Петербурга,— отвечаю не без гордости.

— И что в России есть такой город? — изумилась официантка.— Вы не шутите? Бывают же чудеса на свете!

Вот такие дела. И это разговоры в редакции газеты, а не в трампарке или ветеринарной клинике.

Последним пунктом нашего путешествия был Нью-Йорк. Здесь из-за дополнительных мер безопасности, перегораживающих улицы, постоянно возникали пробки. Оцепление сооружали из бетонных блоков. Или строили из наполненных песком пластиковых коробов. А иногда даже просто перекрывали улицы желтыми машинами для перевозки

мусора. Все это ужасно уродовало город. Но беспомощность транспорта делала прогулки по Манхэттену приятными.

Мы жили возле находящегося в оцеплении здания ООН. Даже такси и туристским автобусам не делалось исключения. Чтобы отправится куда-то, мы шли несколько кварталов до заказанного авто. Поездки всегда были мучительными. Поэтому организаторы нашего тура старались соединить встречи с осмотром города.

И тут я вспомнил, что незадолго до моей поездки в Америку в России появился фильм «Завтрак у Тиффани». Картина, конечно, прошла по экранам мира и стала культовой значительно раньше, но в нашей стране она появилась только тогда. Впрочем, это не помешало ей и у нас моментально завоевать популярность.

Помните, как начинается фильм? Героиня Одри Хепберн приезжает в такси на Пятую авеню к витринам магазина Тиффани, достает из бумажного паке-тика какой-то бутерброд и начинает свой завтрак, прихлебывая кофе из картонного стаканчика. Вечернее платье, ожерелье из жемчуга, помпезный мрамор самого дорогого ювелирного магазина мира... И — дешевая трапеза. Во всем этом что-то было. Наверное, та демократичность, которая всегда подкупала в Америке. Оговорюсь, Америке плакатной, «стране равных возможностей», как утверждали пропагандистские лозунги времен противостояния двух систем. Но «приятной во всех отношениях»...

Наверное, поэтому я тогда и подумал, что если бы приехал в Америку, обязательно пошел бы в магазин Тиффани и купил бы что-нибудь жене. Может, какой-то пустяк, но важен не подарок, а внимание. А поскольку ничего — ни «Кадиллак», ни ковбойские шля-

па и сапоги, ни джинсы, ни жвачка, никакие другие прелести западного мира мне нужны не были, я решил, что моя идея подарка жене единственное, на что в Америке стоит потратить деньги, и это будет правильно. Ох, какими наивными мы подчас бываем...

После одной из встреч у нас образовалось свободное время. Мы были в районе Центрального парка, рядом с небоскребами Дональда Трампа и магазином Тиффани. Коллеги пошли осматривать владения Трампа. А я толкнул крутящуюся дверь Тиффани.

Прилавки стеклянными квадратами делили магазин на множество секций. Зеркала, бриллианты за стеклом... Я понимал, что крест с пол-ладони с крупными драгоценными камнями мне будет не по зубам, да и жене, скорее всего, не понравился бы. А вот крошечные рубиновые сережки были очень милы. Продавщица отдела совсем не напоминала напыщенных девиц из наших бутиков. Простое платье, минимум украшений. В светлых волосах — не диадема какая-нибудь, а обычная розовая ленточка. Она улыбнулась мне.

— Могу я посмотреть это? Хочу сделать подарок жене, — сообщил я продавщице.

— О, разумеется, сэр! — откликнулась она и тут же достала товар.

Они были великолепны. Тонкая оправка из золота была едва заметна. Но главное в украшении были, конечно, камни. Даже неискушенный в ювелирном деле человек понял бы, что они изумительны. Красный их цвет был не кровожадным и хищным. Камни были чистыми и свежими, как капельки вина, открытыми и ясными, словно излучали свет. То, что надо!

— Сколько это стоит? — поинтересовался я.

— Давайте посмотрим,— сказала продавщица и перевернула бирку. Я не поверил своим глазам. Украшение, которое я оценил максимум в 300 баксов, стоило — 5600. Таких денег у меня и близко не было.

— Вещь очень красивая, но, боюсь, она мне не по карману,— вынужден был признаться я.

Продавщица не поспешила спрятать сережки за прилавок. Она просто взяла одну из них и подняла к свету:

— Вы правы, они очень красивые. У вас прекрасный вкус, сэр! Мне очень жаль, что вы не можете их приобрести. Но мы рады будем увидеть вас у Тиффани снова.

Одни и те же слова можно произнести с издевкой. А можно без всякой обиды для посетителя. Мы простились. Понятно, что ни завтра, ни послезавтра и вообще больше никогда я в Тиффани не приду. Но моя неплатежеспособность нисколько не испортила мне настроения. Напротив, я снова вспомнил фильм. Его герои тоже пытались что-то купить у Тиффани, имея в кармане «полушку». Но, в конце концов, пришли к выводу, что «носить бриллианты до сорока — это по́шло». Они были молоды и влюблены, а на прочие вещи им было наплевать.

По сути, дело ведь не в деньгах и не в престиже. Главное — в ощущении свободы и любви. В Америке, потрясенной шоком огромной трагедии, вдруг именно это показалось мне единственным, что может иметь хоть какое-то значение.

...Мои коллеги уже тоже вышли из небоскреба Трампа. Ничего там особого нет, объяснили они. Два этажа занимают магазины. А к лифтам к квартирам, в которых живут Майкл Джексон, Софи Лорен и прочие знаменитости, охрана даже не подпускает.

— Правильно, что не пошел, — сказал тольяттинский редактор. — Мы сдуру пошатались полчаса меж лавок — вот и все удовольствие.

Я обратил внимание, что мои коллеги, как и я, так же ничего не купили.

Заметки на полях

В американских городах очень легко ориентироваться. Все они построены по «квадратно-гнездовому» принципу. Все улицы строго параллельны и перпендикулярны друг другу. Американцы не очень склонны проявлять фантазии, поэтому часто улицы называют по номерам или буквам латинского алфавита.

Например, в Нью-Йорке на Манхэттене большинство улиц идут с юга на север и имеют номера от 1-й севернее «Маленькой Италии» до 150-х в Гарлеме. Перпендикулярные авеню — проспекты чередуются с востока на запад с Первого до Двенадцатого. Правда, некоторые проспекты имеют и собственные имена: между Третьей и Пятой авеню нет Четвертой. Вместо нее расположились Лексингтон, Парк и Мэдисон авеню. Шестое авеню имеет два названия — и собственно Шестое и Авеню Американцев. Единственная улица, по диагонали перерезающая Манхэттен, — это Бродвей, выстроенный, как говорят, на месте бывшей охотничьей тропы индейцев.

Вашингтон устроен еще проще. В нем так же, как в Нью-Йорке, с юга на север идут улицы по номерам, а поперек — улицы по буквам. В центре города — от Капитолия к реке Потомак ведет широкая парковая зона — Молл. Такой проект города разработал французский архитектор Пьер Шарль Ланфан. Говорят, его идею градо-

устройства через полвека использовал барон Османн при реконструкции Парижа.

Молл — парк, в котором расположились многие знаменитые памятники, имеющие огромное значение для всей Америки. Это — обелиск Вашингтону, мемориал Линкольна, мемориал в память о погибших во время войны во Вьетнаме, наконец, сам Белый дом — резиденция американского президента. Здесь же можно найти множество крупнейших музеев. Кстати, одна информация будет небезынтересна нашим туристам. В отличие от Европы, где посещение музеев достаточно дорогое удовольствие, и в отличие от России, где билеты в музеи стоят по-разному для граждан страны и иностранцев, все государственные музеи в США абсолютно бесплатны.

АВСТРИЯ

Искусство платить чаевые

Не знаю, кто как, но я не умею платить чаевые. Во время путешествий по разным странам постоянно попадаю в щекотливые ситуации. То кажется, что мало заплатил за услуги. То мучаю себя мыслью, что переплатил.

Впервые я столкнулся с такой проблемой в Вене. Это была одна из первых моих командировок. Приехали мы вечером. Мои попутчики, уже навидавшиеся за границ, сказали, что отправляются спать. Я же рвался посмотреть город: еще бы — родина вальса, столица балов и оперетт. Но Вена уже погружалась в сон. Улицы вымирали. И только площадь перед

собором святого Стефана блистала под светом вмонтированных в брусчатку фонарей, а сам собор отражался в зеркальной стене современного здания какого-то банка.

Расчувствовавшись, я зашел в один из кофехаузов, к счастью, еще не закрытый. Это было то, что я хотел: облицованные потемневшим деревом стены, круглые мраморные столики на чугунных ножках, диванчики с пуфиками и гнутые «венские» стулья. Тепло и уют в поздний час, что еще нужно уставшему путнику! Говорят, прежде многие начинающие писатели и композиторы, ставшие впоследствии знаменитыми, зимой коротали свои дни в кафе. Сидеть тут за кофе и работать было в Вене с ее баснословными ценами куда дешевле, чем оплачивать квартиру или комнату.

Официант в классической жилетке, светлой рубашке в тонкую полоску и фартуке принял заказ на *coffee viennese* — кофе по-венски. Напиток подали на серебряном подносыке в стеклянном стакане с ручкой и на ножке. Было видно, как слоями расположились: кофе, светло-коричневого цвета сливки и шапочка из взбитых сливок — белее снега. Длинной ложечкой я подцепил сливки — сладкие. Но кофе оказался горьковатым, хотя и с добавлением каких-то пряностей, должно быть, корицы. Поразмышляв как засыпать сахар, чтобы не нарушить всю эту красоту, я, в конце концов, сыпанул наугад и размешал. Волшебство тут же исчезло. Горка из взбитых сливок растаяла, а все вместе превратилось в обычную мешанину, что-то вроде предлагаемого суррогата «три в одном» — кофе, сливки, сахар. Скорее всего, я сделал все не так, а прозрачный стакан предательски подчеркивал мой дилетантизм.

Быстро выпил, попросил счет. И тут понял, что оказался в ловушке. На счете красовалась ровная цифра — 100 шиллингов. У меня в кармане было несколько купюр, но все они были — сотнями. Как при таком раскладе дать «на чай»? Вторую сотню оставлять было жалко. И я не нашел ничего лучше, как заплатить требуемое и тихо ретироваться.

Если вы откроете любой путеводитель по любой стране, вы обнаружите в рекомендациях туристам обязательный пункт о чаевых. Общепринятая цифра, если верить этим советам, 10—15 процентов. Но когда считаешь, что-то подчас жирновато получается. Выходит, каждый платит по своему разумению. Но так все же, сколько же платить?

Как ни странно, есть страны, где чаевые вообще не приняты. Например, в Японии и на Тайване. Из европейских государств до недавнего времени не принято было давать чаевые в Финляндии. В экипировку тамошних официанток в обязательном порядке входил пояс с монетницей. В финских ресторанах было принято расплачиваться с клиентами тотчас, как они выложили деньги из кошелька. Официанты выплачивали сдачу до последнего пенни. Но теперь и финны с удовольствием берут мелочь от благодарных посетителей. И трудно сказать, кто в этом виноват: вступление в ЕС и переход на евро или щедрость русских, развратившая стойкий северный мозг.

Кстати, в защиту финской кухни стоит сказать, что здесь готовят очень вкусные блюда, особенно из рыбы, которая в Суоми всегда свежайшая, креветок и раков. Это замечание в пику нашумевшему заявлению президента Франции Жака Ширака, который пренебрежительно отозвался о кулинарных способностях британцев и почему-то финнов.

В Италии ситуация вообще странная. В Риме, Милане или Флоренции, изучая стоимость блюд, которые по традиции вывешивают у входа в ресторан, вы можете удивиться: надо же — самый центр, столики с видом на какую-нибудь достопримечательность времен Леонардо, а цены такие же, как в какой-нибудь забегаловке. Но этот вывод вы сделаете по невнимательности. В итальянских ресторанах в меню указаны только цены блюд. Еще с вас возьмут с каждого 2—3 евро за столик, столько же за приборы, а на общий счет еще накинута в зависимости от аппетита заведения от 4 до 12 процентов «за обслуживание». И бессмысленно возмущаться. Все это указано в меню, причем на каждой странице. Но мелким-мелким шрифтом, который не всякий даже со зрением снайпера различит. Но самое обидное, что разбалованные итальянские официанты ожидают щедрых чаевых. Они следят, какие купюры и монеты вы кладете на блюдечко, и как бы разговаривают с вами. Нет, не словами, а мимикой. И все очень даже понятно. Устыженный турист кладет даже больше, чем ожидал парень. И довольный «рогацци» рассыпается в благодарностях: «Брависсимо, синьор! Грация мила», то есть «большое спасибо, дорогой товарищ»...

У немцев все проще, особенно в Восточной Германии. Тут хочешь — плати чаевые, не хочешь — не плати. Большинство флегматичных местных официанток, похоже, рады самому факту, что у них есть работа. Иногда кажется, что их сослали кормить народ в наказание за какие-то страшные грехи. Впрочем, чаще всего, если речь идет о бывшей ГДР, недоброжелательность объясняется довольно просто. В официанты идут бывшие инженеры, конструкторы и преподаватели научного коммунизма,

потерявшие работу. Они просто не умеют улыбаться — это не их профессия.

А вот официанты в Америке — это, как правило, задорные девчонки или веселые парни. Как правило, в барах и ресторанах подрабатывают студенты. Молодость и ощущение временности низкого социального статуса защищает их от угрюмости. Не дать им «на чай» — грех. Поскольку хозяева нанимают их на почасовую оплату: полтора-два доллара. Это ничто для современной Америки. Основной доход официантов с чаевых. Американцы настолько привыкли к этому правилу, что даже когда их обслуживают из рук вон плохо, они все равно оставляют на блюде деньги... Например, два «четвертака» — две монетки по 25 центов, подчеркивая таким образом свое презрение.

Необходимость оставить чаевые в Штатах надо учитывать даже в закусочной. Даже если вы попали в компанию с настоящими жлобами. Однажды мы пошли во Флориде перекусить большой группой наших командировочных. Костяк группы составляли москвичи, и среди них несколько нас — провинциалов. Москвичи, откусав, встали и заявили, что пошли побродить «по берегу океана». Мы же хотели еще посидеть, тем более в зале играла хорошая музыка, и спешить нам было некуда. Океан еще не закрывался. Москвичи быстренько посчитали, что они брали, оставили нам деньги за себя и ретировались. Потом, изучив счет, мы даже изумились, наглости наших коллег. Цены на блюда в американских ресторанах выставляются следующим образом: «7,95», «4,95», «12,95»... Ребята же посчитали 7 плюс 4 плюс 12. И конечно, ни цента не оставили на чаевые для официанта. Мы, конечно, расплати-

лись и за них и за нас. Но больше в компании с ними по ресторанам не ходили.

Но боже упаси вас «перегнуть» палку. Однажды в Брюсселе мы веселой компанией зашли в ресторанчик. Пригласил нас и собирался угостить главный редактор одной из самарских газет. И, рассчитываясь, он по-купечески оставил официанту 20 евро. Тот так обалдел, что побежал открывать нам двери, кланяясь и благодаря.

«Пусть знает русских, — сказал волжский житель. — Увидите, придем в следующий раз, будем самыми уважаемыми клиентами».

И что же? На следующий день нам надо было быстро перекусить перед следующей встречей. Был обеденный час — святое время в Европе, в которое даже в самом захудалом бистро трудно найти столик. Мы рванули в знакомое заведение. Обслуживал все тот же официант. И там наблюдался аншлаг, но два столика только-только покинули посетители, их нужно было только убрать. Но облагодетельствованный вчера халдей, сегодня преградил нам дорогу в зал: «Извините, у нас нет сейчас свободных мест».

Самарский редактор едва не полез в драку, с трудом его увели. А он еще долго возмущался человеческой неблагодарностью.

Казус другого рода произошел с делегацией ленинградских промышленников, приехавших в конце 1980-х во Францию. Нас было человек двадцать. Направлялись мы в Роанн — город часов в трех езды на юг от Парижа. Но первая остановка была в столице. Делегацию никто не встречал, но нас предупредили, что в таком-то ресторане для нас заказан обед. Действительно, столы были накрытыми, кормили очень вкусно. Мы заказывали, что считали

нужным, а счет позже должны были оплатить те, кто нас пригласил. Дальше все пошло по классической схеме. Низы сыты — верхи запели. В ресторанчике начал выступать ансамбль. Наши стали ему подпевать. Ансамбль включился в игру, в репертуаре оказались «Очи черные», «Подмосковные вечера». Французы отработали четко, профессионально, даже душевно. Но потом протянули шляпу...

Командировочных нам еще не выдали. Бухгалтер группы, прижимая сумку к груди, остервенелю шептала: «Не дам на менестрелей валюту тратить. Подумайте, что вы семье привезете, басурманы!»

Да, положеньице! Каков пассаж, если по возвращении на Родину сказать, что все суточные прогулял в ресторане? В ход, к изумлению певцов и музыкантов, пошли матрешки, хохлома, поделки из бересты, водка и даже юбилейные рубли с профилем В. И. Ленина — в общем, все, что приготовили в подарки фирмачам. Но даже одарив выступающих целым ассортиментом для бойкой торговли на блошином рынке, из ресторана мы выходили пряча глаза.

Надо иметь очень глубокий карман, чтобы расслабленно и абсолютно беззаботно чувствовать себя в зарубежных заведениях, особенно в излюбленных туристами местах. И это свойственно не только нам. Неоднократно наблюдал, как скандалили с официантами и люди из западных стран, причем, судя по одежде и украшениям, далеко не бедные.

Впрочем, главное всегда сохранять чувство собственного достоинства. Спустя много лет после парижского позора, я снова оказался на берегах Сены. На сей раз по приглашению французского правительства, которое было настолько любезно, что даже выдало небольшие деньги на карманные

расходы. Ничего серьезного на эту сумму купить было нельзя, поэтому мы с коллегами, прибывшими из Москвы, решили пару дней пожить «настоящей парижской жизнью». В том числе побродить по ресторанам. Около площади Одеон расположено множество очень симпатичных мест, где на специальных лотках у входа во льду соблазнительно выкладывают устриц, омаров, осьминогов. Эти кварталы пахнут морской свежестью и легким вином.

В одном из таких ресторанчиков побывали и мы, заказав блюдо с морскими деликатесами и бутылку «Сансерре». На троих счет был не слишком велик, и мы со спокойной совестью оставили положенные 10 процентов.

В следующий раз, уже через несколько дней, мы отправились в тот же район с прикрепленной к нам переводчицей. Была суббота, и публики оказалось достаточно много. Столики стояли плотно друг к другу. Посетители сидели спина к спине, а со спинок стульев свешивались пальто и куртки — гардеробы есть далеко не во всех парижских ресторанах. Наша переводчица пошептала с официантом и сообщила:

— У них есть второй этаж, гарсон сейчас его откроет для нас.

Действительно, официант отвел нас в пустой зал с великолепным видом из окна на площадь. То и дело официант навевался к нам: все ли у нас в порядке, не желаем ли мы что-нибудь еще? Ну, думаю, придется платить щедрые чаевые. Так же решили и мои московские коллеги, поэтому, скидываясь, каждый из нас заложил и свою долю на благодарность гарсону.

— Почему вы так много даете? — удивилась переводчица. — Чаевые? Вот еще глупости. Вполне хватит и двух евро.

Сказав это, она вернула нам лишние деньги и бросила на блюдечко двухъевровую монету. «Мерси!» — она тепло улыбнулась официанту. И мне показалось, что он остался вполне доволен.

Вот и пойми, в чем заключается искусство платить чаевые...

Заметки на полях

Когда появилась традиция давать официанту «на чай», пожалуй, никто не скажет. Но откуда появилась сама терминология этого вида благодарности — вполне понятно. Это сейчас счета в ресторанах подаются в кожаных папочках, коробочках и даже шкатулочках. А в позапрошлом и прошлом веках счет приносили на обычном блюдечке. И расплачиваясь, клиент оставлял монетку: как бы для того, чтобы официант мог поставить на это блюдечко чашку с чаем и немного по-человечески передохнуть за счет ушедшего посетителя.

Впрочем, не всякие чаевые можно поместить на блюдечко. И даже в шкатулку их не запихнешь. Забавную историю однажды поведала шведская газета «Афтенбладет». Девятнадцатилетняя официантка из города Сундсвалле получила самые большие в своей жизни чаевые: вместо того чтобы округлить счет, пожилой посетитель подарил ей свой «Порш».

Йозефин Юстин, так зовут официантку, обслуживала столик с группой пожилых посетителей. И вдруг один из них спросил, сколько ей лет. Юстин ответила, и посетитель заявил, что хочет в качестве чаевых отдать ей свою машину. Сначала девушка подумала, что он шутит. Но пожилой господин оставил ей свой номер телефона и попросил позвонить на следующий день. В сопровождении

своего отца Юстин приехала к нему и забрала свою машину. Это оказался «Порш» 1979 года выпуска, стоимостью примерно 4 тысячи евро.

Не новое авто, конечно, нужно было подкрасить и подремонтировать, но в остальном оно вполне пригодно для езды.

Газета перепроверила информацию и вышла на щедрого дедушку. Он отказался назвать свое имя, но подтвердил факт дарения. Более того, сказал, что ни о чем не жалеет. «Сидя там в ресторане, я посмотрел ей в глаза и подумал: „У нее должен быть «Порш»“, — сказал любитель благодетельствовать молоденьких официанток.

ТУРЦИЯ

Наш берег

Все южное побережье Турции — сплошной курорт. Как раньше древние греки покупали у местных кочевников бухты за мешок сушеной рыбы, а потом строили в них большие города, так теперь дельцы турбизнеса скупают земли под свои отели. Иной раз смотришь — узкая полоска у моря, а выше — горы, растут колючки, вокруг кочевой палатки из грубой темно-коричневой шерсти пасутся козы... Но рядом уже возводится мощный отель. Пройдет меньше года, и местность будет не узнать. Поднимутся не только корпуса с просторными балконами и панорамными окнами. Невесть откуда вырастут пальмы, прохладой будут манить сады. Раскинутся бассейны размером с футбольное поле

Анатолий Аграфенин

каждый. И футбольные поля тоже будут. А также теннисные корты и луга для игры в гольф... Но главное, в каждом номере под тихое урчание кондиционера, сидя в глубоком кресле, можно будет попить холодное пиво и наслаждаться доставленными прямо из Москвы по спутнику OPT или RTP.

Современная Турция — ответ времени на потерянное нашими отдыхающими советское Черноморье. Лететь на час дольше, а климат даже лучше, цены почти те же. Даже чем-то похоже на Пицунду или Гагры. Может, кто помнит:

«Почём стакан сока?»

«Одын рубэл!»

«Сколько стоит поездка на автобусе?»

«Одын рубэл!»

Курортное обслуживание — максимально унифицировано. В Турции все также исходит из принципа простых чисел. Тут нет нужды менять валюту на местные деньги, в которых немудрено запутаться, поскольку одновременно в обращении находятся и старые турецкие лиры по курсу 1 доллар полтора миллиона, и новые лиры — 1 лира равна полутора долларам. Но эту информацию не обязательно держать в голове. Все кратно доллару. Или евро. Курсы американской и европейской валют местные торговцы демократично приравняли.

Россияне уже несколько лет планомерно завоевывают турецкие курорты. Мэр Кемера, одного из популярных прибрежных городков возле Анталии, с гордостью заявил: «В этом году к нам туристов из России приехало больше, чем немцев».

И правда, поджарые немцы и экзальтированные немки скромно жмутся на выцветших полотенцах, разложенных прямо на гальке у моря. А наши со-

граждане, чаще всего бесформенного телосложения, вольготно занимают лежаки под зонтиками.

Немцы прагматичнее: за лежаки, как правило, нужно платить — 2—3 доллара, но разве это деньги для наших?

«Скажите, милочка, как в вашем отеле с питанием? — спрашивает полная тетенька другую нехрупкую нашу согражданку. — Что вы говорите: красная рыба на завтрак и вечером салаты с морепродуктами? Как вам повезло! А у нас утром яичница, а вечером кебаб. А звезд, вроде бы, столько же».

Это обстоятельство тревожит Мустафу Назика, владельца сети роскошных отелей «Папиллон». Турция ведет жесткую конкуренцию с курортами Египта, где дешевле, и Испании, где комфортнее. Поэтому, считает Назик, очень важно следить за репутацией. В Турцию можно поехать задорого и не получить должного уровня обслуживания. А можно относительно дешево и все получить по полной программе.

Чтобы выстоять в конкуренции на пресыщенном предложениями туристском рынке, турки одними из первых стали разрабатывать сети отелей по принципу «все включено». Суть в том, что, оплачивая путевку где-нибудь в Самаре или Петербурге, турист больше ни о чем не заботится. На месте отдыха его будут ждать не только солнце и море, но и уютный отель, с массой бесплатных услуг, почти круглосуточным питанием и напитками.

Разумеется, недорогие путевки не предусматривают ежедневные крабовые салаты или французский коньяк, хотя в пятизвездочных отелях, где стоимость недельного пребывания приближается к двум тысячам долларов, возможны и такие изыски.

Анатолий Аграфенин

Как правило, «все включено» — это приятный и вполне достаточный набор питания и напитков, но без шика. Впрочем, для нормального человека этого вполне хватает. На завтрак всегда подадут набор продуктов, в котором даже очень капризный гость найдет, что пожевать. На ужине, кроме множества салатов и фруктов, обязательных восточных сладостей, будет пять-шесть вариантов горячего. Турки великолепно готовят говядину, баранину, курицу. Особенно хороши у них кебабы. Но совсем нет свинины. И рыба, в основном, морская, поэтому на любителя — она горчит. Турецкое пиво «Эфес» делается по немецкой технологии. Местные вина немного кислят, но красные вполне соответствуют нормам обычного столового вина.

Правда, «все включено» в какой-то момент заканчивается, и что-то приходится оплачивать. Если среди услуг бесплатными являются лежаки и матрасы на пляже, платить придется за полотенца. Поэтому, отправляясь в Турцию, лучше прихватить свое из дома. Или купить в лавке, которых всегда много у любого отеля. Большие банные полотенца в Турции стоят около 10 долларов.

Бесплатными могут оказаться фитнес-зал и сауна, но за массаж и пользование джакузи придется выложить денежки. Короче, система «все включено» рассчитана на непритязательных клиентов. Может, поэтому немцы и голландцы, например, не пользуются полным пансионом, предпочитая только «койку и завтрак», ужинать они ходят в рестораны вне отеля.

Наши туристы делятся на тех, кто приезжает в Турцию ради моря и солнца, такие ограничивают себя только тем, что есть в их отеле и практически не

тратятся на дополнительные расходы. И есть такие, кто оттягивается на полную катушку. Сами турки жалуются, что наш народ развращает несчастный обслуживающий персонал отелей.

Судите сами: «все включено». По логике, в том числе и вежливость официантов, портье, горничных, носильщиков. Наши начинают давать чаевые. И официанты полностью переключают свое внимание, прежде всего, на наших. Плевать они хотели на немцев-голландцев, когда можно прилично заработать! Ведь для большинства турок из обслуживающего персонала туристский сезон весь год кормит. Рассказывают, один наш соотечественник в сильном подпитии решил шикануть — сунул официанту сто-долларовую купюру. В конце концов, он вынужден был ходить на ужин в ресторан в городе. Местная публика быстро привыкает к хорошему и начинает это воспринимать как должное.

Берег турецкий полон соблазнов. Катание на водных мотоциклах, «бананах», водных велосипедах. Полеты на парашюте, прогулки на яхтах, экскурсии. Цены на все договорные. На многое можно прилично скинуть.

Вообще в Турции нужно постоянно помнить — не спешить доставать кошелек: в этой стране всегда можно найти то же самое, но дешевле. Регулированные государством цены существуют только на алкогольные напитки и табак.

Туристов регулярно стараются заманить в торговые центры, где утверждают, что товары продаются по фабричным ценам, да еще и со скидками. Такие же цены, а то и ниже можно найти в любой лавочке возле отеля! Просто многие агентства, организующие выездные автобусные экскурсии, полу-

чают комиссионные с продаж до 25 процентов от выручки магазинов. А когда в торговый центр привозят целый автобус туристов, обязательно найдется тот, кого расторопные продавцы ухитрятся раскрутить на покупку.

На самом деле отправляться за покупками лучше всего на рынки, которые раз в неделю проходят в каждом городке или деревне. В этом огромном универмаге под открытым небом можно купить буквально все, с лейблом любой фирмы. Скорее всего, это подделка. Но отличить неспециалисту очень трудно. Поэтому, почему бы не купить и не пощеголять в прикиде от самой недоступной фирмы, приобретенном к тому же за смешные деньги? Тут главное не переусердствовать...

Турция — цивилизованная страна. Так называется один из путеводителей, выпущенный здешним министерством туризма. В общем, это, как говорил один профессор из Дании в известном фильме, — «плохой печать». Имеется в виду, что за несколько тысячелетий через территорию современной Турции прошли и оставили свой след одиннадцать цивилизаций. Но пренебрежение нормальной русской редактурой сыграло злую шутку. Многие могут резонно подумать, что у турок существует некий комплекс неполноценности.

Отчасти, возможно, это и так. До деноминации в 2005 году турецкой лиры, когда на купюрах сократили сразу шесть нулей и снова в обращении появились мелкие монеты куруш — вроде нашей копейки, Турция слыла «страной миллионеров». Правда, средняя зарплата — триста миллионов лир — едва превышала двести долларов. А Турция никак не могла выйти из экономического кризиса. Турки дав-

но и настойчиво стучатся в двери Евросоюза. Но вот уже приняли Мальту, Кипр и страны бывшей советской Прибалтики. А Турция все еще в числе кандидатов. Наверное, от этого можно сойти с ума...

Но может, было бы легче, если бы турки изменили что-то в своем менталитете? Уж точно он не европейский. Что может быть приятнее пройтись вечером после жаркого дня по тихим улочкам, под черным южным небом. В Турции для многих это может быть серьезным испытанием. Из каждой лавки, из каждого магазина выскакивают какие-то люди, предлагают свои товары: текстиль, ковры, изделия из кожи, золото. Эта система навязчивости, очевидного перебора — свойственна, к сожалению, Турции, что отчасти утомляет. Тем более что подавляющая часть товаров — чистой воды подделки.

«Посмотрите наши изделия, — говорит приказчик ювелирного магазина. — Вот вещи из коллекции Версаче, вот Шопард, Армани. Недорого. Если вам, что-то не нравится — изменим».

«Ваш хозяин — на прямой связи с Армани», — шутят наши туристы.

Приказчик не понимает шутки: «Ну, конечно, у нас есть все каталоги всех самых знаменитых фирм!»

Впрочем, турки стараются изменить ситуацию. Турист не только дойная, но и священная корова. На курортах он оберегается специальными подразделениями полиции. Приглашающие с турецкой стороны турфирмы, если это действительно крупные и серьезные организации, опекают своих клиентов каждый день. В том числе, не чураясь участвовать в магазинных разборках, когда турист, сообразив, что его все-таки «напарили», пытается вернуть товар...

Анатолий Аграфенин

Странным образом из всех экскурсионных маршрутов исчезли достопримечательности времен Османской империи. Вокруг Анталии — множество старинных крепостей, дворцов, мечетей. Туристов же возят на обломки древнегреческой и римской эпох. Или полюбоваться природными красотами.

Что это, своеобразная политкорректность?

Турция — светское государство. Тут, как и у нас, церковь отделена от власти. Но голос муллы регулярно, чуть ли не каждый час, звучит с минаретов. Минареты, как правило, узки и высоки — поднимаются примерно на уровень пятого этажа.

— И они ежечасно поднимаются на такую верхо-туру? — наивно спросил я нашего гида.

— Нэт, там есть громкоговорители, — ответил турок.

Да, ничего не скажешь, слышно хорошо. Не хуже вездесущего Таркана, без которого дискотека не дискотека.

Провожая вас в аэропорт, заводной гид обязательно несколько раз повторит: «Понравилось? Может, вернемся? Ну как, — возвращаемся?!» Что правда, то правда — через год многие вчерашние отпускники снова пойдут в отпуск и отправятся к теплему морю, южному солнцу в Турцию. Турция — 90-й регион России! С гордостью сказал один из организаторов турбизнеса в этой стране. Справедливо: миллионы россиян ежегодно бывают здесь. Тут не нужно знать иностранные языки: практически все говорят по-нашему. Дешево и сердито. Огромная империя существует на наши денежки. Но она не наша. А вот когда наша страна начнет ценить свои заповедные места, сумеет построить отели, рестораны, дороги, создать вокруг великолепную инфраструктуру?

Заметки на полях

Турцию ежегодно посещают 1,5 млн россиян. И это в последнее время раздражает немцев. Долгое время они считали себя хозяевами на Средиземноморском и Эгейском побережьях Малой Азии. Теперь, похоже, приходит конец их гегемонии. В западной прессе регулярно появляются статьи с выпадами в адрес наших соотечественников.

«Их женщины похожи на проституток, а мужчин вообще не сосчитать — их даже больше, чем англичан на Мальорке», — пишет одна из немецких газет. «Русские — это худшее из зол, — вторит другая газета. — У них нет никаких хороших манер, и они пьют днями напролет». Немка, отдыхающая в Кемере, на турецком побережье Средиземного моря, заявила, что в битве за лежаки россияне, похоже, победили немцев благодаря собственным правилам игры. «Я вынуждена отправляться на пляж как можно раньше, пока русские не заграбастали все лежаки, — заметила она в интервью британской „Дейли телеграф“. — Но даже если ты кладешь полотенце и все свои вещи на лежак, русские просто сбрасывают их. Они ничего и никого не уважают!» Один журнал представил подробное описание среднего туриста-мужчины из России, которого сравнивают с советским танком Т-34. «У него руки борца, а ноги — как печные трубы в таежной избушке. Пить он начинает с самого утра, курит в любом месте и никогда не извиняется», — пишет журнал.

Приток россиян с высокой покупательной способностью привел к тому, что местные магазины, раньше продававшие пляжные принадлежности, принялись тор-

говать дорогими мехами и шубами. Перспектива дальнейшего упадка русско-немецких пляжных отношений заставила недавно одного из крупнейших туроператоров Германии призвать к раздельному отдыху лиц разной национальности. Представитель фирмы заявил: «Пусть будут отели для русских и отели для других национальностей».

Впрочем, наши соотечественники далеко не худшее из зол. Недавно «Гардиан» рассказала о скандале в Греции. Там решили экстрадировать британских туристов, заснятых камерами наблюдения во время занятий сексом в барах и на пляжах одного из островов. «Это не просто что-то неприличное, это откровенный криминал», — заявили греческие власти. Местные жители сетуют на англичан: «Когда они прилетают в Грецию, они выглядят очень мило. Но уже на следующий день это совершенно другие люди, полностью лишенные тормозов и до полусмерти пьяные».

Британцев обвиняют в организации постоянных вакханалий, что они пьют, начиная с утра, нарушают все нормы морали... А главное, все время шумят, громко разговаривают, мешая добропорядочным гражданам спать.

Что ж, никто не спорит, что нужно в любой ситуации вести себя хорошо. Но нельзя не признать, что у этой проблемы две стороны. Люди для того и уезжают на отдых подальше от дома, чтобы «оторваться по полной», сбросить накопившийся стресс. Туризм не бывает без грохочущих дискотек, шумных вечеринок и некоторых излишеств. За это, собственно, они и платят деньги. И уже самим хозяевам курортов решать, как им жить — либо зарабатывать, либо объявить свое побережье каким-нибудь заповедником и тихо умиляться своей нищетой.

ШВЕЦИЯ

Морская болезнь

Как испортить себе отпуск? Просто нужно отправиться в путешествие, плохо представляя себе его цели, не соотнося свои материальные возможности с реальными затратами, не имея на руках всех необходимых документов... Так я и поступил.

— Где вы собираетесь отдыхать во время отпуска,— спросили мои финские друзья.— А то давайте у нас, в Финляндии. Можно, например, отправиться в морское путешествие.

— Вот здорово! — вырвалось у меня. До сих пор не могу понять, была эта фраза роковой ошибкой или она послужила началом одного из самых впечатляющих приключений в моей жизни.

Финны люди практичные. После моего принципиального согласия совершить морскую прогулку (а лучше сказать — непротивления) мои друзья развернули бурную деятельность. Почти ежедневно мне на работу или домой звонил кто-то из них и подробно отчитывался, как идет подготовка к коллективному отдыху. В конце концов, и я понял, что все это не шутки. Было это во времена, когда Финляндия еще даже в Евросоюз не вступила. То есть тогда, когда Шенгенское соглашение по визам только обсуждалось, единая европейская валюта была только в проекте. А мы в глубине души были еще очень советскими людьми. С нашими небольшими зарплатами, но искренним желанием идти в ногу со всем остальным цивилизованным человечеством.

Я начал выяснять, что нас с женой ждет. Люди бывалые говорили: «Это чудесно! Ты представить даже себе не можешь, как это красиво!» Но в памяти еще свежи были воспоминания о трагедии парома «Эстония», а пресса активно анализировала причины гибели отнюдь не хрупкого суденышка в пучине Балтики.

Впрочем, моя жена, которой больше всех понравилась идея морского путешествия, очень активно взялась за меня. Она убеждала, что бомба дважды в одну воронку не попадает, что все судоходные компании приняли меры дополнительной предосторожности и что, в конце концов, финны — не эстонцы и финские паромы ни разу еще в неприятности не попадали.

— А морская болезнь? — возражал я. — Вдруг меня укачает?

— Ерунда! — говорила она, ссылаясь на авторитетных знакомых. — Паром — огромен, как остров. Качка не ощущается. И вообще такое впечатление, что ты не плывешь, а живешь на берегу в огромном отеле.

Финны на этот вопрос реагировали куда проще:

— Мы возьмем с собой таблетки. Начнется качка — выпьешь, и ничего не будет.

Впрочем, проблемы с морем — это, как оказалось, лишь часть вопроса. Причем не самая главная. Чего будет стоить удовольствие покачаться на волнах? Отдых на даче под Питером — бесплатное приложение к отпуску. За морскую прогулку надо платить, причем в СКВ.

— Стоит это сущие копейки! — успокаивала жена, которая, кажется, навела уже все возможные справки у сведущих людей. — Говорят, что до Сток-

гольма на «Викинг-лайн» билет обходится в символическую сумму. Правда, каюта располагается под ватерлинией и похожа она на купе поезда, только без окна. Но есть душ и туалет. А поскольку на пароме главное не как переночевать, а морской воздух, морские виды, а вечером развлечения — бары, дискотеки и тому подобное, то вопрос о каюте даже не так важен.

Финны успокоили по-другому:

— Ну, конечно, мы не поплывем вчетвером в одной комнате, — подчеркнули они. — Возьмем каюты на двоих.

При этом мои финские друзья подчеркнули, что «Викинг-лайном» они не поплывут, а поплывут «Силья-лайном». По их словам, «Викинг-лайном» путешествуют люди другого «класса», те, кто хотят «напиться как сапожники» в дешевых «дьюти-фри»-барах.

— Потом им становится так плохо, что путешествие в такой компании превращается в сущий ад, — сказали мои финские друзья. — Люди семейные у нас плавают исключительно «Силья-лайн».

Я зауважал моих финских друзей. Но, памятуя о том, что пьяный финн или швед все же отличается от пьяного русского тем, что на порядок безобиднее, все же пытался возражать. У меня уже тогда возникло смутное подозрение, что престиж стоит лишних денег, которые мне не хотелось из-за крайнего их дефицита тратить. Но под напором жены пришлось сдаться. В конце концов, сказала она, что о нас подумают. Не нищие в конце концов, и живем один раз. Успокоив меня таким примитивным образом, она посчитала, что довольно меня убеждать: «Плывем! Чего бы это ни стоило».

Анатолий Аграфенин

Но подготовиться-то себя следовало.

— Так сколько надо взять с собой денег? — как можно безразличнее спросил я во время очередных телефонных переговоров.

— По двести долларов на человека за билет до Стокгольма хватит, — сказали мне.

Я крикнул, но как можно веселее заметил:

— Здорово! Покупайте билеты! Прокатиться в столицу Швеции по морю, с питанием, в хорошей каюте за каких-то двести долларов...

— Мы рады, что ты думаешь, как и мы, — сказали финны. — Правда, кушать мы будем за дополнительные деньги.

Тут пошли помехи на телефонной линии, разговор прервался. И мне стало нехорошо...

Я пережил трудный вечер и ночь. Я прикидывал имеющуюся наличность, считал, сколько еще нужно поменять, чтобы сразу отдать деньги за билеты, сколько отложить на питание и непредвиденные расходы. Но наутро меня ждал еще один сюрприз.

— Все билеты в дешевые каюты проданы до конца лета, — рапортовали финны. — Мы взяли два билета в «люкс» и два в первый класс. Когда вы приедете в Финляндию, мы разыграем, кто где поплывет.

Я был вынужден сказать, что сразу отказываюсь от счастья путешествовать в «люксе» в пользу финских друзей. Это их удивило, но, похоже, обрадовало:

— Нам нравится в русских полное пренебрежение к роскоши, — сообщили они.

Я уже ругал себя за слабость характера, за желание жены казаться богаче, чем мы есть на самом деле. Я ругал себя за свой оптимизм, когда впервые зашел разговор о морской прогулке. И тут меня охватил еще больший ужас... Столица Швеции Сток-

гольм — для финнов открытая территория, а у нас ведь есть виза только в Финляндию. А ну-ка, как выйдем мы со своими серпастыми-молоткастыми на берег по другую сторону Ботнического залива и повяжут нас шведские спецслужбы... И, заплатив кучу денег, мы еще наживем себе таких неприятностей, что мало не покажется.

То, с чего следовало начинать, пришло в голову в последний момент. Можно ли оформить шведскую визу? Нет, отвечали мне — сроки очень маленькие. Турагентство в Хельсинки, через которое куплены билеты, этим не занимается — и зачем: у финнов открытая виза в соседнюю страну.

Жена же отнеслась к этому спокойно:

— Нет визы? Скажем, не знали, что она нужна...

И вот мы в Хельсинки. Припаркована машина на стоянке. Пассажирский терминал «Силья-лайн». Регистрация билетов. Финские друзья, видимо, ощутив серьезность момента, предложили зарегистрировать и наши билеты. На паром мы проходили одними из первых задолго до отхода. Чиновники из службы паспортного контроля беззаботно болтали в стороне от своих застекленных будок. Такое впечатление, что если бы даже у нас была шведская виза и нам предстояло бы отметить факт своего отбытия из Финляндии, нужно было бы взять какого-нибудь из этих веселых молодых парней и самолично отвести в его будку. Но мы не стали подавать вид, что у нас что-то не так с документами. Глупо улыбаясь друг другу, я, жена и финские друзья проследовали на паром.

Паром «Серенада» — действительно настоящий плавающий остров. Паром начинался на 7-й палубе, где в него входили пассажиры. Впечатление такое,

что мы отправлялись не в морское путешествие, а пришли на представление в цирк «Шапито». Пассажиров встречала шеренга стюардов, какие-то ряженые. Гремела музыка. А фотографы запечатлевали каждого, кто входил на «Серенаду». Позже проявленные снимки были вывешены на специальные стенды, и каждый желающий смог выкупить карточку за сумму, эквивалентную шести долларам.

Наша каюта была на девятой палубе. Она больше походила на номер в четырехзвездочном отеле: прихожая с большим зеркалом и шкафом, в комнате две кровати, кресло и столик. Душевая с туалетом. Окно каюты выходило на центральную палубу, которая, словно пешеходная улица города тянулась от носа до кормы. На эту «улицу» выходили окна многих кают, на ней располагались несколько ресторанов, кафе, парикмахерская, фотоателье, бутики. В общем, не все так страшно. Жена прикинула, что если пользоваться рестораном со шведским столом, где ужин и завтрак стоят не очень дорого, то путешествие будет не столь уж и неприятным. Чтобы избежать проблем со шведскими пограничниками, можно веселиться на пароме всю ночь, а днем, не сходя на берег, отоспаться...

Но только мы расположились в каюте, раздался звонок телефона. Наши финские друзья радостно сообщили:

— Мы решили, что не пойдем на комплексный ужин. Мы сдали все наши талончики и уже заказали легкий ужин с аперитивом в морском ресторане, откуда пойдем на настоящий ужин во французский ресторан, здесь отличный повар. А когда поедем из Стокгольма — поужинаем в мексиканском ресторане.

Я рванул вниз, на центральную палубу. На дверях еще не открывшихся ресторанов уже вывесили меню. Стало понятно, что придется немало потрудиться, чтобы уложиться в выборе блюд в разумную сумму. Понятно, что финны оттягиваются во время этого путешествия и собираются получить максимум удовольствия во всех отношениях, в том числе и гастрономических. Но нам-то что с ними тягаться?

Любопытное движение происходило на центральной палубе. Большинство отплывающих уже устроились в своих каютах и теперь фланировали по «главной улице». Кто-то направлялся на верхние палубы, чтобы посмотреть, как паром отчалит от берега и пойдет в открытое море, кто-то занял очередь к стойкам баров, где продается дешевый по скандинавским понятиям беспошлинный алкоголь. А кто-то отправился в огромный «дьюти-фри»-универсам, чтобы закупить пиво, водку и другие напитки, которые в Финляндии стоят безумные деньги, а на пароме без пошлины обходятся покупателям значительно дешевле.

Как только паром отошел от берега, завертелся вертеп развлечений. Народ хлынул в рестораны. Стало понятно, что наши финские друзья оказались весьма предусмотрительными, заказав места. Даже придя в назначенное время, мы вынуждены были минут двадцать ждать, пока освободится наш столик — предыдущие клиенты еще не доели свой ужин и не допили вино, а затем официантка готовила наши места.

Подлинное столпотворение творилось в магазинах, где люди, пользуясь возможностью что-то купить без пошлины, отоваривались впрок, тратя несколько своих месячных зарплат на туалетную воду,

шампуни, алкоголь, конфеты и еще многое другое. Граждане западных стран не упускали возможности сэкономить хотя бы десять марок. Уже потом, выходя с парома и видя огромные баулы, погруженные на ручные тележки, подобные тем, что время от времени блокируют эскалаторы нашего метро, я невольно вспомнил ту эпоху, когда где-нибудь в Котке или Хамине местные жители осуждали наших вырвавшихся за границу туристов, скупающих все подряд. Посмотрели бы эти добропорядочные граждане западных стран на себя со стороны. Сколько алчности! Как безумно горят их глаза!..

Ночь, полная развлечений (весьма, кстати, дорогостоящих), прошла для моей жены и наших финских друзей беззаботно и весело. После нескольких коктейлей (один, модный в том сезоне, оказался весьма изысканным: в рюмочку наливается текила, какой-то ликер, сливки и горячий кофе) проблемы с пересечением шведской границы и мне показались не такими уж сложными. Я представлял, как мы со шведскими пограничниками в случае нашего задержания посмеемся над отсутствием визы в наших паспортах. В конце концов, максимум что они могут сделать — депортировать нас на финскую территорию, то бишь на паром...

Наутро, когда «Серенада» причалила к терминалу в Стокгольме, чувство страха вновь вернулось ко мне.

Мои финские друзья успокаивали:

— Ничего страшного — пойдем через час, как причалим. Когда все покинут паром, пограничники тоже уйдут. Что они дурные, сторожить пустой корабль?

Это было разумно. Но когда через час мы ступили на шведскую землю, моя душа ушла в пятки. Мы

проследовали по пустым коридорам терминала, прошли мимо пустых стеклянных будок с надписями «Таможня» и «Паспортный контроль». В одной из них сидел чиновник, который на нас даже не поднял глаза. Затем мы пересекли зал морского вокзала, в котором шведские полицейские спокойно курили в стороне. И вышли на площадь, сели в такси. Наши финские друзья по-шведски (как-никак второй государственный язык в Суоми и все его в школе учат) сказали, что нам нужно к королевскому дворцу. Когда мы оказались в центре, они нас поздравили: «Добро пожаловать в Стокгольм!»

Прогулка по шведской столице была беглой — на паром нужно было вернуться как минимум за час до начала официальной посадки, чтобы нас не схватили. К счастью, обратный путь по пустым коридорам стокгольмского терминала прошел без приключений. Правда, оказавшись задолго до отхода парома на его борту, я вдруг осознал, что все уже осмотрено и что нам ничего не остается, как скучать, ожидая отплытия.

В шесть вечера по шведскому времени мы отошли от причала. И тут началась самая красивая часть путешествия. Когда смотришь на обыкновенную географическую карту, кажется, что Стокгольм и Хельсинки стоят на самом морском берегу и их разделяет Ботнический залив. Однако, когда «Серенада» пустилась в путь, создавалось впечатление, что мы плывем по какой-то реке или каналу. Сплошной чередой следовали друг за другом острова. Обитаемые и необитаемые, с городами и отдельными рыбацкими домиками. Все это — как в сказке.

Паром действительно напоминал огромный остров: ни качки, ни ощущения хода. Напротив, дума-

ешь, что все вокруг проплывает мимо тебя. Ты стоишь на двенадцатой палубе и озираешь мир с высоты небоскреба. Залив около Стокгольма — довольно напряженно работающая магистраль. Впереди нас плыл в Хельсинки паром «Викинг-лайн». Навстречу шли паромы из Мариенхама, Турку, Таллина и других городов. Внизу шныряли, как мотоциклисты, катера и яхты. А у причалов на берегу выстроились очереди из автомобилей, ожидающих, когда подойдет курсирующий с острова на остров маленький паром типа речного трамвайчика.

Кто-то комментировал, что этот остров принадлежит такой-то богатой шведской семье, впереди будет остров, который когда-то купила Грета Гарбо... И тут случилось то, что обычно бывает в такой ситуации. Я почувствовал, как устал от всей этой нервотрепки, и что мне абсолютно безразлична вся эта красота...

Когда утром мы приплыли в Хельсинки и пошли в здание морского вокзала, увидели, как финские таможенники тормозят наших российских туристов, отмечающих свои паспорта. У наших соотечественников изъяли купленный в «дьюти-фри» алкоголь, поскольку следующие транзитом через Финляндию по закону этой страны не имеют права провозить горячительные напитки. Переступая через поставленные на дороге сумки и чемоданы, я сказал: «Сорри!» При этом предательски звякнули бутылки в баульчике наших финских друзей, затоварившихся так основательно, что мне пришлось помочь им эвакуироваться с парома. Однако стражи порядка в стране Суоми, поглощенные своей работой, даже не обратили на нас никакого внимания.

Путешествие завершилось. Что бы было, если бы нас поймали?

— Мы не хотели вас расстраивать, поэтому не говорили,— сказали наши финские друзья.— Скорее всего вас бы лишили визы в Финляндию на несколько лет... Но мы были уверены, что все закончится хорошо,— тут же поправились наши товарищи из Суоми.

Хорошенькое дело! В общем, конечно, путешествие было славным. И если бы не сумасшедшая трата денег, страхи, комплексы и нервотрепка, можно было бы даже получить от морской прогулки удовольствие... Если бы. А так, получилось, что все приятное ушло куда-то, а проблемы, связанные с этим путешествием, запомнятся надолго. Как морская болезнь, у тех, кто многое ожидал от первой встречи с морем, а вынужден был пролежать все время в каюте, не видя ничего вокруг.

Заметки на полях

Со времен путешествия с финскими друзьями на пароме прошло несколько лет. Финляндия и Швеция вступили в Евросоюз и вскоре подписали и Шенгенское соглашение. Так что теперь, отправляясь из столицы Финляндии Хельсинки в столицу Швеции Стокгольм,— дополнительная виза не нужна. Поездки наших сограждан на пароме Хельсинки — Стокгольм стали довольно популярны. Стоит это по-прежнему недорого. Если покупать напрямую у судоходных компаний, стоимость места в четырехместной каюте 2-го класса обойдется около 40 евро. В двухместной — вдвое дороже. А каюты с видом на море стоят еще дороже. Каюты-люксы «тянут» под 500 евро. Есть тут и еще одна хитрость: цены в субботу и пятницу, когда скандинавы

Анатолий Аграфенин

отправляются на «уик-энд», значительно возрастают — чуть ли не вдвое.

Наши турфирмы в последние годы организуют специальные туры, включающие переезд на автобусе в Хельсинки, экскурсию по столице Финляндии, плавание на пароме и экскурсию по Стокгольму. Оформление всех документов агентства берут, разумеется, на себя. В такое путешествие особенно приятно отправляться на праздники. Скажем, можно на пароме встретить Новый год. Такое событие запомнится на всю жизнь!

Что ни говорите, удобная эта штука — шенгенская виза. Но откуда взялось такое название? Шенген — маленький городок в Люксембурге, где в 1985 году государства Европы подписали соглашение о полной отмене какого-либо контроля на своих внутренних границах. В июле 1995 года эти правила вступили в силу, благодаря им путешественник, имея визу одной из стран, подписавших этот договор, может беспрепятственно ездить по всем другим государствам, входящим в так называемую «шенгенскую зону». А таких стран немало. Это — Австрия, Бельгия, Германия, Греция, Дания, Испания, Италия, Люксембург, Нидерланды, Португалия, Финляндия, Франция и Швеция.

Кстати, в шенгенскую зону уже сейчас входят Норвегия и Исландия, которые не являются членами ЕС, но связаны обязательствами о безвизовом передвижении с другими странами Северной Европы. Так что из Хельсинки можно смело с финской шенгенской визой отправляться и в Осло, и в Рейкьявик, и в другие города Норвегии и Исландии.

Из стран ЕС в шенгенскую зону не входят Великобритания и страны, только что вступившие в Евросоюз. Если вопрос присоединится или не присоединится Великобритания к Шенгену все еще не ясен, то большинство

стран-новичков твердо заявили, что стремятся войти в безвизовую зону. Произойдет это не раньше 2007 или 2008 года, когда эти страны будут готовы не только морально поддерживать договоренности, но и соблюдать все технические требования по обеспечению должного контроля и порядка на своих границах.

О своем намерении вступить в шенгенский союз недавно заявила даже Швейцария, а ее народ на референдуме поддержал эту идею. Вся граница Швейцарии является внутренней границей ЕС, поэтому страна очень заинтересована в безвизовых поездках своих граждан по объединенной Европе.

Владение шенгенской визой открывает огромные возможности перед путешественником, но одновременно накладывает на него огромную ответственность. Ведь если кто-то нарушит правила в любой из стран союза и, не дай бог, «попадет в компьютер», этому человеку могут отказать в визе во все страны ЕС.

Самое распространенное нарушение — это получение визы в одну страну шенгенской зоны, а поездка — в другую. Например, финские чиновники очень не любят, когда кто-то, оформив их визу, тут же отправляется в Германию или Францию. Поэтому, получив «шенген», нужно всегда помнить одно железное правило: свою первую поездку нужно совершать либо пересекая границу страны, выдавшей вам визу, либо направляясь в страну, чья виза стоит в вашем паспорте.

БОЛЬШАЯ ПРОГУЛКА

РОССИЯ — КОСМОС

Кто во Вселенной живет?

— А вы что ТУТ делаете? — такой простенький вопрос, вполне возможно, могут задать нам представители других цивилизаций или мы им, если когда-нибудь обнаружим друг друга в необъятных просторах Вселенной. Вероятность таких контактов становится возможной.

XX век ученые единодушно назвали веком физики. Именно этой науке человечество обязано многими крупнейшими достижениями минувшего столетия. Прогнозируя будущее, ученые считают, что XXI век станет веком биологии и астрономии. Биология поможет побороть многие болезни, продлить жизнь человека и обеспечить качественно новый ее уровень. Астрономия уже сейчас стоит на пороге ответа на главный вопрос: почему и зачем мы появились во Вселенной? И сколько отмерено человеческому роду...

Самыми урожайными на открытие новых звезд у нас всегда считались зимы. В морозные ночи небо

темнее и чище. Представьте: минус 30, помещение под куполом, чтобы телескоп не запотевал, не отапливается. Астроном, отправляясь на дежурство, облачался в тулуп и натягивал валенки. И на всю ночь замирал перед объективом. Ночь, звезды, человек...

Сегодня классический образ астронома с галилеевским телескопом-трубой уходит в прошлое. И действительно, что можно увидеть в его объективе? Ночью при ясной погоде мы наблюдаем тысячи звезд. Объектив телескопа приближает нас к ним. Но в нем в лучшем случае различима только одна звезда.

— Будущее — за радиотелескопами! — уверенно говорит директор Института прикладной астрономии РАН, профессор Андрей Финкельштейн.

Еще в начале прошлого века ученые обратили внимание на мощнейшее излучение космоса. Земли достигают потоки колоссальной энергии, исходящие от объектов во Вселенной, находящихся порой на расстоянии миллионов, миллиардов световых лет. Следовательно, благодаря этому излучению можно наблюдать за космосом так же, как через объектив оптического телескопа. Только возможность человеческого «всевидящего ока» многократно увеличивается.

Прогнозируя будущее науки, ученые еще на заре радиоастрономии видели открывающиеся перед ними фантастические возможности. Мощная «тарелка», устремленная как радар в небо, способна уловить «дыхание» даже самых отдаленных от нас объектов — квазаров, находящихся за миллиарды световых лет от Земли. Что тут говорить о более близких объектах. Через оптический телескоп можно рассмотреть отдельные участки, например Марса, различить кратеры и долины, океаны и озера.

Анатолий Аграфенин

Радиотелескоп позволяет «ощупать» каждый сантиметр Красной планеты.

— Если на Марсе каким-то чудом заведется комар, мы услышим его писк, — твердо заявляют астрономы.

Правда, еще двадцать лет назад многие грандиозные планы были всего лишь теорией. Дело оставалось за малым — создать хотя бы один мощный радиотелескоп. Начавшуюся в тот период новую мировую гонку за первенство в радиоастрономии можно сравнить лишь с той, что развернулась в преддверии первых полетов в космос.

Задачу создания радиотелескопов на территории СССР поставили перед группой молодых ученых еще в середине 80-х. Для этих целей в Ленинграде при Академии наук был образован Институт прикладной астрономии.

Особенность радиоастрономии заключается в том, что если даже один телескоп имеет огромные возможности, то сеть «тарелок» позволяет увеличить эту мощность многократно. Ведь «зеркалом» в таком случае становятся не только «тарелки» самих телескопов, но и вся поверхность Земли между ними. Россия при ее огромной территории изначально имела исторический шанс завоевать первенство в этой области.

А в те годы наши астрофизики к тому же рассчитывали на телескопы на Украине, в Средней Азии и Прибалтике. Центральный же, главный телескоп решено было построить в поселке Светлое Ленинградской области. При этом учитывалось уникальное географическое местоположение точки слежения. Мегполис с огромным научным и промышленным потенциалом сравнительно недалеко — всего в ста километрах, при этом вокруг самого Светлого —

никакой промышленности и крупных объектов, которые бы создавали помехи наблюдениям.

Одно обстоятельство было в «минусе» — обсерваторию предстояло построить, что называется, в чистом поле. Вокруг, кроме «лысых» холмов, ничего не было.

За дело первопроходцы взялись с энтузиазмом, сравнимым разве что с самоотречением пионеров первых пятилеток. Рабочим столом астрономов стали ящики из-под оборудования, а кабинетами строительные вагончики и палатки.

— Задача была ясна как день, — вспоминает Андрей Финкельштейн. — Однако уникальный научный объект нужно было не просто строить на голом месте. При этом ни одной детали, ни одного прибора не существовало в природе. Их нельзя было позаимствовать или купить в магазине. Все это предстояло придумать и сделать.

К сожалению, развал СССР резко затормозил развитие проекта. Оптимизм на какое-то время сменился пессимизмом. Астрономов нередко открыто упрекали: «Народ голодает, а вы все о звездах мечтаете!» Андрей Финкельштейн пытался объяснить, что богата не та страна, где все сыты, одеты и обуты, а та, что заботится о будущем, и не только своим, но и всего человечества. Впрочем, понятно, что подобные речи отклика, как правило, не находят. Слушали действительно плохо. Это время нужно было пережить...

Горькую и обидную страницу в истории отечественной астрономии удалось перевернуть. И годы отчаяния сменились временем триумфа. Первый радиотелескоп отечественной программы «Квазар» вступил в строй в мае 1997 года. Затем начал рабо-

тать еще один радиотелескоп в Закавказье. Последним вступил в строй телескоп в Прибайкалье — в Бурятии. Фантазии ученых воплотились в жизнь и стали приносить первые открытия. Россия стала второй после США страной, имеющей свою собственную национальную систему радиотелескопов.

— Мы создали не просто свою отечественную программу. Мы построили лучшие в мире радиотелескопы, — подчеркивает Андрей Финкельштейн. — Наши проекты готовы хоть сейчас купить в Японии, Финляндии, Китае, других странах. Достигнув приоритета в радиоастрономии, российская наука вновь получила уникальный шанс вырваться вперед. ...И все-таки точит, точит обывательский червячок сомнения. А зачем все это нужно? Зачем тратить миллиарды рублей на фундаментальные исследования? Что космос может дать сегодняшним жителям Земли?

Профессор Финкельштейн, привыкший к подобным вопросам, отвечает терпеливо и обстоятельно:

— Проект «Квазар» дал три основных урока. Первое, он наглядно доказал, что российские технологии не хуже, а в некоторых областях — лучше западных. Не секрет, существует миф, что Россия ущербная страна, которая все силы потратила на «оборонку». Так вот — это неправда! Все, что вложено в обсерваторию Светлое и позже в другие обсерватории, сделано отечественными разработчиками и по отечественным технологиям.

Второе — проект еще раз подтвердил тесную взаимосвязь фундаментальной и прикладной науки. Нет отдельно существующей и далекой от жизни теории. Все, что сегодня разрабатывается фундаментальной наукой, уже завтра может и должно воплощаться в реальность на практике.

Наконец, третье. То, что удалось сделать, продемонстрировало способность Российской Академии наук реализовывать самые сложные проекты и мировой приоритет нашей научной мысли.

Итак, что же дают исследования по программе «Квазар»? Вот только самые «утилитарные» вещи. Обсерватории обеспечивают данными, которые используются в Морском астрономическом ежегоднике, без которого в море не выходит ни один российский корабль. Телескопы, оснащенные точнейшими атомными часами, имеющими погрешность всего в одну секунду на два миллиона лет (!), трудятся на национальную службу точного времени.

Именно благодаря радиоастрономии можно сегодня ясно и отчетливо наблюдать многие процессы на Земле. Например, движение земной коры. Наши астрономы доказали, что полуостров Крым приближается к России ежегодно на 2 сантиметра, а Японские острова «плывут» к берегам Дальнего Востока с поистине крейсерской скоростью — до 10 сантиметров в год.

Недавно на одном из конгрессов прозвучало, что к концу нынешнего века уровень мирового океана поднимется аж на 6 метров. Получив такую информацию, обитатели многих точек планеты, например Нидерландов и Петербурга, должны были бы в спешке паковать чемоданы...

— Глупости все это, — говорят сотрудники обсерватории в Светлом. — Авторитетно можем заявить: даже поднятие уровня мирового океана на 1 миллиметр в течение нескольких лет не осталось бы нами незамеченным. Но этого пока не происходит. Поэтому о глобальных изменениях климата планеты говорить пока, к счастью, рано.

Отдельная тема — астероидная опасность. Не секрет, что в Солнечной системе «мечутся» тысячи больших и малых тел. Траектории их движения то и дело пересекаются. Какие-то из них через определенный промежуток времени могут столкнуться с Землей, что уже неоднократно случилось. В наше время любой, даже сравнительно небольшой «осколок неба», свалившийся на какой-нибудь мегаполис, может привести к глобальной катастрофе. Технически остановить подобную беду возможно: все-таки человечество научилось посылать в космос и ракеты, и спутники. Но чтобы предотвратить, нужно, по крайней мере, знать. И только радиоастрономия сегодня способна с точностью буквально до миллиметра рассчитать траекторию любого космического объекта. Пока астрономы спокойны — Земле ничего не угрожает. Но разве мы, земляне, не должны стоять на страже собственной планеты?

— На Западе сегодня на фундаментальные исследования в области астрономии тратятся гигантские деньги, — говорит Андрей Финкельштейн. — На достаточно скромный проект без проблем выделяются десятки миллионов долларов. На глобальные — многие миллиарды. У нас масштабы скромнее. Но именно благодаря тому, что мы владеем уникальными обсерваториями, паритет пока сохраняется. И все-таки не отстать бы нам...

По словам Андрея Михайловича, сегодня человечество подошло вплотную к разгадке тайны возникновения жизни в Солнечной системе. Стечение очень многих обстоятельств показывает, что все это произошло отнюдь не случайно. Почему? Зачем? Ученые гарантируют, лет через 30—40 смогут дать ответ на

этот вопрос. А значит, будет найден ответ и на другой глобальный вопрос, какое будущее ожидает человечество, способен ли земной разум преодолеть свою беспомощность перед Вечной Вселенной? И сколько отведено нам лет на нашей зелено-голубой планете? Еще тысячелетие или миллион лет?

— А мы одиноки в космосе? — такой вопрос часто задают мне те, кто приезжает в нашу обсерваторию, — говорит Андрей Финкельштейн. — Во всяком случае, пока мы не обнаружили признаков другой разумной жизни. Возможно, мы одиноки. И это мне, знаете ли, больше импонирует. Почему? В таком случае мы несем больше ответственности. И перед собой. И перед Вселенной.

Заметки на полях

Люди издавна давали планетам имена богов и мифологических героев. И лишь сравнительно недавно возникла красивая традиция присваивать астрономическим объектам имена реальных людей. Все началось в ночь с 31 декабря 1799 года на 1 января 1800 года, когда итальянский астроном Джузеппе Пиацци открыл первую в истории астрономии малую планету и назвал ее Церера Фердинандова в честь сицилийского короля Фердинанда IV и богини плодородия Цереры, считающейся покровительницей этого острова в Средиземном море. С тех пор на карте звездного неба можно найти имена около пяти тысяч выдающихся людей всех времен и народов. Наша галактика стала живой книгой, рисующей картину истории земной цивилизации и человеческой культуры. В этом звездном списке имена 600 наших соотечественников — от эпохи Юрия Долгорукова до наших дней.

Андрей Финкельштейн написал книгу «Российская Академия наук между Марсом и Юпитером», которую посвятил российским ученым-академикам, чьи имена можно увидеть на карте звездного неба.

Среди российских академиков не только отечественные ученые с мировым именем. По праву «нашими» можно назвать и норвежского исследователя Фритьофа Нансена, и датского физика Нильса Бора, и французского философа Вольтера, и английского биолога Чарльза Дарвина, которые в разные годы были членами Российской академии. Этот факт лишний раз подчеркивает, что созданная Петром I Академия всегда была частью всей человеческой цивилизации, а научная мысль во все времена смело стирала и границы, и политические распри, и прочие барьеры.

Например, именем академика Жореса Алферова названа малая планета N 3884 Alferov. Российский физик любит вспоминать, что когда ему вручали Нобелевскую премию, члены Шведской Академии немало удивились, увидев в списке наград ученого упоминание о «личной планете». «А планета моя маленькая – всего 10 километров диаметром», – говорит ученый.

А «обладатель» другой планеты, физик, член-корреспондент РАН Алексей Михайлович Бонч-Бруевич (планета N 12657 Bonch-Bruевич), однажды искренне признался: «Когда я узнал, что моим именем названа планета, я почувствовал себя Маленьким принцем из известной книги. И еще – что отныне я ответственен за все происходящее вокруг...»

Именные планеты – не виртуальная награда, каждую из них можно наблюдать на звездном небе. В соответствии с правилами Международного астрономического союза имя планеты не может быть изменено ни при каких обстоятельствах. Именно поэтому в 1985 го-

ду было введено ограничение — запрещено присваивать малым планетам имена военных, государственных, политических деятелей, а также глав существующих религиозных концессий, ранее чем через сто лет после их смерти, когда время и люди смогут реально оценить их вклад в историю. В этом смысле ученые и деятели культуры — люди привилегированные. Простому же смертному нет никакой возможности увековечить свое имя или имя любимого человека в звездном мире. Он так и останется для нас недостижим и таинственен.

Сложная процедура наименования малых планет разработана и утверждена Международным астрономическим союзом. Культурная традиция не позволяет называть именами людей планеты, входящие в список так называемой «астероидной опасности», которые в какой-то период своей «жизни» могут обрушиться на Землю. С другой стороны, чтобы планета была названа чьим-то именем, фигура кандидата должна обладать воистину мировой известностью. Любопытно, что согласно правилам фамилии кандидатов на наименование планет не оглашаются до принятия окончательного решения, «дабы не нанести им морального ущерба в случае не награждения».

ИЗРАИЛЬ — ТУРЦИЯ — ГРЕЦИЯ — МАЛЬТА — ИТАЛИЯ

Город тишины

Можно только представить себе, какой шок пережила мальтийская знать — графы и маркизы, — когда узнала, что император Священной Римской

империи Карл V «пожаловал» их остров рыцарям Ордена госпитальеров. Еще и полувек не прошло, как с Мальты был изгнан последний его владелец Дон Гонсальво Монрой. Ему даже были выплачены отступные — 30 тысяч флоринов — огромная по тем временам сумма. И вот пожалуйста...

Что творилось в столице острова Мдине? Какие слухи ползли по великолепным дворцам?

— Боже, мы потеряем нашу столицу! — стонали графы.

— У нас эти голодранцы отнимут наши дворцы! — поддакивали им маркизы.

Но куда в такой ситуации денешься? Мальта по-прежнему оставалась вассалом Сицилианского королевства. А королек, восседавший в Неаполе, был вассалом Испании, чей монарх по совместительству был императором Священной Римской империи. Вот такая запутанная средневековая иерархия. Ах, Карл, Карл...

Госпитальеров называли голодранцами не без основания. Орден основали рыцари-крестоносцы. Они должны были защищать монахов-бенедиктинцев, которые ухаживали за больными и изможденными паломниками, прибывающими на Святую землю. В Орден вступали потомки самых знатных родов Европы. Лучшие фамилии Оверни, Прованса, Франции, Арагона, Кастилии, Италии, Англии, Германии! Но... все это были вторые, третьи или даже четвертые отпрыски аристократов. То есть люди без всякого шанса на наследство. А значит, в их арсенале были только благородство и тяжелый меч. Поэтому-то они и отправлялись в далекий Иерусалим на поиски славы, а возможно, и богатства. А уже там принимали обет безбрачия и сами становились воинами-монахами.

Но в 1291 году пала Акра — последний оплот Иерусалимского королевства. И кавалеры бежали на Кипр. Потом при помощи генуэзцев отбили у турков Родос. Построили и на самом острове, и в окрестностях свои замки и форты. Один из крупнейших — в Бодруме — до сих пор цел и демонстрирует мощь Ордена. Но сил рыцарей удерживать остров у самых берегов Анатолии, а тем более контролировать весь регион, хватило лишь на 200 лет. Османов оказалось больше, а поддержки ждать было неоткуда...

Семь лет госпитальеры скитались по Европе и морям. Даже нередко пиратствовали, правда, принципиально грабя только суда неверных. А может, и не только неверных — кто же теперь проверит?

Карл V решил протянуть руку помощи братьям по вере. Амбициозный император мечтал о мировом христианском господстве. Его расчет был верен. Мальта — ключевой остров в центре Средиземного моря. Отдавая его Ордену, он защищал свою империю от наседавшей Османской империи, одновременно создавая плацдарм для будущего похода против басурманов. Было это в 1530 году...

Пока мальтийская знать роптала, местный народ в душе ликовал. Им графам что, заперлись за неприступными стенами своей столицы Мдины — и попробуй, достань их. Мдину возвели на самом высоком холме острова в незапамятные времена. Еще при римлянах на ее месте располагался главный город провинции. Его называли Мелит — от финикийского «мед», которым славилась Мальта. Арабы, пришедшие на смену римлянам, разделили Мелит на две части: город (по-арабски «мдина») и окраину («рабат»). Потом Мальту отбили норманны, но порядок

оставили тем же — Мдина для знати, Рабат — для простолюдинов.

В отличие от аристократов жители Рабата постоянно вынуждены были думать о возможных нападениях. И связанных с ними несчастиях. Ведь местных продуктов всегда не хватало, и остров посреди моря всегда нуждался в привозе продовольствия с Сицилии. Могла бы выручить рыбная ловля. Но какой тут промысел: то арабы нагрянут, то турки, то корсары. Еще в памяти было недавнее нашествие сарацинов. В 1429 году из Туниса прибыла целая армада — 18 тысяч воинов. Тогда население всей Мальты не насчитывало столько народу. Всех, кто мог держать в руках оружие, насчитывалось не больше 4 тысяч. Арабы демонстративно прислали на остров повозки с хлебом, подчеркивая, что не будут брать его осадой и измором. А просто придут и вырежут всех жителей или угонят в рабство. Гордые мальтийцы тележки вернули, вложив в каждую булку по кусочку местного сыра «гбейна». История не сохранила информацию о том, как удалось одержать победу над армией неприятеля. По одной из легенд, в небе появился святой Павел на белом коне, размахивающий мечом. И это видение, говорят, привело арабов в ужас и обратило в бегство.

Святой Павел не случайно стал покровителем острова. Апостол за свою христианскую деятельность был арестован, из Крита его должны были доставить на суд цезаря. В те времена с последователями веры Христовой особо не церемонились. Скорее всего, Павла казнили бы без суда и следствия. Но он был римским гражданином, и по закону его судьбу должны были решить в Риме. Однако это последнее из четырех путешествий Павла затянулось. У берегов

Мальты произошло кораблекрушение. И апостол три месяца прожил на острове, творя, как положено святому, чудеса и обращая людей в христианство.

До сих пор на Мальте возле Рабата сохранились гроты, в которых держали в заключении Павла. А в Мдине главная улица и кафедральный собор носят его имя. Кстати, храм построен на месте резиденции наместника Мальты, которого святой исцелил и тоже сделал христианином.

Каких только легенд не связано с Мальтой. Тут, утверждают, бывала Афродита, и даже демонстрируют ее грот. Говорят, много лет здесь загипнотизированный чарами нимф обитал Одиссей. И тоже показывают вполне конкретный грот...

Но вернемся к нашим воинам-монахам, которые уже плыли в начале XVI века к Мальте. Именно здесь госпитальеры или, как иначе их называли, иоанниты превратились в мальтийских рыцарей и с этим именем навсегда вошли в историю.

В действительности они думали, что высаживаются на Мальту ненадолго. Они рассчитывали отбить в скором времени Родос. Поэтому и не собирались обосновываться в Мдине. Они построили несколько небольших фортов в самой удобной бухте. Основали госпиталь, оправдывая историческое название своего Ордена.

Но история поступила по-своему. Большое путешествие благородных рыцарей на долгое время прервалось. В мае 1565 года огромное, почти 50-тысячное турецкое войско подошло к Мальте. Османы планировали, завладев островом, двинуться дальше — на Сицилию, Италию... Им противостояло 540 рыцарей, примерно четыре тысячи мальтийцев и горстка испанских и итальянских наемников.

Победа турок, казалось, predetermined. Но после пяти месяцев упорных боев, обессиленные потерями, болезнями и голодом османы вынуждены были уйти. В историю Европы оборона Мальты вошла под названием «Великая осада». Спустя 200 лет Вольтер писал: «Ничего не известно лучше, чем Великая осада». Считается, что именно это событие спасло юг и запад Европы от порабощения Османской империей.

Магистр Ордена того времени Ла-Валетта сразу же после «Великой осады» начал строительство мощной крепости. Именно эта крепость, названная в честь Магистра-победителя, вскоре стала столицей.

Рыцари укрепили остров, навсегда сделав его неприступным для пиратов. В мирное время Мальта, расположенная на перекрестке морских дорог, быстро разбогатела. Представители знатных родов, хорошо образованные и достаточно энергичные люди, использовали на этом клочке суши самые передовые технологии, приглашали на работу лучших архитекторов, художников, поваров. Многие из приезжих оставались, передавая своим детям, родившимся на острове, знания и мастерство.

А Мдина продолжала напыщенно заводить и интриговать. Впрочем, и тут есть свои передовые технологии и «шедевры» извращенного ума. Это орудия пыток Святой инквизиции. Их осталось со времен средневековья столько, что сегодня в этом городе даже создан ужасный и весьма впечатляющий музей...

Впрочем, наверное, рыцари Ордена были людьми войны. Мирное время не шло им на пользу. Они оказались никудышными хозяйственниками, как, впрочем, и монахами. Рассказывают, что в последние годы рыцари погрязли в праздности и разврате.

И судя по всему, в конце концов, утратили свои полководческие таланты. В 1798 году французские войска Наполеона без единого выстрела заняли Мальту, а мальтийских рыцарей выбросили вон, конфисковав все их богатства.

Орден еще какое-то время поскитался по Европе. Под свое покровительство его взял русский император Павел, которого госпитальеры выбрали Великим Магистром с большим воодушевлением. Наш царь был тезкой святого апостола, покровителя острова, и в этом многие увидели знак, даже Папа Пий VI благословил этот неестественный союз католического юга и православного севера Европы.

Но на Мальту рыцари уже не вернулись. Однажды в Риме, когда мы проезжали по набережной Тибра, друзья показали мне виллу, спрятавшуюся на холме под защитой глухой стены и высоких деревьев.

— Знаешь, что это? Штаб-квартира мальтийского ордена...

Как они там умещаются на этом холме? Выполнив свою историческую миссию, защитив Италию и Европу от нашествия вражеской орды, в Италии мальтийский орден и растворился.

А монашеский восьмиконечный крест так и остался символом Мальты. Построенный рыцарями в годы расцвета и активной деятельности Ордена город Ла Валетта до сих пор поражает любого путешественника своим удивительным очарованием. Он не просто красив. Он — настоящий. Даже странно, как достаточно маленький населенный пункт может выглядеть настолько мощным, обладать подлинным размахом Европейской Столицы.

А Мдина стоит себе на горе. На солнцепеке ее светлые здания кажутся безжизненными. В городе

Анатолий Аграфенин

живет около 400 человек. Говорят, чтобы поселиться здесь, нужно получить специальное разрешение от городского совета, который не жалует чужаков. На Мальте Мдину называют «городом тишины». Здесь словно пять веков назад остановилось время. Здесь нет светофоров, поскольку за крепостные стены не проедешь на автомобиле. А специальный человек каждый вечер закрывает городские ворота на ключ.

И только туристы нарушают покой этого места.

Заметки на полях

Мальтийцы никакого отношения к Ордену не имеют. Внешне они похожи на тунисцев. А их язык — смесь арабского, итальянского и испанского. Правда, получив в 1964 году независимость от Великобритании, которая отбила остров у французов в 1802 году и долго держала его своей колонией, мальтийцы вторым государственным языком оставили английский. Но, к сожалению, далеко не все жители даже сносно владеют им.

Мальта так мала, что многим даже невдомек, что это не один остров, а целый архипелаг. Всего островов пять: Мальта, Гозо, Комино, Филфа и Святого Павла. Но обитаемы только Мальта и Гозо, который в четыре раза меньше главного острова. Между ними курсирует автопаром.

Мальтийцы, считающие себя островитянами по отношению к жителям континентальной Европы, исповедуют особую «островную философию». Им кажется, что за морем жизнь суетна и бессмысленна. Сами они немного ленивы и не слишком опрятны. Все обочины дорог острова усыпаны пустыми жестяными банками, пластиковыми бутылками, обрывками бумаг и остатками оберток.

Жители Гозы считают себя островитянами по отношению к мальтийцам. И исповедуют свою «островную философию». Трудно непосвященному найти различие. Но, по крайней мере, на Гозо намного чище.

На Мальте прекрасный климат. Но ехать сюда ради моря и пляжей, особого смысла нет. Песчаных побережий тут мало. В основном скалы, и в море приходится либо прыгать, либо спускаться по лестницам.

Мальта очень дорогое государство. Местные фунты «весят» около 2,5 долларов. А все основные продукты и товары привозятся из-за границы. Тут даже персики, арбузы и прочие фрукты, которые, казалось бы, должны расти на каждом шагу главным образом сицилийского происхождения.

КИТАЙ — РОССИЯ — ФРАНЦИЯ

Вишь, какое колесо!

Какой мальчишка в детстве не увлекался коллекционированием автомобилей?! Особенно ценились миниатюрные копии старинных авто: с квадратными капотами; подножками и обводами, как у карет; колесами с деревянными спицами. За такой раритет любой мальчишка готов был отдать душу.

Мы и сегодня снимаем шляпы перед дедушками автостроения. С уважением смотрим на машины начала XX века, когда они каким-то чудом появляются на наших улицах. А все эти «Ягуары», «Мерседесы» и прочие «навороченные» авто уже никакого впечатления не производят. Престижные машины — это игры взрослых мальчишек.

Анатолий Аграфенин

Вот почему, когда на улицы наших городов выезжают автомобильные раритеты, это всегда становится событием. Однажды свидетелями такого уникального зрелища стал и Петербург. Сразу целой колонной по городу прошли авто начала XX века. Это были участники Фестиваля классических автомобилей «Александрейская колонна». Ретро машины можно было наблюдать на Дворцовой площади. А в Константиновском дворце, где состоялось вручение наград победителям и участникам этого необычного шоу, можно было присмотреться к «дедушкам» автостроения поближе.

— А что, собственно, мы знаем о мировой истории автомобилей? — задает вопрос один из организаторов фестиваля, президент Фонда реставрации национального технического наследия «Мотор-антик» Ярослав Конкин. И тут же отвечает на него:

— Ничего.

Вот одна из ярких историй. В 1907 году впервые прошла трансконтинентальная гонка на автомобилях Пекин — Париж. Участники экспедиции проехали 16 тысяч километров. Из них — 13 тысяч по дорогам России. Где-нибудь остался об этом след? Или хотя бы упоминание в отечественных учебниках?

Теперь у нас появился шанс вернуть эту страницу. Счастливая идея пришла в голову продюсеров австралийской телекомпании ABC — реконструировать события столетней давности и снять фильм об этих больших гонках. Они отыскивали сохранившиеся автомобили моделей — участников этого пробега: итальянскую «Итала», голландскую «Спикер», французские «Де Дион-Бутон» и «Конталь». И отправились из Пекина в путь на Париж.

Как все это начиналось сто лет назад? Французская газета «Матэн» относилась к откровенно «желтым» изданиям. Она одной из первых в мире начала публиковать с продолжениями детективы, разные «ужастики», истории про вампиров и высадку марсиан. Тираж газеты достиг по тем временам сумасшедших показателей — более миллиона экземпляров. Но публике вскоре это наскучило. Как следствие, стали падать и тиражи.

«Матэн» в начале XX века переживала не лучшие времена. Чтобы поправить дела и увеличить тираж, требовалась какая-то сверх идея.

Франция тогда была лидером технического прогресса — первая и в авиации, и в автомобилестроении. Газетчики решили поэксплуатировать именно эту тему, тем более что у французов развился огромный интерес к всякого рода новшествам.

«Матэн» решила устроить грандиозный автопробег, а отчеты о нем регулярно публиковать на своих страницах. Издатели не сомневались, что автором еще одного триумфа должна стать именно Франция. Со ставкой на это «Матэн» объявила о фантастическом по своим размерам призе — в 1 миллион франков. Для участия в состязаниях пригласили лучших французских гонщиков. А в качестве «мальчиков для битья» позвали соседей — голландцев и «отсталых» итальянцев.

Команду Италии возглавил князь Сципион Боргезе. Потомок одного из древнейших и знатнейших родов Апеннинского полуострова и Европы, он получил свое имя в честь прадеда, страстного коллекционера, создателя знаменитой коллекции произведений искусств, хранящейся на вилле Боргезе. Младший Сципион также был страстным челове-

ком. Но его страсть была иного рода. Он не пропускал ничего, что могло быть поводом для авантюры и приключений. Прекрасный наездник, князь уже в начале XX века успел и подняться в небо на самолете, и спуститься с аквалангом под воду. Конечно же, он интересовался и новым чудом техники — автомобилями. Для гонок Сципион заказал самое мощное на то время авто — машину марки «Итала» — целых 40 лошадиных сил!

Сципион Боргезе в итоге и оказался триумфатором гонки, первым финишировав в Париже.

Но до этого гонщикам предстояло преодолеть пустыню Гоби, Сибирь, перебраться через Урал, пересечь Центральную Россию, а на остатках сил промчаться по Европе. «Матэн», как и рассчитывала, получила полный комплект приключений. В Гоби сгинул трехколесный «Конталь» — это моторное нечто: то ли мотоцикл, то ли легкий автомобиль, так и не преодолев первое препятствие.

Потом «дикая» Сибирь. Гонщики ехали в своих открытых экипажах по ужасным дорогам в дождь и зной, штурмом брали хлипкие мосты. На пути к Байкалу дороги стали настолько непроходимыми, что участники пробега приняли решение ехать по шпалам. И императорская железная дорога включила автоколонну в график движения поездов!

За Иртышом машины едва не сгорели в степном пожаре. А в одной из сибирских деревень искателей приключений чуть не линчевали. Им навстречу вышел крестный ход, возглавляемый местным попом с возгласами: «Изыди, сатана!»

Русские мужики представляли опасность, они же и спасали. Помните у Гоголя: «Вишь ты, вон какое колесо! Что ты думаешь, доедет то колесо, ес-

ли б случилось, в Москву или не доедет?» — «Доедет», — «А в Казань-то, я думаю, не додет?» — «В Казань не доедет»...

Аккурат под Казанью у Боргезе после скачек по шпалам, преодоления мостов и прочих дорожных неприятностей сломалось колесо. Казалось, гонка проиграна. Но некий мужик, каретный мастер изготовил колесо, которое не только до Казани и Москвы — до Парижа довезло князя. Сегодня, рассказывают, это нехитрое изделие выставлено в городском музее Турина с надписью «Русское колесо».

В нынешнем автопробеге нет соперничества. Австралийская команда — почти тридцать человек — это единое целое. И машины никто не собирался испытывать на прочность. Их по легендарному маршруту везли на фургонах, лишь изредка спуская на землю для парада. И раритеты показывали, что хоть и скрипят у них кости, но прокатиться мило-другую они вполне могут. Почихают-почихают, но, в конце концов, поедут...

Но интересно, как повторяется история! Один из участников современной гонки, водитель «Италы», австралийский газетчик Уорен Браун цокает языком: «Дороги в России лучше не стали».

Его коллеги подмечают мистические совпадения. В 1907 году у «Спикера» в тайге «где-то под Томском» сломалось магнето. Водитель голландской машины, легендарный французский гонщик Шарль Годар вынужден был за тысячу километров вместе с авто отправиться железной дорогой в Томск, чтобы заменить деталь. Потом по условиям гонки он вернулся на место поломки и продолжил путь. Эта остановка в пути дорого обошлась Годару, он финишировал в Париже спустя 30 дней после Боргезе...

Анатолий Аграфенин

Так вот, в наше время, где-то под Томском, у «Спикера» перед парадом снова сломалось магнето. Автомобилю-ветерану выезжать на главную площадь, там народ собрался на чудо посмотреть, а он ни тпру, ни ну... Помнят голландские машины русские дороги... Хорошо, в комплекте запасных частей нашлась нужная деталь, и шоу состоялось.

А русские мужики опять не раз выручали путешественников. У «Де Диона-Бутона» в Сибири полетела труба. Приспособили местную — водопроводную, так сказать в стиле столетней давности.

Как бы то ни было, но ретро колонна благополучно добралась до Питера. По случаю прибытия и наши любители старинных машин показали свои раритеты. На фестивале можно было увидеть: изящное авто английской ручной сборки MG 1958 года, мощную гоночную «Форд-кобра» конца 50-х годов XX века, классический американский «Кадиллак» начала 60-х. Но больше всего публику заинтересовали не западные образцы, а наш «ЗИЛ» 1988 года.

Тяжеловесный лимузин был изготовлен для вождей СССР. В него вмонтирована так называемая «бронекapsула», позволяющая обеспечить почти 100-процентную защиту пассажиру. Правда, говорят, если в машине что-то ломалось, ее выбрасывали, а капсулу изымали и ставили на другой автомобиль.

По отечественной разработке было выпущено всего 22 автомобиля. Любопытно, что американцы только теперь взяли на вооружение технологию «бронекapsулы» для защиты своих президентов...

«ЗИЛ» заинтересовал нашу публику до неприличия. Какой-то недоумок залез в лимузин и начал нажимать на все кнопки. В момент чествования зарубежных гостей то взывала сирена, то из динамика

звучал голос с попыткой имитации «Брежнев»: «До-ра-гие това-рыщи!» Видно, кому-то очень хотелось еще раз подтвердить известную поговорку, что в России беда не только с дорогами...

Уникальный фестиваль завершился. Старинные авто поехали в сторону Франции. Говорят, они благополучно добрались, как и сто лет назад, до Парижа. Австралийцы закончили и показали по телевидению свой фильм. А легендарную «Италу», которая стала победительницей первых межконтинентальных автогонок, вскоре продали с аукциона. Сумма не разглашается. Но рассказывают, что она была не столь уж высока для такого раритета — около 100 тысяч долларов.

Заметки на полях

Мы действительно мало знаем об истории автомобилестроения. В тот период, когда наша страна поднималась на ноги после мировой войны, революции, гражданской войны, «военного коммунизма», НЭПа, раскулачивания, голода и прочих напастей, Европа развивалась и внедряла в жизнь одно техническое новшество за другим.

В те годы в мире существовало автомобильных фирм едва ли не больше, чем сейчас. Например, «Спикер», «Итала», «Де Дион-Бутон» — марки хорошо известные в Европе. В музеях сохранилось немало образцов серийных моделей этих фирм. Но, увы, все они разорились еще до Второй мировой. «Спикер» в 1925-м, «Итала» — в 1933-м, «Де Дион-Бутон» — в 1935-м. Впрочем, сам факт, что эти заводы не выдержали конкуренции, говорит о том, что автомобилестроение в Европе набирало полный ход. Из баловства технически подкованных ари-

стократов и инженеров-фанатиков производство автомобилей становилось мощной индустрией, рассчитанной на массовый выпуск и массовое потребление.

В 1908 году «Матэн» устроила второй автопробег Нью-Йорк – Париж. И снова львиная доля пути прошла по России. Этот автопробег получил большую известность в мире, благодаря блестящей комедии «Большие гонки», снятой в Голливуде в 1965 году. А вы думали все это выдумки?

АНТАРКТИДА

Зачем идти за горизонт?

В 1989 году стартовала международная экспедиция, которая впервые в истории предприняла попытку пересечь Антарктиду с запада на восток. Шесть путешественников на лыжах и собачьих упряжках за 220 дней проделали путь более чем в 6000 километров. Превзойти этот рекорд уже никому в мире не удастся. А один из участников экспедиции россиянин, директор Санкт-Петербургского Музея Арктики и Антарктики Виктор Боярский позже сказал: «Мы прошли там, где нормальные люди не ходят».

Зачем, преодолевая себя ежечасно, ежесекундно, испытывая лишения и очевидные неудобства, рискуя жизнью и здоровьем, они несутся на край света? И как родилась идея этой экспедиции?

В 1986 году известный американский исследователь Уилл Стигер организовал экспедицию на собачьих упряжках к Северному полюсу. Одновре-

менно к Северному полюсу в одиночку на лыжах отправился другой известный путешественник француз Жан-Луи Этьенн. Они встретились на «макушке» планеты. И это неожиданное randevу подтолкнуло их к идее совместной экспедиции. Они действительно хотели пройти по маршруту уникальному, который никто еще не преодолевал. Несмотря на то что человек осваивает космос, старается заглянуть на другие планеты, матушку Землю мы до сих пор изучили мало. И среди самых неизведанных мест на планете остаются Арктика и Антарктика.

А тогда приближался 30-летний юбилей подписания договора о ледовом континенте. Договора уникального. Ведь до 1959-го года, когда договор был подписан, Антарктида была зоной потенциальных конфликтов. Разные страны оспаривали право контролировать ту или иную часть покрытого белым панцирем материка. А договор провозгласил Антарктиду нейтральной, демилитаризованной зоной, которую мировое сообщество использует исключительно в мирных целях при полной свободе научных исследований. Так что мысль о том, чтобы совершить умопомрачительный, рекордный переход постепенно отступила на второй план. Главной идеей экспедиции стало еще раз продемонстрировать, что дух сотрудничества, мирных намерений в Антарктике сохранился. Вот почему в международную команду вошли представители тех стран, чьи станции действуют на ледовом континенте.

Команду возглавил Уилл Стигер. Свою карьеру путешественника он начал в 15 лет, когда сбежал из дома и в одиночку спустился на утлой лодочке по Миссисипи от Миннеаполиса до устья реки. В 19 лет он штурмовал Анды в Перу. До экспедиции на Се-

Анатолий Аграфенин

верный полюс 1986 года Стигер прошел более 15 тысяч километров по Канадской Арктике на собачьих упряжках. Дома, в Штатах, у него одно из лучших ранчо, где выращиваются ездовые собаки. Так что питомцами Стигера, надежными и тренированными лайками, были укомплектованы многие международные экспедиции.

Жан-Луи Этьенн, медик по образованию, до похода в Антарктиду успел совершить кругосветное путешествие на яхте, несколько раз поднимался на самые высокие вершины Гималаев. В историю он вошел, как первый человек, достигший Северного полюса на лыжах в одиночку.

Великобританию в команде представлял Джеф Соммерс, отработавший три года в составе Британской антарктической службы на одной из станций в качестве проводника и погонщика собак.

Китаец Чин Дахо — профессор, мировое светило в области гляциологии — науки о льдах. Он провел две зимовки в Антарктиде и к тому времени был опытным полярником.

Японец Кейзо Фунатсу, самый молодой из участников экспедиции, до путешествия в Антарктиду учился на Аляске на погонщика собак.

А вот наш Виктор Боярский о зачислении в команду узнал, возвращаясь из четвертой зимовки в Антарктиде. Свое участие в экспедиции Виктор отчасти считает случайным. В состав международной команды могли включить кого угодно. Ни Этьенн, ни Стигер не знали имен советских полярных исследователей. Обратились в МИД, МИД адресовал просьбу в Госгидромет, а уже там выбрали молодого кандидата физико-математических наук, старшего научного сотрудника Института Арктики и Антарктики в Ленинграде.

Каких только машин не существует в современном мире. Есть даже луноходы и марсоходы. Но экспедиция отправилась в путь по-старинке: на лыжах и собачьих упряжках. Впрочем, такой выбор объясняется достаточно просто: иначе задачу путешественникам было не выполнить. Цель экспедиции была достаточно амбициозна — пересечь самый безлюдный континент. Такое расстояние на мотоса-нях не проедешь. Во-первых, горючего не напасешься, во-вторых, как техника будет штурмовать горы, расщелины? Оставалось шагать на своих двоих.

Но преодолеть расстояние в тысячи километров только на лыжах также невозможно. Ведь с собой участникам похода нужно было тащить и продукты, и палатки, и спальные мешки, и запасную одежду, и примуса, и горючее. Десятки килограммов! Вот почему оченьгодились лайки с ранчо Уилла Стигера. Тридцати собакам предстояло в экспедиции исполнить роль грузчиков — тащить на себе и провиант, и жилье людей, таким образом, максимально облегчив ношу каждого из полярников.

Экспедиция стартовала с острова Кинг Джордж 1 августа 1989 года. Первая четверть пути, первые 63 дня оказались самыми трудными. Три месяца беспрерывно — пурга, снегопады. Видимость — ноль. В это время года в Антарктиде конец зимы, светлое время суток всего 4—5 часов.

Стигер неоднократно собирал команду, чтобы обсудить: не стоит ли завершить экспедицию. Но никто сдаваться не хотел. Эти драматические дни дали закалку на будущее, и, наверное, тот факт, что путешествие начиналось так трудно, в конце концов, позволил всем участникам мобилизоваться и пройти до конца.

Позже Боярский чаще всего вспоминал те первые дни похода.

— Мороз и белая пустыня, куда ни бросишь взгляд, это тяготило,— рассказывал он.— И, похоже, действовало не только на нашу психику. Однажды еще в самом начале пути забастовали собаки. Одна упряжка просто села на снег и отказывалась идти. Мы, откровенно говоря, запаниковали. Подумали, что чрезмерно перегрузили сани. Решили выкинуть все лишнее, чтобы облегчить груз. Собственно, ничего лишнего не было. Поэтому выброшены были в первые дни экспедиции запасные примуса, спальные мешки. И многое из того, что могло нам обеспечить лишний комфорт и о чем мы в дальнейшем, когда наше путешествие вошло в нормальное русло, сильно жалели.

Собаки, побунтовав день, на следующее утро послушно впряглись в сани и побежали, как ни в чем не бывало. Объяснить странность их поведения иначе как психологический дискомфорт, люди так и не смогли. Но постоянно ожидали подобных сюрпризов. И они время от времени случались.

В этой связи закономерный вопрос: а были ли конфликты среди участников экспедиции?

— К счастью, нет,— свидетельствует Боярский.

На самом деле люди общались между собой мало. Пробирались через Антарктиду парами, правда, меняясь друг с другом. В начале пути Боярский шел со Стигером, потом с Этьенном, Дахо и Фунатсу. Караван растягивался порой на несколько километров. И только вечером, если хватало сил, участники экспедиции общались друг с другом. В пути же, особенно при нулевой видимости, только и думалось о том, чтобы не потерять хотя бы ощущения присутствия где-то рядом собак и партнера, по-

сколько их не было видно. Только шестым чувством да силой воли, как признался Боярский, он заставлял себя верить, что они рядом. В такой ситуации главное не терять присутствия духа, стоит запаниковать, только подумать, что потерялся — пиши пропало.

— На протяжении всего пути, когда ничего не было видно, я старался лыжей нет-нет да наехать на полозья несущихся впереди саней. Тогда не ускользало ощущение спокойствия, думал про себя: все нормально — ты не один в этом снежном аду. Я думаю, так же как меня, мысль о команде поддерживала каждого из нас, — рассказывал Виктор.

Прекрасно натренированные собаки также были частью команды. Причем особо привилегированной! Все шесть участников экспедиции прошагали с запада на восток Антарктиды практически без отдыха. Собак же на базовых стоянках — антарктических станциях — меняли.

Несмотря на огромные нагрузки, за все время экспедиции никто из людей серьезно не заболел. Правда, были проблемы с желудком и зубами. Но ни простуд, ни обморожения.

Южный полюс был покорен еще в 1910-е годы. Затем появились в Антарктиде и первые зимовки, которые впоследствии превратились в постоянно действующие научно-исследовательские станции. Казалось бы, человек освоился в царстве вечных льдов и снегов, и бояться Антарктиды незачем. Но это не значит, что путешествие экспедиции не было связано с риском.

Экспедиция готовилась долго — почти три года. По свидетельству Боярского, ее участники тщательно тренировались в Гренландии. И о том, чтобы свести риск к минимуму, думали с самого начала. Но

Анатолий Аграфенин

при этом отдавали себе отчет в том, что отправляются не на прогулку.

— Мне кажется, в том, что мы благополучно справились с маршрутом и вернулись целыми и невредимыми, основную роль сыграла хорошая подготовка экспедиции, — признался позже Боярский. — И тут дело не только в личных качествах каждого из членов команды. Три года тренировок накладывались на весь опыт человечества, накопленный за время освоения Антарктики.

В целом команда Стигера ничем, в общем-то, не отличалась от экспедиций первопроходцев. Разве что карты у нее были совершеннее, да средства связи на случай непредвиденных ситуаций имелись. Но участники экспедиции конца XX века учли многие ошибки своих предшественников. И главное, не позволяли себе расслабляться, допустить беспечность.

Например, на пути следования заранее были организованы одиннадцать продовольственных складов. Все понимали, что не все эти склады можно будет обнаружить. Так и случилось — четыре подготовленные стоянки так и не были найдены. Поэтому продукты экономили. Обычно утром ели овсянку, в обед и вечером — макароны с сухим мясом. Были в рационе сыр, шоколад, масло. С собой был даже алкоголь — виски. Но его практически не пили.

За дисциплиной Стигер следил строго. Каждый день — какая бы ни была погода — движение начинали ровно в 8.30. Шли до 13.00. Потом был короткий отдых. И снова шли до 18.00. Как только находили место для лагеря, первым делом оборудовали стоянку для собак. Потом уже устраивались сами. Лагерь разбивали минут за сорок. Зато утром, когда сил после отдыха было больше, собирались по-

долгу. Нужно было все тщательно упаковать, а на случай непредвиденных погодных катаклизмов следовало быстро укрыть собак и себя.

Но ЧП, конечно, случались. Однажды в пургу потерялся Фунатсу. Пошел кормить собак и пропал. Участники похода, обвязавшись веревками, искали его всю ночь. Только утром, когда снег улегся, выглянуло солнце, его удалось найти. Он вел себя грамотно. Не стал суетиться, окопался в снегу в том месте, где его застала пурга, и ждал. Поэтому и выжил. Пожалуй, это был первый случай, когда полярники достали из запасов виски. Все-таки человек второй раз родился!

Были ситуации и почти комичные. Когда экспедиция вышла на станцию Восток, встретили ее настороженно. Указаний из Москвы не пришло. Поскольку все расходы на поход несли западные фирмы, экспедиция считалась «частной». Полярников, конечно, встретили. Но не более того. Боярский сотоварищи очень рассчитывали на баню. Но баню не организовали. Любопытно, что финишировала экспедиция тоже на советской станции — в поселке Мирный. Там встречали уже с огромной помпой. Видно, за то время, наконец, поступило указание из Москвы.

3 марта экспедиция торжественно финишировала.

После экспедиции, попавшей в Книгу рекордов Гиннесса, Стигер совершил еще одно сенсационное путешествие. В 1995 году вместе с Боярским они организовали экспедицию на собачьих упряжках в Арктике. В состав команды впервые вошли две женщины — американка Джулия Хансен и японка Такана Такако.

Карьера Этьенна на этой экспедиции, по сути, закончилась. Он, правда, пытался организовать кругосветное путешествие на яхте, но славы это ему не принесло.

Анатолий Аграфенин

Чин Дахо «с головой» ушел в науку.

Кейзо Фунатсу переехал из Японии на Аляску. Купил ранчо и разводит лаек.

Собаки Стигера вернулись на ранчо. В Антарктиду теперь им путь заказан. С 1990 года, согласно Международной конвенции, на ледовом континенте запрещено использование ездовых собак как нетипичного средства передвижения для Антарктиды.

Боярский практически ежегодно участвует в двух-трех экспедициях. В основном в Арктику. Сейчас он — директор Музея Арктики и Антарктики в Петербурге, автор многих книг о Севере.

— Виктор, какие главные итоги этой экспедиции ты бы назвал сегодня, многие годы спустя? — спрашиваю своего старого товарища.

— Когда мы отправлялись в путь, собирались вести и научную работу. Но приборы, которые мы взяли с собой, не выдержали минусовых температур и очень быстро вышли из строя. Поэтому все наши исследования на том и завершились. Впрочем, сегодня я считаю, что и не нужно было тогда этим заниматься. Главный эксперимент мы провели над собой. Мы проделали этот путь и показали, на что способен человек. Семь месяцев, оторванные от мира, в экстремальных условиях мы испытывали резервы человеческого организма, его психики, его чувства коллективизма и взаимопомощи. И выводы лично для меня весьма оптимистичны.

Заметки на полях

Однажды я обратил внимание, что на неделе пришло сразу несколько сообщений о массовом покорении Южно-

го полюса. Информационные агентства сообщили о том, что Полюса достигли и одиночные путешественники, и целые экспедиции. С чем связана такая активность?

Я сразу же позвонил Виктору Боярскому.

— В последние годы движение в сторону обоих полюсов настолько оживилось, что я даже не успеваю отследить всю информацию, — признался он. — Но с чем это связано, могу объяснить.

Парадоксально, но еще несколько лет назад путешественников, покоривших Южный и Северный полюсы, было меньше, чем людей, побывавших в космосе. Сейчас покорение полюса стало спортом, одной из разновидностей экстремального туризма.

Вот уже несколько лет в Антарктиде работает некая британо-чилийская фирма, организующая различные туры на ледовый континент.

Бум на антарктические маршруты возник в Миллениум, хотя цены на маршруты для желающих встретить 2000 год на Южном полюсе составляли 47 тысяч долларов. Сейчас поток туристов не спадает. Правда, цены стали пониже. Восхождение на высочайшую точку Антарктиды в массиве Винсон — 18 тысяч, лыжный поход «с посещением Южного полюса» — 25...

Действительно любой желающий, заплатив деньги, может повторить подвиг Амундсена и Скотта?

— Нет, — говорит Боярский. — Эти подвиги повторить невозможно. Для этого просто надо было родиться на сто лет раньше и пройти маршрут первыми. Но сегодня попытаться повторить часть их пути можно. Технология отработана до мелочей. Туристы прибывают в Чили. Оттуда из города Пунта-Аренас летят в Антарктиду, где за Холмами Патриотов расположено огромное плато из изумительно красивого голубого льда. Этот ледник с достаточно ровной поверхностью образует прекрасный

естественный аэродром. Тут же расположен и постоянно действующий лагерь, который принимает гостей летом и остается законсервированным на зиму.

От Холмов Патриотов примерно тысяча километров до Южного полюса. Их с опытными инструкторами можно преодолеть за 55–60 дней.

Для тех, кто не уверен в своих силах, есть и другие варианты. Вертолетом группы или отдельных путешественников могут подбросить буквально вплотную к желаемой точке. А там уже инструкторы хоть на руках донесут...

Иными словами, даже медицинские справки для путешествия на Южный полюс собирать не нужно. Достаточно желания. Летом на этом маршруте Антарктика вполне предсказуема. Конечно, если кто-то собирается пройти тысячу километров на лыжах, нужно рассчитывать на свои силы и быть относительно здоровым человеком. Но ведь путь можно преодолеть на мотосанях, вездеходах. Туристам могут обеспечить по дороге готовые лагеря, вплоть до уже готового ужина и теплых палаток. На дворе XXI век, с его практически неограниченными возможностями за определенные деньги совершить что угодно. Остается лишь извечный вопрос – мотивации: зачем, с какой целью человек идет к своему полюсу?

ФИНЛЯНДИЯ — ИТАЛИЯ

Величайший путешественник

Что может быть лучше после долгого путешествия снова обрести покой и умиротворение. «В зале первого этажа нашел я многочисленную семью, си-

дящую вокруг стола. Хозяйка разливала кофе. Меня приняли так ласково, потчевали так сердечно, что я забыл все свое горе», — писал в «Письмах русского путешественника» Николай Карамзин.

Или разве не славно после хорошей прогулки по городу найти маленькое кафе... «Это было приятное кафе — уютное, чистое и теплое. Я повесил свой старый дождевик на вешалку, чтобы он просох, швырнул выдавшую виды шляпу на крючок над скамейкой и заказал *café au lait*. Официант принес кофе, я достал из кармана пиджака блокнот и карандаш и принялся писать», — эти воспоминания принадлежат Эрнесту Хемингуэю, он поделился ими в «Празднике, который всегда с тобой».

А какое утро без чашечки крепкого, бодрящего кофе? «Кофе проникает в ваш желудок, и организм ваш тотчас оживает, мысли приходят в движение, словно батальоны Великой Армии на поле битвы...» — так оправдывал свою любовь к кофе Оноре де Бальзак.

Кофе — величайший путешественник. Много веков он скитался по свету, прежде чем нашел, наконец, подлинное признание.

Первооткрывателями кофе считаются... козы. Однажды давным-давно они объели на горных склонах в Йемене несколько низкорослых деревьев с шелковистыми листьями и красными ягодами. Козы пришли в такое неопишное возбуждение, что пастухи долго не могли их уговорить. И пастухи решили докопаться до причин необычного поведения животных. Попробовали на вкус ягоды — горькие в рот не взять. Пожевали листья — листья как листья. Природа, казалось, сделала все от нее зависящее, чтобы никогда не раскрыли тайну кофе. Но гениальные,

право, мужики жили в Йемене! Это же надо додуматься: извлечь из ягод косточки, поджарить их на медленном огне, размолоть и потом заварить. Напиток в результате, может, и получился несколько горьковатый, но с чарующим ароматом и действительно каким-то волшебным образом придающий новые силы.

Именно возбуждающее действие кофе поначалу оценили больше всего. Не случайно первые письменные упоминания о нем можно найти в медицинских трактатах. Когда же на Востоке начал распространяться ислам, запрещающий потребление алкоголя, кофе некоторым образом заменил вино. Стали появляться кофейни — нужен был повод где-то собраться, обсудить вопросы, побужить, наконец... «У поэтов есть такой обычай: в круг сойдясь оплевывать друг друга», — спустя тысячелетие писал Кедрин в знаменитом стихотворении «Кофейня».

Восточные «мужские клубы» очень понравились европейцам. И падкие до экзотики, они привезли кофе на свой континент. Он вскоре вошел в моду. В 1652 году в Лондоне открылось первое кафе. Вскоре они появились в Венеции, Марселе, Париже.

Своему путешествию по миру кофе во многом обязан различного рода авантюристам и проходимцам. Арабы раскусили, что загадочный аромат, изысканный вкус волшебного напитка может принести им немалые барыши. Кофе стоил очень дорого, и европейцев не допускали к торговле им. Но голландцы ухитрились украсть несколько саженцев из Йемена и вывезли их в Ост-Индию, где они прекрасно прижились. Были попытки выращивать кофе и в Европе, в оранжереях амстердамского ботанического сада. Однако урожай был слишком мал...

У голландцев кофе похитили французы, у французов — португальцы. Теперь кофе выращивают в пятидесяти странах, и, по сути, в каждой — свой сорт. Особенности климата, различие почв создают неповторимый букет. Каждый сорт кофе уникален, поэтому его название принято писать с большой буквы — как имя собственное. Сорт Колумбия отличается насыщенным и нежным ароматом. Гватемала Генуине Антикуа — кисловатым, с привкусом кардамона. Легкая острота присутствует в Коста-Рика Таррацу, а Кении присущ шоколадный аромат. Благородный нежный вкус у Эфиопия Харрар Мокко. Но как бы ни гордились, как бы ни возносили свой кофе жители тех или иных уголков земли, все же самый знаменитый, самый любимый в мире — это Бразилиа Сантос. Нигде на планете не рождается такой кофе, как в Пара, Парана, Сеара, Минкас-Жерайс — провинциях страны, «где много-много диких обезьян».

Удивительно, но Бразилиа стала выращивать кофе чуть ли не последней из всех известных стран-производителей. Природа не создала кофе для Бразилии, но она создала Бразилию для кофе, и они друг друга, в конце концов, нашли.

На рубеже XVII—XVIII веков французы и голландцы были монополистами по торговле кофе в Европе, который выращивали в своих колониях. Они понимали, чем владеют, и зорко охраняли это богатство. За похищение саженцев с плантаций грозила смертная казнь.

Но к несчастью, голландцы и французы постоянно конфликтовали друг с другом из-за границ колоний, которые не были четко определены. Один из таких споров возник в Гвиане. В качестве независимого

судьи пригласили некоего португальца — сеньора Франсиско де Малло Палтеха. Он был обворожителен, этакий Казанова Латинской Америки. И случилось так, что в этого господина влюбилась жена французского губернатора Гвианы. Они втайне встречались, клялись в вечных чувствах. А когда пришло время прощаться, Франсиско попросил подарок на память. А на память красавец потребовал не кольцо, не подвески с бриллиантами, а кофе. Женщина подарила милому другу саженцы, которые он и посадил на своей плантации в Пара. Бразильцы обожают эту легенду. И утверждают, что их кофе оттого так хорош, что является «плодом любви».

Кроме гурманов, купцов и авантюристов кофе привлекал к себе и целые армии химиков. Изысканный вкус, загадочный аромат...

Теперь любой школьник скажет, что ничего волшебного в кофе нет — кофеин, содержащийся в нем, — вот и весь секрет. Кофеин, собственно, благодаря кофе и получил свое название, потому что именно из его зерен был впервые выделен в конце XIX века. Но не только в кофе содержится это возбуждающее вещество. Есть кофеин во многих тропических плодах и растениях. Но больше всего его в извечном сопернике кофе — чае.

В начале XX века немецкий ученый Эрдманн выделил из кофе остро пахнущее масло, которому дал название «кафеоль». Процентное содержание масла мизерное, но без него кофе лишается своего аромата, а напиток теряет очарование. Казалось, что тайна кофе раскрыта. Но химики продолжили поиски. Оказалось, и сам кафеоль состоит из множества составляющих — кислот, метилового спирта, других веществ — сейчас уже известно свыше двухсот ком-

понентов, каждый из которых по-своему влияет на аромат. И химики до сих пор не успокаиваются.

Ну, а знатоки кофе просто его пьют. В своем очерке «Бакалейщик» Бальзак относит кофе к числу трех важнейших составляющих любого завтрака. До сих пор живы легенды, как великий писатель рыскал по всему Парижу в поисках своего любимого сорта. Всем известно, что он постоянно нуждался, не вылезал из долгов. Однако в маленьких удовольствиях себе не отказывал. Поэтому, когда в своих письмах автор «Человеческой комедии» жалуется, что его завтрак состоит из одного лишь кофе, будьте уверены, кофе этот был самый лучший.

Что значит хороший кофе? На Востоке говорят: «Черен, как ночь. Горяч, как огонь. Сладок, как поцелуй. Крепок, как проклятие». Впрочем, вкусы у всех разные... Арабика — тот самый вид, что открыли козы, разошелся по миру и считается самым благородным. В конце позапрошлого века в Конго открыли дикий кофе и начали его культивировать. Он получил название Робуста. Он грубее, горше Арабики, но есть те, кто предпочитает именно его.

Известен еще один вид — Либерика. Это дикий кофе. Но и его собирают для гурманов. Для кофеманов он что-то вроде махорки для курильщика. Он еще более горький, чем Робуста.

Мы, россияне, в кофейных делах люди малоискушенные. Согласно канонам нашего языка не будет ошибкой называть этим именем и дерево, и кофейные зернышки, и помол, и напиток, и даже суррогат коричневого цвета, в котором самого кофе вовсе нет.

Ну, а кто же самые заядлые в мире кофеманы? Согласно данным Международной кофейной орга-

низации, штаб-квартира которой расположена в Лондоне, это — финны. Один житель страны Суоми в среднем за год выпивает столько же, сколько француз и итальянец вместе взятые. На душу в Финляндии приходится около 12 килограммов в год.

Кофе в Финляндии очень повезло. Государственная монополия на спиртные напитки ограничивает продажу алкоголя. Север же требует постоянного потребления чего-нибудь горячего и калорийного. А очень мягкая и чистая вода в стране Суоми позволяет ярко «раскрыться» всем ароматическим веществам кофе.

Финны достигли совершенства и в искусстве производства кофе. В Финляндии есть даже свой... Институт кофе. Там я и познакомился с представителем редкой профессии — главным дегустатором одной из крупнейших европейских фирм по обработке кофе Ласе Такманом. Напросился к нему в гости. Признаюсь, в его лаборатории ожидал увидеть чашечки костяного фарфора, изящные кофейники и столы с белоснежными скатертями. В этой обстановке сам Ласе представлялся мне вальяжно восседающим в кресле, положив ногу на ногу и изящно отставив два пальца, смакующим кофе.

Но Ласе, позволив понаблюдать за таинством дегустации, предупредил, что зрелище это не самое эстетичное. Он взял ложку, по форме напоминающую маленький половник, зачерпнул из грубой керамической плошки кофе, перелил его в ложку поменьше и, наклонившись, шумно всосал жидкость в себя. Ощущение создалось такое, что он продегустировал кофе не устами, а... носом.

— Кофе я, конечно, пробую на язык,— пояснил дегустатор,— но мой нос помогает мне лучше по-

чувствовать аромат кофе. Органы восприятия человека устроены таким образом, что почти 70 процентов наших ощущений мы получаем при помощи нашего носа. Если вы зажмете нос и закроете глаза, то ни за что не отличите по вкусу горячий кофе от горячей воды или чая.

В среднем Ласе в день выпивает до двухсот чашек кофе. Работа адская и требующая, между прочим, немалых жертв. Скажем, до работы лучше не курить, в дни рабочей недели следует воздержаться от спиртного. Нельзя злоупотреблять цитрусовыми, а лук и чеснок вообще исключаются из рациона.

В обязанности Ласе входит поддержка вкуса традиционных марок фирмы. Чтобы вкус точно соответствовал тому, что было придумано 30—40 лет назад. В традиции европейского кофепития потреблять не чистые сорта кофе, а делать его смеси. Немного Сантоса, немного Мокко, чуть-чуть Кении и Колумбии... Всего от 14 до 16 разновидностей сортов!

— Кофе товар особый. Капризный товар — заявил Ласе. — Чтобы получился хороший напиток, мало его доставить в Европу. Кстати, мало кто знает, но парусные суда дошли до наших дней во многом благодаря этому колониальному товару. Пароходы страшно чадили, от перевозки кофе на них отказались наотрез, поскольку он пропитывался гарью... Так вот, чтобы получился хороший напиток, нужно соблюсти множество условий: уметь его хранить, жарить, молоть, правильно подобрать в нужной консистенции...

Подобрать определенный вкусовой букет кофейной смеси — это целое искусство, сродни составлению духов. Использование множества сортов позволяет в случае неурожая и отсутствия какого-то сорта на рынке подменить его другим, похожим.

Анатолий Аграфенин

Смеси удобны еще и тем, что, варьируя помолом и обжаркой, можно готовить их для разных условий потребления и приготовления кофе. Например, в Лондоне вода жестче, чем в Финляндии, и дабы кофе был ароматным, для англичан готовят соответствующие смеси.

Финны на упаковках также обозначают разные символы, рисуя то турку, то чайник, то кофеварку. Эти символы показывают, какой помол в пакете. Секрет в том, что для разных условий приготовления требуется и разный помол. Если вы кофе варите прямо на газовой плите в джезве, то есть турке, нужен кофе мелкий, размельченный чуть ли не до пыли. В этом случае лучше брать упаковку «с туркой». Напиток получится лучше.

Большинство финнов пьют кофе целыми кофейниками с утра до вечера из больших кружек. Впрочем, таким же образом этот ароматный напиток потребляют практически во всех северных странах. По сути, это и есть национальная особенность кофемании.

Но на юге Европы кофеманы потребляют кофе небольшими дозами. Итальянцы, например, пьют его залпом, как мы водку. И правда, что там пьют? В кафе аппарат «эспрессо» нацедит в чашечку 30 граммов. И все. Этот «наперсток» — стандартная порция. Если вы человек не робкий, можете заказать кофе «лунго», что значит — «длинный». Тогда вам нальют воды побольше — граммов 60, но сами итальянцы на таких любителей смотрят с пренебрежением. По их мнению, кофе должен быть крепким — вырви глаз! И уж само собой, изготовленный методом «эспрессо».

Если спокойные, рассудительные финны тянут свои чашки за чашками весь день, итальянцы нервно

вбегают в кафе, бросают бармену короткое: «Ун кафе!», опрокидывают свой «наперсток» и несутся дальше. Но все мои знакомые жители Апеннин признаются: без кофе не могу начать свой день, будь то ранее утро или уже полдень воскресного дня. Для итальянцев кофе — подлинная страсть. Они же и изобрели столь популярный во всем мире агрегат «эспresso». Нынешний владелец фирмы, где появилась машина, Эрнесто Илли так мне объяснял ее полезность:

— Все очень просто — это лучший способ приготовления кофе! Если готовить в обычных кофейниках, в напитке получается слишком много вредного холестерина. Он растворяется в воде, когда кофе варят. На севере Европы заметили, что в некоторых районах жители подвержены сердечно-сосудистым заболеваниям. Стали разбираться. Что бы вы думали? Виноват кофе! Вернее то, как его готовили. Кофе варили в кофейниках.

— А теперь глядите на нас, итальянцев, — не унижался синьор Илли. — Мы пьем «эспresso». А «эспresso» делает не только вкусный кофе, но и полезный. Чем меньше порошка попадает в чашку — тем лучше. В кофейной машине «эспresso» вода соприкасается с кофе считанные мгновения. Но, благодаря давлению и высокой температуре, она получает из кофе все самое ценное: и вкус, и аромат!

Впрочем, кофе можно потреблять по-разному. У Хемингуэя в «Старике и море» есть такая фраза: «Они пили кофе из консервных банок...» Грели на костре и пили за неимением чашек. И было им хорошо... Но если вы настоящий гурман и хотите, чтобы хорошо было и вам, специалисты советуют придерживаться нескольких правил.

Анатолий Аграфенин

Первое. Кофе нельзя кипятить. Когда напиток перегревается, из кофе выделяются кислоты и портят весь букет. Но до температуры 92—96 градусов его довести обязательно надо, иначе не успеют выделиться ароматизирующие вещества.

Второе. Чтобы аромат настоялся, нужно, сварив кофе, подождать минут пять и только потом разливать его по чашкам. Но нельзя ни в коем случае хранить сваренный кофе больше получаса. В кофе много жиров, и они имеют обыкновение горкнуть.

Третье. Кофе нужно хорошенько отмывать после каждого кофепития. Иначе жиры осядут на стенках. В итоге вы в своих чашках обнаружите что-то вроде «нефтяных пятен», а вкус напитка будет испорчен.

Четвертое. Всегда помните, что кофе очень быстро теряет свои свойства. Кислород — его злейший враг, выветривающий из зерна или порошка ароматические вещества. Поэтому кофе нужно покупать только в герметичной упаковке. А дома тщательно укрывать свое достояние от воздуха.

Приятного кофепития, господа!

Заметки на полях

Объемы потребления кофе в России, которая, прежде всего, славится своей любовью к чаю, будут расти на 3–5 процентов в год до 2007 года, а высококачественных сортов — еще значительно. Такой прогноз специалистов распространил в середине 2005 года Reuters. В период с 1999 по 2001 год потребление кофе в России росло на 10–15 процентов ежегодно, в 2002 году замедлилось до 6–8 процентов, в 2003 году составило 5 процентов, а в 2004 — 3 процента.

Если средний финн выпивает за год 12 кг кофе, средний россиянин меньше 1 кг. При этом у нас наибольшей популярностью пользуется растворимый кофе. На него приходится 80 процентов, тогда как на долю молотого кофе — 20 процентов. Впрочем, специалисты убеждены: потребление молотого кофе будет расти. К 2007 году на долю растворимого останется где-то 65–70 процентов.

«Россия может пойти по пути США, где в 1980-е годы люди предпочитали растворимый кофе, тогда как сейчас свыше 50 процентов потребляемого там кофе — это молотый кофе», — говорят эксперты рынка.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ — ГЕРМАНИЯ

Чайная революция?

В чем в чем, а разбираться в чае нам, кажется, сам бог велел. Во всяком случае, во всем мире укоренился и до сих пор жив один из лубочных стереотипов жителя бескрайних российских просторов — сидящий на завалинке мужик в ушанке и кирзовых сапогах, прихлебывающий из блюдечка чай.

Между прочим, в любом хорошем ресторане мира вы можете заказать «чай по-русски». Это когда в чашечку кладут дольку лимона. Ну а что мы в действительности знаем о чае? В годы застоя, когда кофе входил в разряд дефицита, чая в наших магазинах было, хоть упейся: грузинский, азербайджанский. Второго сорта. Еще редкий — краснодарский. Еще более редкий и в чем-то элитный «Чай № 36». Почему 36, а, скажем, не 85 или 69? Никто

не знал. Но утверждалось, что в каждой пачке, кроме грузинского, есть щепотка-другая и настоящего индийского чая. Поэтому когда 36-й номер выбрасывали на прилавки — выстраивались длинные очереди. Да, еще был крайне непопулярный у нас зеленый чай. И, наконец, тайная мечта любой хозяйки очень популярный чай «со слоном». Настоящий, индийский, называемый так из-за изображенного на этикетке слоника, увенчанного ковром и погонщиком в чалме. Но такой чай было просто так не купить. Обычно он продавался в наборах, в которые входили еще килограммов шесть ужасных макарон, крупы и другой ненужной бакалеи.

Ах, где эти славные времена? Теперь чая сколько угодно и на любой вкус, цвет и аромат. И что мы больше стали знать об этом благородном напитке?

Однажды в Лондоне, осматривая карту города и размышляя, какие достопримечательности осмотреть, я обнаружил на южном берегу Темзы пометку: «Музей чая и кофе». «Пожалуй, вполне достойная точка, которая может вырасти в достаточно объемный источник информации», — подумал я и отправился в путь.

Конечно, то, что я увидел, музеем можно было назвать с большой натяжкой. Это обычный магазин, предприимчивый хозяин которого для рекламы своего бизнеса выделил несколько комнат под экспозицию об истории чая. Впрочем, рассказывал владелец этого заведения Эдвард Брама вещи весьма интересные, которые в какой-то степени компенсировали недостаток «зрительного ряда».

Все мы знаем, что чай — напиток весьма древний. Легенда гласит, что однажды один из патриархов буддизма Бодхидхарма медитировал на свежем

воздухе где-то в Китае. И вдруг почувствовал, что его глаза предательски закрываются и его, против воли, клонит ко сну. Бодхидхарма разгневался на свои непослушные глаза, вырвал свои веки и бросил их на землю. И что вы думаете? На этом месте вырос кустик с сочными листьями. И когда люди заваривали листья этого растения в горячей воде, получался напиток, позволяющий сохранить бодрость.

Историки утверждают, что, согласно данным их раскопок, чай появился в Китае где-то в V веке до нашей эры. Но европейцы познали его вкус спустя тысячу лет. Между прочим, позже, чем попробовали кофе. Сначала в 1517 году чай привезли к себе португальцы. Видно, он им не больно понравился. Поскольку через сто лет — в 1610 году голландцы чай открыли заново, ввезя его в Амстердам.

А что же Англия? Законодательница чайной моды, знаменитого пятичасового перерыва на чай, познала ароматный напиток даже позже, чем Россия. Это доподлинно известно, поскольку данные о сем факте сохранились в исторических хрониках. В 1638 году нашему царю Михаилу Федоровичу, деду Петра Первого, монголы привезли в подарок четыре пуда чая. А в Англии первую партию — всего каких-то два фунта — тогдашнему королю Карлу II подарил купец Ост-Индийской компании Томас Гарвей только в 1664 году. Он уже открыл к тому времени первую кофейню в Лондоне и хотел просто расширить ассортимент подаваемых напитков...

Распространению чая в Великобритании помогли две напасти. Эпидемия чумы, унесшая жизни 200 тысяч человек, а потом и Великий пожар превратили Лондон в город-призрак. Власти приняли решение возвести столицу заново из камня. Не-

сколько лет длилась строительная лихорадка. Жить в Лондоне стало невыносимо. И многие горожане устремились на природу, где в парках не было клубов пыли и грома предпускового аврала. Свежий воздух, птички поют, музыка играет. И подают горячий напиток, привезенный из Китая.

Элитарность поначалу сыграла добрую службу продвижению чая. Он стал быстро распространяться. Число чайных парков росло. Впрочем, один нюанс отличал новый модный напиток. Англичанам почему-то казалось, что заваренный чай отдает копченостями. Чтобы заглушить этот не очень изысканный аромат, стали добавлять в напиток сахар и молоко.

Бедой также была в том, что доставка чая из Китая осложнялась опиумными войнами. И англичане решили культивировать новую культуру в своих новых колониях. В Индии и на Цейлоне чай не только прижился. Но и оказался даже лучше и душистее китайского!

(В Грузии чай появился в 1770 году, когда Екатерина Великая подарила самовар и чайный сервиз царю Ираклию. Качество грузинского чая трудно комментировать. Он — на любителя).

Чай сыграл свою роль в истории. Мода на него на Британских островах была настолько велика, что многие компании, поставщики чая, стали соревноваться в скорости доставки этого продукта. Именно благодаря чаю появились быстроходные суда — клиперы, вроде известного «Катти Сарк», замершего на вечной стоянке в Гринвиче.

Но не только технический, даже политический прогресс толкал скромный сушеный листок. Наблюдая аристократические рауты, королевские казначеи решили пополнить довольно дырявый в те годы имперский бюджет Британии. Налоги и пошлины на

чай все время росли. Именно очередное повышение чайной дани стало поводом для подлинной революции. После очередного скачка пошлин в 1773 году критически настроенные колонисты в Бостоне побросали тюки с чаем за борт кораблей. Так свершилось знаменитое «Бостонское чаепитие», вслед за которым была принята Декларация Независимости, и возникли Соединенные Штаты Америки. Мощнейшая держава современности, выходит, возвращена не на материнском молоке, а на... чае. Вернее, на его отрицании. Американские патриоты отказались пить чай вообще. И поныне в Новом свете любимый напиток отнюдь не чай, а кофе, а может, даже кола.

Забавно относились к чаю и в последующем. Введенный обычай перекусывать во второй половине дня породил знаменитую традицию «файф о'клок». А один лорд предпочитал к чаю не печенье или пирожные, а бутерброды с сыром, ветчиной, салями. Что делал в жизни это лорд, мы не знаем, но он прославил свое имя в веках — фамилия его была Сэндвич.

Пока пятичасовым полдником баловались аристократы, он вызывал у всех восторг. Но когда его стали практиковать и рабочие, с «файф о'клоком» начали бороться работодатели. Они даже пытались ввести закон, запрещающий полдники.

Но чай к тому времени стал настолько популярен, что, казалось, он навсегда останется национальным напитком Британии. Во время Второй мировой войны на любимый английский напиток ввели карточки. До 1952 года можно было приобрести не более 60 граммов в неделю на человека. Но солдаты обязательно должны были получать свою норму. В Красной армии бойцу было положено 100 грам-

мов водки, в британской — выдавали пайку 25 граммов сухого чая.

Казалось, после войны жизнь наладится. И Англия снова заживет по своим традициям с чайной чашкой, как символом домашнего уюта, стабильности, комфорта. Но торговцы сыграли с ним злую шутку. Они доказали, что при помощи рекламы могут что угодно возвести на пьедестал и что угодно... скинуть с него. И даже такой незыблемый авторитет, как чай, не устоял. Пока шла его продажа по карточкам, торговцы «выбросили» на рынок растворимый кофе. Он быстро прижился. Когда отменили карточки, триумфального возвращения чая не произошло. Действительно, растворимый порошок бросил в чашку — и напиток тут же готов, а хороший чай нужно заваривать несколько минут. Чайные компании стали искать свои пути выхода из создавшейся катастрофической ситуации. Появился сначала гранулированный измельченный чай, затем чай в пакетиках. Некогда элитарный напиток стали рекламировать среди народа. Даже премьер-министры, чтобы подчеркнуть свою связь с простыми людьми, появлялись на заседаниях в своей резиденции на Даунинг-стрит с чашкой чая. Но поздно... Сегодня, согласно статистике, даже в Англии, законодательнице чайной моды, 95% душистого напитка пьют из пакетиков.

Эдвард Брама с грустью констатирует, что настоящий чай умирает. Он говорит, что заваренное из пакетиков, не более чем расцвеченная горячая вода с молоком и сахаром. И тут же предлагает купить чайные смеси его собственного изготовления. Очень неплохой психологический ход, как тут не поддержать радетеля и горячего поклонника древнего напитка. Так что «музей» этого англичанина процветает.

Впрочем, мой знакомый из Гамбурга — профессиональный дегустатор с тридцатилетним стажем Райнер Шмидт на жизнь смотрит с большим оптимизмом. Более того, он утверждает, что мы стоим на пороге чайной революции.

— Моя бабушка была поваром, причем отличным поваром с превосходным профессиональным чутьем, — говорит он. — Она знала, когда, в каких пропорциях и какие специи нужно положить в блюдо, а кушанья имели фантастический вкус! Я мечтал пойти по ее стопам. Но однажды обнаружил, что могу отличать вкус одного чая от другого. И я поступил в фирму по экспорту чая. А дальше все развивалось само собой.

Изучение чая захватило Райнера. Чай произрастает в 40 расположенных в основном ближе к экватору областях планеты. В каждой местности свой, особый чай. В одном маленьком Цейлоне свыше пяти тысяч плантаций. Тот чай, что растет в горах на высоте 1700 метров, отличается особым ароматом, напоминающим по запаху цитрусовые. Чай из низин — очень крепкий и терпкий и его аромат сродни «духу» специй. Но лучший чай, убежден герр Шмидт, растет в Индии. Там есть область Darjeeling, где чаи отличаются волшебными, нежными цветочными ароматами. Кстати, российские вожди прежних времен чашечке кофе предпочитали чай. Каждый год в Москву отправляли до 200 тонн самых дорогих сортов Darjeeling.

Как убежден Райнер, чай абсолютно здоровый напиток. Если кофе неблагоприятно действует на желудок и кишечник, чай, напротив, благоприятно действует на организм. Им издавна лечатся от зубной боли, от глазных болезней, простуд, ожогов,

тошноты, цинги, золотухи. Японские ученые утверждают, что чай может стать лекарством от рака и лучевой болезни...

Как любой дегустатор, Райнер Шмидт готов идти на любые жертвы, чтобы не повредить своей профессиональной страсти.

— Я чувствую, как выросло мое мастерство после 1976 года, когда я бросил курить! — восклицает дегустатор. — Но мне нужно всегда быть осторожным с пивом, водкой и специями... Ведь моя профессия нужна мне каждый день. В среднем от зари до зари я выпиваю до 400 чашек чая, особенно летом, когда самая страда и идет закладка продукции.

Райнер поделился некоторыми профессиональными секретами. Конечно же, чтобы определить качество напитка, не нужно выпивать чашку до дна. Достаточно одного глотка. Но всегда — это уже стало традицией — утром Шмидт выпивает очень крепкий цейлонский чай, который даже кипятит на огне. Эта процедура приводит его в норму и дает определенный импульс на весь последующий день. Зато после пяти вечера дегустатор чай не пьет вовсе.

Какой же любимый чай у профессионала? Это японский oolong. Очень нежный и мягкий. Райнер приготовил для меня этот волшебный напиток. При этом он все время приговаривал, расхваливая достоинства чая: «Не дай бог пить его с молоком!» Я с вожделением ждал. Но, хлебнув глоток, разочаровался. На мой вкус oolong оказался горьким, к тому же отдающим сеном. «Ничего ты в этом не понимаешь», — махнул рукой немец. Я понял, что в касту дегустаторов не попаду никогда.

Но я не оставил свой журналистский интерес и продолжил допытываться.

— Понимаю, ты истинный гурман. А вот, как предпочитаешь: чтобы в чае плавали чаинки или пользуешься ситечком?

Этот вопрос Райнера озадачил. «Когда ты пьешь хороший чай, чаинки никак не могут попасть в чашку. Они полностью развариваются и опадают на дно заварника или кружки. Ситечко просто не нужно» — наконец, резюмировал дегустатор. Проблема только в том, чтобы пить именно хороший чай. Сейчас листья собирают машинами. Из-за этого много мусора: соломы, опилок и еще черт те чего... «Скажем, если в водке будет много сивушных масел, пить такую водку будет нельзя», — сказал Райнер, и я понял, что и в этом он спец.

— Хорошо, — не унимался я. — А как быть с сахаром? Истинный любитель виски никогда не разбавляет свой напиток, чтобы не утратить его букет. Наверное, также с чаем и сахаром?

— А вот сахар, напротив, может подчеркнуть чайный букет. Я, скажем, от сахара никогда не отказываюсь. В oolong, например, кладу всегда сахар. Пол-ложечки.

Вот, наверное, отчего мне не понравился японский чай. Его я пробовал без сахара.

Как правильно заваривать чай? И это я не забыл спросить у дегустатора.

— Разговоры о том, что благодаря разным способам заварки можно добиться каких-то ощутимых эффектов в действии чая на организм, — ерунда. Настроение могут создать лишь разные сорта чая, — сказал Райнер. — А вот что касается заварки, то она дает различные вкусовые результаты. В этом я часто экспериментирую. Например, оказалось, очень вкусный чай получается, когда его заварива-

ешь в кофеварке... «эспрессо». В Китае увидел, и мне очень понравился старинный способ. Чайные листья наматывают вместе с марлей на длинные палочки и окунают в кипяток. Получается до 10—12 чашек. И чай не такой терпкий и горький.

Кстати, многие чаи могут создавать горечь. Поэтому рекомендуется, залив кипяток в чайник, его тут же слить. С первой заваркой уйдет и горечь.

— А в Англии, где всегда почему-то пользовались низкосортным чаем, прибегают к другому способу — добавляют молоко и много сахара, — съязвил Райнер. Тут же «на орехи» досталось и России. Обычай заваривать чай в заварнике, а потом разбавлять его в чашках он назвал варварством. Тут же вспомнил Чехова, который, описывая свою юность, рассказывал, как его родственники, имевшие бакалейную лавку, скупали в трактире испитый чай, сушили, подкрашивали и продавали.

— Нужно разливать напиток из чайника и пить. А уж крепость нужно закладывать количеством сухого чая. Традиционная норма — ложка на стакан воды, 3—5 минут ожидания. И чай готов — сказал Райнер.

Короче, считает немецкий дегустатор, если на рынке будет по-настоящему хороший чай, традициям потребления этого напитка ничего не грозит. «Дайте людям хороший чай, и у них не будет желания отдать предпочтение чему-то другому», — закончил Райнер Шмидт.

Заметки на полях

Как утверждают специалисты, объемам потребления чая, в России ничего не грозит, они останутся ста-

бильными. В ближайшие годы мы будем потреблять 1,2–1,3 кг сухого чая на среднестатистическую российскую душу. А чемпионами по потреблению чая на душу населения являются англичане — 4,5 кг в год.

Сейчас россияне, согласно маркетинговым исследованиям, потребляют 90 процентов черного чая и 7 процентов зеленого. Главные поставщики: Шри-Ланка — 42,8 процента, Индия — 25,6 процента и Индонезия — 10 процентов. Как и в случае с кофе, на рынке чая будет увеличиваться доля высококачественных сортов. А это значит, что при небольшом росте рынка в объемах он будет приносить больше прибыли. Ведь высококачественные продукты значительно дороже обычных.

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ — ДРЕВНИЙ РИМ — ТУРЦИЯ

По следам исчезнувших цивилизаций

Герострат мечтал о славе. Сам он, судя по всему, был архитектором. Но время не донесло до нас сведений ни об одном его сооружении — ни дворце, ни сарае. И все же его имя стало нарицательным. В 356 году до нашей эры в мозгу Герострата что-то щелкнуло, и он поджег храм Артемиды в Эфесе. Что случилось с безумным зодчим после этого, достоверных сведений нет. Известно, что жрецы запретили даже упоминать имя вандала, чтобы память о нем исчезла навсегда. Но дело Геростратово не только не забылось, но и живет, приводя время от времени в разных уголках земли к

катастрофическим последствиям и невосполнимым потерям.

С храмом Артемиды в Эфесе так много связано в мировой истории, что невозможно не совершить «большую прогулку» и к нему.

Во времена античности был составлен список семи Чудес света — самых знаменитых достопримечательностей мира. Видно, и задолго до нашей эры людьми завладевала любовь к путешествиям. И судя по всему, существовали вполне конкретные способы удовлетворить эту страсть. А перечисление семи Чудес — это, наверное, первый путеводитель в истории человечества.

Любопытно, что все достопримечательности расположены вокруг Средиземного моря, в разных его частях, и как бы охватывают все жизненное пространство, населенное тогдашней цивилизацией. Среди Чудес света назывались:

*египетские пирамиды,
маяк в Александрии,
висячие сады Семирамиды в Вавилоне,
статуя Зевса в Олимпии,
скульптура Гелиоса на Родосе,
мавзолей в Галикарнасе,
храм Артемиды в Эфесе.*

Любопытно, что два адреса расположены в современной Турции. И оба, увы, не сохранились. Но на месте их нахождения вполне можно побывать и даже прочувствовать величие утраченного.

...Современный турецкий город Бодрум — сейчас Мекка туризма. Прохладное Эгейское море, на берегу которого он расположен, приятно кон-

трастирует с бьющей наповал, одурманивающей 40-градусной июльской жарой.

Не так давно этот город был совершенно забыт. Горы отрезали его от центра страны. Добраться до Бодрума можно было только по морю. В малонаселенном поселке обитали лишь рыбаки да преступники. Старый замок, построенный еще рыцарями Ордена госпитальеров для защиты Родоса от атак с полуострова, захватившие его турки превратили в тюрьму. Рассказывают, что один из бывших узников замка после освобождения остался в Бодруме и написал книгу «Рыбаки Галикарнаса». Он рассказывал об истории и красоте этих мест, великолепной природе... И сетовал, что никто не обращает внимания на этот райский уголок.

И чудеса! Именно книга возбудила интерес людей к Бодруму. Тут начали строить дачи, отели. Памяничество отдыхающих побудило построить дороги и аэропорт. Бодрум из забытой аллахом дыры превратился в процветающее место.

Чтобы насладиться экзотической красотой этого места, лучше всего часиков в 9 утра, когда еще не очень жарко, добраться до развалин античного театра на такси или автобусе. Театр — маленький и не столь интересный. Но зато с этой точки на склоне горы открывается прекрасный вид на бухту, бирюзовое море, средневековый замок, лес мачт спящих в гавани яхт. А дальше — по любой из улочек, ведущих вниз, нырните в город. Белые дома чистые-чистые под лучами утреннего солнца натыканы кое-как на склоне. Поэтому узкие улицы, огибая их, петляют словно лабиринт. Но идти по ним доставляет огромное удовольствие. Справа и слева кипит восточная жизнь. Турки просыпаются очень рано, что-

бы успеть до жары переделать кучу работы, потом поспать днем, а уж ближе к закату поужинать и отдохнуть в тиши вечерней прохлады. Поэтому в это время они полны активности. Конечно, в местном понимании значения этого слова. Женщины занимаются домашним хозяйством: готовят еду, вытряхивают ковры и метут площадки перед домом, поливают растения в саду. Мужчины, если не на работе, тихо дремлют на скамеечках где-нибудь в тени.

Какая-то машина старается вскарабкаться на гору. Навстречу ей выезжает со двора огромный «Кадиллак» 70-х годов прошлого века. Думаешь, как они разъедутся? Ничего. Турки, при всей анархии на дорогах, водители вежливые. Карабкающаяся машина сдает задом в проулок, а «Кадиллак» медленно и торжественно проплывает по своей надобности.

На полпути к гавани, сразу за мечетью, вы обнаружите забор, построенный из серого камня, и турецкий флаг. Значит, тут госучреждение. И этим учреждением является не контора местной мэрии, полицейский участок или военкомат, а музей.

За высоким забором скрывается все, что осталось от некогда величественного Мавзолея царя Мовсола, того самого, которого причисляли к семи Чудесам света. Построенный шесть тысяч лет назад, он поражал своими размерами. Царь, как и Герострат, был озабочен вечной славой. В отличие от горе-архитектора у Мовсола было больше возможностей воплотить свою мечту. Еще при жизни он стал возводить себе гробницу, способную поспорить в величии с пирамидой Хеопса. Но размах был настолько велик, что достраивать пришлось не только его вдове, но даже дочерям.

По иронии судьбы сейчас на месте мавзолея даже небольшого холмика нет. Напротив, тут глубокая яма. Из камней посмертного памятника могущественного властителя построен весь Бодрум, крепость и даже забор вокруг музея. Так что смотреть тут особенно нечего, разве что макет и некоторые из сохранившихся барельефов, украшающих сооружение. Но память о Мовсоле осталась не только в растащенных по частям камнях его могилы. Именно от его имени происходит современное слово «мавзолей», звучащее на разных языках. Так что не только плохие люди оставляют свой след в истории.

...Но вернемся в Эфес. Современные археологи используют очень простую систему определения масштабов древних городов. Они считают количество мест в амфитеатрах, а потом полученную цифру умножают на десять. В театре Галикарнаса, владениях царя Мовсола, мест было три — от силы пять тысяч. Стало быть, и городок был не самым крупным. В Гераполисе — городе в материковой части современной Турции — в амфитеатре 12 тысяч мест. Значит, тут проживало свыше ста тысяч человек. В Эфесе амфитеатр огромен, великолепно выстроен. Он и сейчас обладает прекрасной акустикой. Одно время тут даже устраивали концерты. Но после одного шоу группы «Металлика», когда от вибрации децибел посыпались камни, выступления от греха подальше запретили. Так вот, эфесский театр рассчитан на 25 тысяч мест. Выходит, в античном городе проживало четверть миллиона человек!

Эфес был столицей Малой Азии. И не случайно тут воздвигли крупнейший храм Артемиды, считавшейся покровительницей этого полуострова. Говорят, храм был великолепен. Но до нас дошли только

сведения о его богатстве. Ежегодно его посещали около миллиона человек, и каждый приносил свой дар богине плодородия.

Богатый город мог позволить себе выложить проезжую часть главной улицы не из булыжника или кирпича, а мраморных плит. Эта улица, сохранившаяся до наших дней, ведет от ворот к библиотеке, изысканный фасад которой также благополучно простоял тысячелетия. Судя по всему, в античном городе кипела жизнь!

Вот в Эфес прибыли заморские купцы. Сначала они шли в баню. Чтобы в город не проникла какая-нибудь зараза, путешественнику предписывалось смыть с себя всю дорожную грязь. Затем они могли зайти в мужской клуб. Он располагался в... туалете. По древней традиции эти заведения были богато украшены, интерьер дополняли фонтаны и бассейны. Засидевшиеся господа могли даже испить различные напитки и перекусить. Тут собирался деловой люд, чтобы обсудить и решить свои проблемы. Согласитесь, куда денется партнер по бизнесу, если он только-только пристроился на мраморном подогретом теплым воздухом стульчаке в полуметре от вас?

На развалинах общественных туалетов появляется группа из Японии. По иронии судьбы в ней в основном женщины. Они усаживаются на мраморную плиту с отверстиями, чтобы послушать экскурсовода. Тот что-то лопочет, дамы смеются. Видимо, осознав тот факт, что освобожденная женщина Дальнего Востока легко может занять место мужчины.

Досуг путешественник мог скоротать и в «доме любви». Он рядом с общественными туалетами. Чтобы жаждущий удовольствия не заблудился, по

городу прямо на мостовой есть специальные указатели с изображением Афродиты, отпечатком стопы и краткой надписью: «Следуй за мной!». Очень мило и деликатно. В Помпеях, например, направления к публичным домам указывали проще — изображением фаллоса...

Любопытно, что и бани, и общественные туалеты, и, конечно, публичные дома сооружались отнюдь не из человеколюбия или ради удобств путешественников и жителей. Все они были весьма солидным источником пополнения городской казны. Но главной богиней Эфеса и его кормилицей была, конечно же, Артемида. Ее статуи были в городе повсюду. Ей поклонялись до самозабвения, в ее всеисилие верили свято. Но отчего же великая богиня допустила, чтобы какой-то недоумок спалил храм, выстроенный в ее честь? Наверное, жрецы сначала объясняли это тем, что она обиделась на скудость даров или еще как-то. Но даже после большого пожара культ Артемиды не ослабел, напротив, город собирался возродить величественный храм.

Впрочем, вскоре нашлось более логичное объяснение попустительству богини. В Малой Азии объявились войска Александра Македонского. Молодой царь одерживал одну победу за другой. Он вошел и в Эфес. Услышал историю о храме Артемиды и тут же пожелал принять участие в его восстановлении.

Оказалось, что он родился именно в тот день, когда Герострат поджигал Чудо света. «Вот и объяснение! — потирали руки жрецы. — Великая богиня была очень занята. Она помогала родам Великого полководца».

Они, кстати, практически сразу отклонили предложение Македонского царя финансировать рабо-

ты. Видимо, поняв, что культ Александра может в будущем затмить культ богини плодородия. Чтобы не обидеть амбициозного молодого полководца, жрецы заявили ему: «Боги не воздвигают храмы другим богам»... И это объяснение вполне устроило Александра.

Храм восстановили. И говорят, еще лучше прежнего. Его еще неоднократно разрушали, но он вновь и вновь возрождался. Даже сложно сказать, кто был главней — жрецы или «отцы города». Три года в Эфесе жил и проповедовал святой Павел, но когда жрецы почувствовали, что новая Христова религия подрывает авторитет культа Артемиды, они пустили слух, что христиане не позволяют вступать в брак и потреблять в пищу многие продукты. Для эфесцев, привыкших к удовольствиям, это было уже слишком! Павел попытался образумить народ, обратившись к людям с речью. Но даже он, закаленный в боях за веру боец, не смог ничего поделать и предпочел покинуть город.

Однако и культ Артемиды со временем сошел на нет.

По каким-то странным причинам море начало отступать от города. Эфес потерял всякое значение как порт. На берегах образовались болота. Эпидемии малярии одна за другой косили население. Власти предложили жителям переехать на другое место. Но конечно, никто не хотел разбрасываться своей недвижимостью. И «отцы города» не нашли ничего лучше, как выпустить на улицу канализацию. Жить в Эфесе стало нельзя. Люди съехали.

Века занесли великий античный мегаполис земель. Только пятьдесят лет назад удалось вновь открыть этот легендарный город. Сегодня археоло-

гам удалось раскопать лишь пятую часть древней столицы Малой Азии.

Что касается храма Артемиды, то последнее нашествие варваров в III веке нашей эры завершилось очередным грабежом и сожжением. Немногие сохранившиеся остатки Чуда света разбросаны теперь по музеям мира. А на месте, где стоял храм, осталась лишь одна колонна. Сегодня вокруг нее разбиты турецкие огороды. И единственным украшением мраморного столпа является гнездо аиста на вершине.

Все-таки не зря Артемида считалась богиней плодородия.

Заметки на полях

В Турции выпущены десятки путеводителей о достопримечательностях страны. Есть среди них и на русском языке. Только читать их, увы, значит, морочить себе голову. Все они мало того, что написаны на ужасном русском. Они крайне небрежно составлены. Перепутаны даты, названия, имена.

Простой пример. Справочник об Эфесе. Согласно легенде, именно в этом городе скончалась святая Дева Мария, мать Иисуса Христа. Позаботиться о ней во время распятия Бог-сын попросил своего друга святого Иоанна. И товарищ Иисуса выполнил свое предназначение, до конца дней опекая Марию.

В путеводителе по Эфесу святого Иоанна называют святым... Джоном. Святого Павла — Полем... Допущены десятки других несуразностей. И это касается практически всех турецких путеводителей. Объясняется все достаточно просто — греко-римская культура совершенно чужая для турок. Лишь интерес туристов и нюх

Анатолий Аграфенин

на коммерческую выгоду заставляет местные туристические агентства организовывать туры к античным руинам.

К счастью, информацию о Галикорнасе, Тераполисе, Эфесе, Мирах, Пергаме можно почерпнуть из других источников. Например, из сочинений историка Геродота, уроженца Галикорнаса, других древних авторов. Наконец, из Библии.

ОБНОВЛЕНИЕ СТАРОГО СВЕТА

ЛЮКСЕМБУРГ

Портрет в интерьере цифр

Что такое современная Европа? Ее образуют страны, одновременно непохожие друг на друга и в то же время единые. Бельгия, например, королевство, а Франция — республика. Но они объединены общими границами, и всякий, кто имеет Шенгенскую визу, может из Франции переехать в Бельгию, а оттуда — в Германию или Швецию.

Германия, как и Франция — республика. А Швеция, как и Бельгия — королевство. Но если вы во Франции, Бельгии и Германии можете расплачиваться единой валютой — евро, в Швеции вы должны будете поменять их на местные деньги — кроны. А стоит только пересечь Ботнический залив и попасть в Финляндию, вы снова можете доставать из кошелька евро. Еще час пути на скоростном катамаране — и вы в Таллине. Тут все еще единая Европа. Но Шенгенская виза уже не действует, и валюту сно-

ва придется менять на кроны, но на сей раз — эстонские. Дальше — Латвия и новая виза, и новые деньги — латы...

В мае 2004 года в ЕС влились 10 новых стран. Общее число государств выросло до 25. Таким образом, территория единой Европы достигла почти четырех миллионов квадратных километров. Это конечно, не так много, если сравнивать с нашей страной — у нас больше 17 миллионов. Но по мировым масштабам не так уж и мало. Если бы сегодня ЕС выступал как единое государство, он занял бы седьмое место на планете после России, Канады, Китая, США, Бразилии и Австралии.

А вот по населению единая Европа достигла почти полумиллиарда человек, уступив только миллиардерам Китаю и Индии. Любопытно, что после обновления Европейский союз достиг определенного «статуса кво». Как бы дальше он ни разрастался на континенте, его позиции по вышеупомянутым показателям уже вряд ли изменятся. Разве что в содружество когда-нибудь вступит Россия.

Итак, ЕС и многогранен, и един — одновременно. Так какой он?

За ответом на этот вопрос я отправился в крошечное герцогство в самом центре Европы — Люксембург. Именно тут расположено центральное статистическое агентство ЕС — Евростат. А как известно, статистика знает все.

Евростат находится на окраине города Люксембурга. В нем работают представители всех 25 стран, ныне входящих в Евросоюз. По странному стечению обстоятельств главное статистическое управление Европы находится в одном здании с огромным торговым центром. Сотрудник управления, чиновник из

Финляндии, неожиданно спросил: «Не хотите сходить в универсам?»

Ну, думаю, в тихом Люксембурге даже финны шалеют от скуки. Скорее из вежливости, чем из интереса согласился. И, признаюсь, был ошарашен масштабами торговли. Да, мы привыкли к универсамам и гипермаркетам. Но то, что увидел в Люксембурге, можно смело умножить на десять. На десятки метров протянулись сырные ряды. Параллельно — йогуртовые.

— Здесь есть практически все, что выпускает Европа, — сказал финн.

Отдельная песня — рыбный отдел. Замороженные креветки из Испании... Свежие устрицы, только-только собранные на побережье Франции... Словно листы пергамента — сушеная и просоленная камбала из Португалии...

Но особенно впечатляли бассейны с омарами. Бассейны были размером с кухню в «хрущевке», а в них шевелились сотни ракообразных с клешнями, заботливо перевязанными разноцветными ленточками.

«Их нужно варить живьем, — почему-то решил прокомментировать мой сопровождающий. — А у нас тут строго с защитой животных. Так вот недавно читал в газете, что ученые провели исследования и утверждают, что омарам в кипятке не больно, что они, дескать, даже ловят от этого что-то наподобие кайфа. Врут, наверное... Но потребителей такая информация успокаивает».

Из универсама в отличие от других посетителей, которых, несмотря на будний день, тут было весьма много, мы вышли без покупок. И тут евростатовский чиновник объяснил тайный смысл экскурсии.

«Люксембург бешено дорогая страна,— сказал он.— Посмотрите на улицах — „Лексусы“, „Мерседесы“, „Ягуары“. Благодаря своим банкам Люксембург сказочно разбогател. Цены на все атомные. Но на продукты питания, алкоголь, табак — нет налогов. Поэтому сюда приезжают за покупками из разных мест Европы. А если есть спрос, соответственно, многие фирмы стараются везти сюда свои продукты».

Люксембург можно назвать универсамом Европы. И это справедливо. Экскурсия оказалась хорошим вступлением к нашим дальнейшим беседам в Евростате. А говорили мы главным образом о том, что простому человеку, живущему на пространстве от Гибралтара до заполярного Рованиеми, от ирландского острова Акилл до венгерского Чопа... Короче, что рядовому европейцу на юге, севере, западе, востоке и в центре надо? Что ему интересно? Что его беспокоит?

Менталитет людей во всем мире, в общем-то, одинаков. Большинство из нас хотят жить комфортно. Если работать, так либо с удовольствием, либо без особого напряжения. И зарабатывать побольше. А покупки делать как можно дешевле.

Евростат несколько лет назад начал специальную программу — «Социальный барометр», цель которой отслеживать, как меняется жизнь людей по мере укрепления Евросоюза. Надо признать, «европейские стандарты» становятся все выше. Правда, надо оговориться, это среднестатистические показатели. Как метко кто-то заметил, если ваш сосед съел курицу, а вы ничего, то получается, что на двоих вы съели по полкурицы.

В Европе и без специального анализа заметно: хорошо живет обширный средний класс и неболь-

шая группа богачей. Бедным в Старом свете, как и везде в мире, приходится несладко. И это определенно касается как людей, так и целых стран.

Вот, например, один из важнейших показателей — безработица. Самый высокий ее уровень в Польше — почти 20%. Далее следуют Словакия (18%), Литва (13%), Латвия (12%). Все это страны-новички ЕС, уровень жизни в которых достаточно невысок. Среди бедных стран-старожилов можно считать Испанию и Грецию. Характерно, что и уровень безработицы здесь приближается к 10%.

В достаточно благополучных Франции, Германии и Финляндии также высок уровень безработицы — около 8%. Правда, и экономические показатели этих стран, особенно Франции и Германии, в последние годы невысоки. А самый низкий уровень безработицы в Нидерландах и Люксембурге — где-то в районе 2,5%. Так что не зря чиновник Евростата не без зависти говорил о «Ягуарах» на улицах Великого герцогства.

Определенно, чтобы знать, как живут люди, весьма важно понимать, сколько и на что они тратят свои кровно заработанные средства. Мне показали интереснейшую таблицу. Она демонстрировала, сколько жители стран Европы тратят на жилье из общих трат семьи. Так вот, больше всего по различным счетам платят датчане и шведы. Примерно 30%.

К 25% приближается плата за жилье у немцев, финнов, французов, бельгийцев и поляков. Меньше всего — 10% и ниже составляют «квартирные» у португальцев, киприотов и мальтийцев.

А сколько европейцы «проедают»? Продукты питания (без алкоголя) дороже всего обходятся литовцам. Их потребительская корзина «тянет» на 32%

всех затрат семьи. Чуть меньше или чуть больше 20% на еду раскошеляются жители Словакии, Эстонии, Польши, Венгрии и Португалии. Меньше всех на еду тратят подданные Ее Величества королевы Британии — 8%. Терпимые 10—12% затрат составляют продукты питания в бюджете бельгийцев, финнов, датчан, шведов, австрийцев, немцев и голландцев.

А вот одежда дороже всего обходится греческим семьям — почти 11% семейного бюджета. Около 10% тратят итальянцы. Большинство жителей других стран укладываются в 5—7%. А полякам, венграм и финнам подчас достаточно 4%.

Любопытно, что как бы ни располагались цифры, все же в странах ЕС, самые большие затраты идут на жилье. Это нехороший знак для нас, живущих в эпоху реформы ЖКХ...

Статистика также ухитрилась высчитать, сколько остается у европейцев свободного времени. Больше всего его оказалось у финнов и немцев. У первых — в среднем 5 с половиной часов каждый день, у вторых — 5 часов 24 минуты. Меньше всего свободного времени у словенцев и эстонцев — 4 часа 29 минут и 4 часа 36 минут соответственно. Обе страны — новички в ЕС. И заметьте, свободного времени на час меньше, чем у финнов.

А вот на поход по продуктовым магазинам больше всего времени тратят англичане — в среднем полчаса ежедневно. Меньше всего — 19 минут в день — словаки.

Евростат получает информацию из национальных статбюро, систематизирует их и гармонизирует. В руках специалистов цифры превращаются в серьезный материал для анализа и принятия решений. Есть ли искажения? Да, однажды греческие стати-

стики попались на вранье. Случилось это перед распределением ЕСовских квот на торговлю рыбой, и именно в «рыбных» показателях Эллады обнаружались несоответствия. Теперь за греками особый присмотр. Но в культуре западных стран все-таки объективно отражать действительность. Для примера мой собеседник привел Финляндию. Там, по сути, нет госконтроля. Но поскольку вся информация открыта, то существует общественный контроль, и всякая неправда легко всплывает наружу.

Евростат — это часть мирового механизма. Он активно сотрудничает и с российскими статистиками. Мой собеседник высоко оценил профессионализм коллег из России.

Что ж, правильно говорят, что статистика знает все.

Заметки на полях

Люксембурге нередко называют «карнизом Европы». Кстати, одна из улиц города так и именуется — «Бульвар на Карнизе». Люксембургу более тысячи лет. Первый замок на скале появился в 963 году. С тех пор город-крепость отвоевывали друг у друга французы, испанцы, австрийцы, немцы. И каждый новый хозяин считал своим долгом укреплять цитадель. Скалу под крепостью сегодня пересекали километры тоннелей метро.

А в давние времена в подземных галереях общей протяженностью 23 км могли прятаться тысячи солдат со всей своей амуницией, лошадьми. Тут были обустроены мастерские, пекарни, склады оружия. Но после наполеоновских войн их решили разрушить. Крушили самым передовым способом — динамитом. В результате от вибрации и провалов развалилась большая часть города. Так

что Люксембург, несмотря на свою давнюю историю, внешне достаточно молод.

Как самостоятельное государство герцогство возникло в 1839 году. «Мы хотим оставаться теми, кто мы есть», — гласит надпись на одном из чудом сохранившихся домов XIII века. Эту фразу можно смело назвать девизом всех подданных небольшой монархии.

Сегодня Люксембург — открытая гостеприимная страна, имеющая огромное влияние в Европе. Благодаря присутствию в герцогстве структур ЕС — таких, как, например, Евростат, $\frac{1}{4}$ часть населения страны — иностранцы.

Попасть в «еврогородок» Люксембурга очень просто. От вокзала к нему идут автобусы, на которых четко обозначен маршрут — «Eurocity». Автобусы пересекают сначала длинный 300-метровый мост «Адольфа», проходят через центр, затем пересекают еще один гигантский 355-метровый мост имени Великой герцогини Шарлотты. Так вы из средневекового города-крепости попадаете в ультрасовременный район. Здесь и расположены все евросоюзовские организации: Евростат, банки, офисы и представительства. «Еврогородок» строили лучшие архитекторы континента. Он возведен за пределами старого города с его постоянным дефицитом пространства. А тут есть где разгуляться. Поэтому именно здесь сосредоточены все развлекательные заведения Люксембурга — большие кинотеатры, дискотеки и, конечно, огромные универсамы и торговые центры, которые так любят посещать жители всей Европы.

Кстати, уникальное месторасположение Люксембурга — на горе, окруженной реками, долинами и обрывами, сделали его «городом мостов». В столице их насчитывается более ста. Они соединяют некогда неприступную скалу, как маленькое герцогство в центре Европы соединяет между собой государства континента.

БЕЛЬГИЯ

Брюссельские воротнички

Уже уезжая из Брюсселя, я подумал, что забыл задать один очень важный вопрос. Сколько чиновников работает в Евросоюзе? После очередного массового расширения в мае 2004 года газеты писали, что одних только переводчиков наняли 25 тысяч человек. В центре тихого Брюсселя, знаменитого прежде своими кружевами и пивом, вырос целый город ультра-современных зданий. В шесть вечера, когда чиновники завершают работу, улицы наполняет армия людей, облаченных в деловые костюмы.

Эти скромные труженики различных учреждений ЕС не любят, когда на них ссылаются журналисты, называют себя «бюрократами», но все активнее диктуют свою волю континенту.

— Без разрешения брюссельских воротничков скоро шагу нельзя будет ступить, — жалуются даже высокопоставленные чиновники Германии, Франции, Италии...

— Ну что вы! Наша роль сильно преувеличена, — скромно опускают глаза «воротнички», но по всему видно, что разговоры об их всемогуществе им приятны.

Целую неделю и я ходил в этой толпе. По приглашению Еврокомиссии — правительства Евросоюза — вместе с коллегой из Болгарии, профессором из Индии, японским интернет-менеджером и госслужащей из Сальвадора я проходил стажировку в

Анатолий Аграфенин

ЕСовской столице — Брюсселе. У каждого из нас была своя программа. Но цель наших гостеприимных хозяев была вполне очевидной — показать все, чего на тот момент достиг Евросоюз.

Вооружившись пухлой пачкой релизов, объемной папкой с расписанием встреч, картой города с помеченными адресами офисов европейских чиновников, я бегал по Брюсселю. Мой путь лежал из европейского парламента в различные комиссии, затем снова в парламент, оттуда опять в комиссии. Мои коллеги занимались тем же. Японец уставал за день так, что у него, похоже, не хватало сил даже спуститься на ужин. Его номер в гостинице был рядом с моим, и каждое утро, выходя, я рисковал раздавить выставленные за порог грязные тарелки. Но больше всего меня поразила болгарин. В предпоследний вечер нашей стажировки я встретил его у гостиницы. Он был явно чем-то озадачен.

— Как ты думаешь, — спросил он, — а в Брюсселе есть старый город, где можно было бы купить сувениры?

Я посоветовал ему, никуда не сворачивая, идти по проспекту Людовика. Минут через двадцать его должно было ожидать великолепное открытие — просочившись по узким кривым средневековым улочкам, он неизбежно вышел бы на знаменитую Гранд плац. Это, наверное, самая красивая площадь Европы, образованная изящными, словно вырезанными из камня, дворцами XIV—XV веков...

Да, поистине, множество впечатлений ждет путешественника в Брюсселе. Но сегодня — это, можно сказать, уже не один, а два города.

Первый — столица Бельгии и резиденция короля.

Второй — столица Европейского союза.

Унифицированный евростандарт политического и делового центра ЕС противостоит самобытности столицы небольшого государства. Тихой и несколько провинциальной. Как любая заштатная столица, Брюссель старается подражать своим «великим» соседям. Его кварталы напоминают то Париж, то Лондон. Биржа — словно уголок Уолл-стрит. А проспект Ватерлоо (имеющий почему-то с противоположной стороны совсем другое название — бульвар Туазон д'Ор) отдаленно похож на Елисейские поля.

Впрочем, есть тут и свои раритеты. Самый знаменитый — крошечный памятник писающему мальчику — «Манекен де Пис». В маленьких ресторанчиках можно поесть не в пример дешевле, чем в «Euro village» — «Европейской деревне». И не в пример вкуснее, чем у северных соседей — голландцев. Коронных блюд много. Например, мидии — мулли. Их подают прямо с раковинами в обычных кастрюльках, в которых их только что сварили. Готовят мидии в чесночном, винном, молочном и прочих соусах. Правда, от этого суть мало меняется. Соусы — для понимающих толк аборигенов, а вы можете попробовать любой вариант. Цены варьируются от места потребления: в центре Брюсселя примерно 16 евро, а где-нибудь во фламандской деревеньке на севере Фландрии — 7—8... Еще стоит откусать недорогие помидоры с креветками (томат-кревет), к которым подают только что испеченные ароматные булочки и сырное масло. Если к этому заказать знаменитое бельгийское пиво — испытаете божественное удовольствие! Бельгия — пивная страна. Говорят, здесь варят почти 500 сортов, поэтому если каждый день дегустировать какой-нибудь новый — года не хватит. Под каждый сорт положен свой бокал. Самое знаме-

нитое — «Дювель», то бишь «дьявол», подают в емкости, похожей на коньячную рюмку, только большего размера. Крепость этого пива 8 градусов. Оно желтого естественного цвета, словно его только что выдал «Манекен де Пис». Но вкус его весьма необычен и, разумеется, абсолютно пивной. Еще бельгийцы мастера смешивать пенный напиток с разными сиропами, абсолютная классика — вишневое пиво. Впрочем, вам могут предложить и другие варианты, скажем, киви или банан. Цена на пиво в разных уголках города колеблется от 2, 5 до 4 евро. На площади Гранд Плац, естественно, придется платить дороже. И приготовьтесь: во всех ресторанах и пивных этого культового места Брюсселя туалеты платные!

В центре Брюсселя в киосках прямо на улице жарят вафли, расточая вокруг запах ванили. Бельгийские вафли считаются самыми вкусными в мире. В любом сувенирном магазинчике вы можете примерно за десять евро купить жестяную коробку с видами бельгийских городов с набором вафель. Впрочем, их лучше назвать печеньем — хрустящие, ломкие и очень сладкие, они готовятся на чистом масле с добавлением орехов и прочих вкусов. А вот те, что продаются на улицах, напротив, мягкие и воздушные. Также невероятно сладкие. Они похожи на тост, только вместо колбасы и сыра — свежая клубника, сливки и застывающий горячий шоколад. Цена удовольствия — 2,5—5 евро. Но, если соблазнитесь, будьте готовы! Вафли так щедро посыпают сахарной пудрой, что вы вскоре будете в белом с ног до головы, а главной вашей заботой станет покупка бутылочки воды, чтобы помыть липкие пальцы.

Лучше соблазнитесь французским картофелем — он же «фри», который также жарят во мно-

гих киосках центра. Туристам выдают порции на бумажных тарелках, и вы можете гулять, беря золотистые вытянутые ломтики прямо руками и окуная в щедро налитую майонезную подливку. Цена удовольствия — 2,5—4 евро.

Впрочем, этот оазис почтенного средневековья все больше и больше сужается. ЕС становится все мощней. И все расширяется его столица.

Брюссельские воротнички только с виду типичные бюрократы — просиживают штаны в офисах, а результата работы никакого. Механизм, запущенный в штаб-квартире Евросоюза, действует достаточно слаженно. Сотни людей, например, шлифуют нюансы саммитов ЕС — Россия, проходящих по традиции два раза в год — весной в России, осенью — в Европе. Какие главные вопросы на повестке дня? На протяжении многих лет «папки» переговоров одни и те же. Например, Калининградский вопрос, который так пока и не решен. Российская сторона предлагает не развязывать, а рубить сей «Гордиев узел». Есть простой и эффективный способ решить проблему транзита наших граждан через территорию государств ЕС: всем россиянам предоставить безвизовый въезд в Европу. В Брюсселе отвечают: «Прекрасная идея! Для граждан России мы готовы сделать это хоть сейчас. Но загвоздка в ваших восточных границах, которые плохо охраняются. Таким образом, через Россию в Европу могут попасть казахи, таджики, киргизы и, боже упаси, китайцы. Укрепите ваши рубежи, и Европа распахнет для вас свои двери!»

При этом сам ЕС последовательно и весьма успешно решает сугубо утилитарные собственные задачи. Пробивает путь на наш рынок своим товарам, своим компаниям и банкам. Вот мне привели

типичный пример. Россия взимает немалые деньги с зарубежных авиакомпаний, пролетающих над нашей территорией. Как известно, из Европы не попадешь ни в Японию, ни в Южную Корею минуя Сибирь. Но в Брюсселе считают подобную практику дискриминацией и требуют сборы отменить. Правда, не для японцев, американцев и корейцев, а только для себя любимых. Цена вопроса — несколько миллиардов евро. Любопытно, когда речь идет о транзите наших грузов через Литву в тот же Калининград, в ЕС заявляют, что брать или не брать пошлину — это дело отдельного государства, а стало быть, за использование литовской территории надо платить. («Как мы, скромные чиновники, можем диктовать условия независимой стране?»). Когда же сотни самолетов бороздят наше небо, ЕС выступает за всю Европу и требует плату отменить, видно считая, что Сибирь к России не относится.

— Мы также должны поставить перед Россией вопросы о правах человека и свободы прессы, — мужественно всякий раз перед российско-европейским саммитом заявляют брюссельские «воротнички».

Я как-то поинтересовался:

— А какие вопросы к свободе прессы?

«Воротнички» смутились.

— Ну, вы и сами лучше нас знаете... — неуверенно сказали они.

— Я-то знаю, — настаивал я. — А вы-то что имеете в виду?

Нет, такого испытания чиновники не выдержали. Конкретика — враг бюрократизма. Бюрократизм всякий раз отступал и переходил к другой теме.

Понятно, что существуют в переговорах темы, которые обе стороны с удовольствием упускают. Делая уступки визави, можно добиться куда большей выгоды для себя. Темы «свободы прессы» и «прав человека» всплывали всякий раз тогда, когда обсуждались трудные проблемы. Но потом как-то уходили на второй план... Один из секретов искусства дипломатии в том и заключается, чтобы не клюнуть на гамбит. Ведь так подчас легко на радостях, что удалось обойти «неудобные вопросы», даже опытным участникам переговоров уподобиться новичкам-шахматистам.

Собственно, а для чего они все объединились? Что дает Европе этот союз 25 стран?

Благодаря ЕС Европа сейчас становится самостоятельным игроком на международной арене наряду с такими, как США, НАТО, ООН. (Любопытно, Россия и Китай как самостоятельные игроки не упоминались.)

— У нас появляется опыт решения и международных конфликтов, и мы теперь в состоянии диктовать свою волю там, где это требуется, — подчеркивают чиновники. В качестве одного из примеров приводится разрешение противостояния в Украине, где ЕС во всеуслышание это заявил: нет больше зоны интересов России. Поскольку мы стали соседями, отныне в этой части континента может быть только зона взаимных интересов.

В лице Евросоюза возникает новая реальность, с которой следует считаться, которую нужно учитывать. Роль посредника, лоббиста сегодня Брюссель уже не устраивает. В странах ЕС активно обсуждается Конституция Союза. И хотя референдумы в ряде стран были сорваны, что вызвало некоторое за-

мешательство в руководстве ЕС, все же рано или поздно Конституцию примут. Тогда Брюссель окончательно обретет статус столицы Европы и наберет невиданную силу.

— Значит ли это, что в мире появится новое образование «Соединенные Штаты Европы»?

— Ну, что вы,— говорят «воротнички». — Об этом речь не идет. По крайней мере, пока...

Впрочем, учитывая, как стремительно все развивается, вполне возможно, мы вскоре станем свидетелями очень интересных событий.

Заметки на полях

Любопытно, авторство словосочетания «Соединенные Штаты Европы» приписывают У. Черчиллю. Во всяком случае, он его использовал во время своей речи в 1946 году в Цюрихском университете, призывая к объединению Европы (против, конечно же, коммунизма). На самом деле впервые понятие «С. Ш. Е.» ввел В. И. Ленин, призывая превратить империалистическую войну 1914 года в социалистическую. Он хотел, разрушив четыре главных европейских монархии — Великобританию, Германию, Австрию и Россию, создать единую республику рабочих и крестьян. Позже он от этой идеи отказался и выдвинул лозунг победы революции в отдельно взятой стране.

А отцом-основателем Европейского союза считается послевоенный премьер-министр Франции Робер Шуман. Он выдвинул идею европейской интеграции, как возможности избежать новой войны на континенте. Не случайно, что первыми членами ЕС стали Германия, Франция и страны, граничащие с ними. А Великобрита-

ния то шла на сближение с единой Европой, то заявляла о своем непринятии идеи интеграции.

Хронология же расширения ЕС выглядит так:

1958 год. Бельгия, Германия, Италия, Люксембург, Нидерланды и Франция образовали Европейское экономическое сообщество.

В 1973 году в него вошли Дания, Ирландия и Великобритания.

В 1981 году к нему присоединилась Греция.

В 1986-м – Португалия и Испания.

В 1995 году сообщество переименовано в Союз, и в него влились Австрия, Финляндия и Швеция.

2004-й – рекордный год. Членами ЕС становятся Эстония, Латвия, Литва, Польша, Чехия, Словакия, Словения, Венгрия, Кипр и Мальта.

В 2007-м на очереди Болгария и Румыния. Возможно, к ним присоединится и Хорватия, к которой пока есть политические претензии. Официальный Загреб не хочет выдавать Гаагскому трибуналу своих генералов, которых обвиняют в геноциде против сербского населения в середине 1990-х годов.

«Вечной в очереди» можно считать Турцию. Эта страна с 1964 года, когда она была принята «ассоциированным членом», стучится в европейские двери. Но пока безрезультатно.

В лучшем случае вопрос будет рассматриваться к 2011 году. Рядовые европейцы откровенно высказываются, что опасаются присутствия в союзе мощного мусульманского государства. Если Турция когда-нибудь вступит в ЕС, она станет в сообществе самой большой страной и по территории, и по населению. По иронии судьбы, лишь 3% территории Турции находится на европейском континенте. Остальная часть страны – в Азии.

ФРАНЦИЯ

Глас народа

Миллионы туристов, приезжающие ежегодно в столицу Франции, начинают свое знакомство с Парижем с посещения Лувра. Я назвал бы его лучшим музеем мира, если бы не было на свете Эрмитажа. Впрочем, умалять достоинства парижского дворца тоже не стоит. Здесь расположились 65 300 экспонатов, среди которых знаменитые Джоконда, Венера Милосская, Ника. Подсчитано, чтобы более-менее вдумчиво ознакомиться с коллекцией музея, требуется примерно пять недель.

По периметру дворец имеет расстояние около пяти километров, а вдоль его фасада растянувшегося по набережной Сены можно уложить три Эйфелевы башни (высота «железной мадам» — 320 метров)!

Сегодня уже мало кто знает, что само название «Лувр» происходит от слова «леовар» — так саксы называли мало обаятельную, но неприступную крепость на берегах Сены. Ее построил отправившийся в крестовый поход король Филипп Август для защиты Парижа. «Леовар» — «укрепленное сооружение». Если разобраться, сегодня серые стены Лувра куда больше походят на замковые, чем на дворцовые.

Мало, кто вспомнит, что Людовик XIV — «король Солнце», вступивший на трон в детском возрасте и немало натерпевшийся от жуликоватого кардинала Мазарини, ненавидел этот дворец. Он всю

жизнь вспоминал крыс в своей спальне и дырявые простыни своей постели. Став абсолютным монархом, Людовик перебрался в выстроенный в чистом поле Версаль. А в центре Парижа — в саду Тюильри пасли коз, Лувр стал прибежищем нищих и бродяг. Дворец обветшал настолько, что его хотели снести. Кто знает, что было бы если бы не Великая французская революция. По сути, народ спас то, что считается одним из главных культурных достояний Франции.

Франция за века своей непростой истории неоднократно оказывалась на краю гибели. Она могла не однажды исчезнуть вообще, подобно древним Трое, Греции и Риму. Но всякий раз в самый трагический момент на выручку приходил народ.

Один из фасадов Лувра примыкает к площади Пирамид, в центре которой стоит позолоченная конная статуя Жанны д'Арк. После Столетней войны победившие в ней англичане уже планировали прибрать к рукам галльское королевство. И все бы у них получилось, если бы им не помешала поднявшая восстание Орлеанская дева. Но французские короли практически всегда отличались «редкой благодарностью». Жанну обвинили в колдовстве и сожгли на костре. Потом вот... памятник поставили.

О парадоксах истории мы говорили с президентом социально-экономического Совета Франции Жаком Дерманем. С ним мы встретились в его резиденции — Palais d'Iena — дворце д'Иена на одноименной площади. Здание в стиле архитектуры конструктивизма — в отличие от мрачного Лувра оказалось необычайно светлым и просторным. Оно расположилось «с тыла» знаменитой Эйфелевой башни. Из многих его окон открывается прекрас-

ный вид на «железную мадам» — символ современного Парижа.

Директор по международным связям Совета Элизабет Дахан поделилась секретами дворца. Оказывается, хоть Palais d'Iena и не входит в описание популярных туристских маршрутов французской столицы, он является одним из знаменитейших творений одного из отцов архитектурного авангарда — Огюста Перро, учителя самого Корбюзье.

Palais d'Iena создавался для так называемого Музея общественных работ — своеобразной ВДНХ довоенной Франции. Но после войны был передан Совету республики. Кстати, как сказала мадам Дахан, во дворце находится одна из самых красивых лестниц авангардной архитектуры. Пока президент совета был занят, гостеприимная хозяйка продемонстрировала лестницу, вошедшую во все учебники по зодчеству. Широкая пологая спираль, как коловорот раскручивалась вокруг железобетонной колонны.

Не без гордости мадам Дахан подчеркнула, что когда дворец реконструировали под нужды государственного учреждения, лестницу думали демонтировать и построить на ее месте что-то попроще, а вокруг, используя пространство, запустить лифты. Даже нашлись желающие купить конструкцию. Некая японская фирма хотела установить «лестницу Перро» в своем офисе. Но тут-то и появился еще один повод по достоинству оценить гений великого архитектора. Во-первых, выяснилось, что лестница монолитна и разобрать ее нельзя. Перро ваял ее из единого куска железобетона, как Микеланджело своего Давида из единого куска мрамора... Во-вторых, колонна, вокруг которой она вилась — несущая.

щий элемент здания, если ее снять, часть дворца может рухнуть. Так лестницу вынуждены были оставить в покое...

— Как видите, у нас во Франции ничего просто так не делается. И даже то, что на первый взгляд является совершенно бессмысленным, играет свою важную роль, — глубокомысленно заметила чиновница.

Тут освободился президент Совета, и мы из просторных «выставочных» залов перешли в его апартаменты. Жак Дермань уже два десятка лет работает в Совете, из которых три срока является его президентом. Совет — орган конституционный. По сути — это третий парламент Франции. Если нижняя палата парламента — Национальная Ассамблея принимает законы, верхняя — Сенат — контролирует их исполнение. Совет, возглавляемый Дерманем, дает рекомендации, какие законы нужно принять, а какие скорректировать.

231 депутата Совета делегируют крупные общественные организации, ассоциации и профсоюзы. Это вчерашние профсоюзные функционеры, представители интеллигенции и простые работяги. Их основная задача высказать первые впечатления общественности по новым законопроектам. Они то, что часто называют «vox populi» — «глас народа». Сам Дермань в прошлом бизнесмен средней руки. Попал в Совет будучи лидером общественной организации — одного из союзов предпринимателей. И, оказавшись депутатом, оставил свое дело. Государственная работа оказалась для него интересней.

По сути, Совет Франции — это то, что сейчас пытаются создать у нас — Общественный совет. Толь-

ко во Франции он, оказывается, действует достаточно давно.

Французские короли еще со времен Филиппа Августа — того, что построил Лувр — не прочь были переложить на кого-нибудь ответственность за управление государством. Уже тогда создали Королевский совет. При Генрихе IV в него включали даже наиболее состоятельных купцов. Правда, ставленник революции и «большой демократ» Наполеон все Советы отменил, а депутатов разогнал. И по-настоящему Совет снова заработал только при генерале де Голле, который статус третьей палаты парламента даже настоял оговорить в Конституции — законы меняются, а Конституцию переписать не так уж и просто.

— Так какая же от Совета польза? — спросил я, памятуя, что у нас в тот момент еще мало кто в состоянии был объяснить суть нововведений с Общественной палатой.

— Вот это самый интересный вопрос, — улыбнулся господин Дермань. — По Конституции мы только даем консультации. Строго говоря, политики не обязаны следовать нашим рекомендациям. Но фокус в том, что мы одновременно и орган публичный. После того как наша позиция сформулирована, она становится широко известной. И если политики не прислушиваются к нашему мнению, идут своим путем, значит, они весь риск за последствия берут на себя. Так что все не так безобидно, как кажется на первый взгляд. По сути, они ставят на кон свою политическую карьеру, ведь в случае ошибки французы им этого не забудут. И не простят.

Впрочем, грамотная экспертиза не испортит, а, напротив, улучшит закон. Во Франции до недавнего времени в каждой отрасли существовала своя мини-

мальная зарплата. Забавно, одна страна — и было шесть минимальных зарплат. Несколько лет назад, наконец, решили принять закон о едином МРОТе для всех. Депутаты Совета работали все лето, согласовывая позиции различных федераций и ассоциаций, и, когда Национальная Ассамблея приняла закон, ни одного конфликта не возникло.

А вот другой закон экспертизы не прошел. В стране растет безработица. И правительство решило сократить рабочую неделю в стране с 37 до 35 часов. Расчет был очевиден: предприниматели, чтобы не снижать объемы своих фирм, вынуждены будут принять на работу новых людей. И безработица уменьшится. Как бы не так! Предприниматели просто сократили производства. И безработица еще больше возросла. Если бы рекомендации давал Совет Франции, он, учитывая свои контакты в профсоюзах и ассоциациях промышленников, несомненно, предсказал бы такой оборот событий...

Любопытно, генерал де Голль многое сделал для создания Совета. Но однажды он захотел укрепить свою власть, и для этого ему было выгодно объединить Совет с Сенатом. Тут-то де Голль и потерпел фиаско — народ его не поддержал и прославленный политик — до сих пор самый уважаемый лидер Франции — вынужден был навсегда уйти в отставку и навсегда покинул политическую арену.

Впрочем, о превратностях судьбы и о том, что нельзя пренебрегать «гласом народа», говорит еще одна история, связанная с еще одной культовой фигурой в истории Франции.

На другом от Palais d'Iena берегу Сены расположен еще один знаменитый дворец Парижа — Бурбонский. Его фасад напоминает античный храм —

помпезный фронтон, строгие колонны... В свое время дворец принадлежал принцу Конде — родственнику короля. Немолодой владелец недвижимости в центре столицы имел нездоровые сексуальные пристрастия — увлекался садомазохизмом и был задушен во время одной из оргий не рассчитавшей силы любовницей. Рассказывая об этом, Клод Жоли хихикнул. Теперь подобное в Бурбонском дворце вряд ли возможно. Теперь здесь располагается Национальная Ассамблея — парламент Франции.

Клод Жоли, руководитель парламентской пресс-службы, решил мне показать некоторые дворцовые ритуалы. В три часа дня почетный караул в одной из галерей отдает честь председателю и депутатам, которые после обеда возвращаются в зал обсуждать законы. Солдаты в старинной, времен Наполеона III, форме, громко чеканя шаг и высекая шпорами искры из мраморного пола, выстраиваются вдоль галереи, образуя проход. Полковник орет нечеловеческим голосом по-французски, и гвардия, словно только что сошедшая с экрана национальной киноклассики (помните, «Большие маневры» с Жераром Филиппом?), выхватывает из ножен тяжелые сабли. По проходу торопливым шагом, о чем-то беседуя друг с другом, прошли люди в деловых костюмах. Признаюсь, даже трудно понять, кто из них председатель парламента, кто глава комиссии, кто депутат. А может, председатель и вовсе прошел другим ходом... Или уехал с визитом в какую-нибудь экзотическую страну... Как бы то ни было, но ритуал закончился. Под барабанный бой караул удалился в какие-то флигели дворца до завтрашнего трехчасового ритуала.

Клод Жоли повел меня на галереи. С ложи для прессы можно наблюдать за работой парламента.

Нельзя только пользоваться мобильным телефоном, предупредил глава пресс-службы. Мы ждали лифт, но он пришел переполненный. В нем плотной стеной стояли люди явно недепутатской наружности: мужчины в свитерах с оленями, девушки «инженю», дамы в туфлях «прощай молодость». Клод в шутку вздохнул: «Господи, опять все заполонили. Черт бы побрал, этих провинциалов. Но ничего не поделаешь: „vox populi“».

Оказывается, каждый день в парламент на экскурсию приходят сотни людей. Записаться может любой желающий. С ворчащим нехуденьким месье Жоли поднимаемся на галереи по лестнице. Наверху все, как в театре на галерке: видно плохо, зато все хорошо слышно. Третью зала занимала своеобразная пирамида. На ее вершине за массивным столом восседал председатель парламента, чуть ниже располагилась трибуна, с которой вещал один из депутатов. На ступеньках трибуны восседали люди во фраках с золотыми аксельбантами. Время от времени депутаты, будто школьники, поднимали руки. И тут же эти важные люди во фраках подсказывали к ним. Оказалось, это — курьеры. Их задача доставлять записки в президиум или от одного депутата к другому.

Впрочем, присмотревшись, я заметил, что далеко не все из избранных народа так уж были увлечены выступлением коллег. Кое-кто, как и у нас, читал газету или тихо дремал...

Из всех раритетов Бурбонского дворца, показанных мне месье Жоли, мне особенно понравился еще один стол председателя парламента, но он стоит не в зале заседаний, а в его кабинете. Без малого два века стол считается рабочим местом спикера

Национальной Ассамблеи. На нем — лампа, чернильница, папка для «входящих и исходящих документов». Перед столом два кресла для собеседников и посетителей. Но по традиции ни один из председателей парламента за него не садится. «Из суеверия» — сказали мне. Если приходится подписывать бумаги, для этого есть еще один стол — для заседаний, за которым спикер и работает.

Вот такой «нехороший» предмет мебели. А все дело в том, что перевезли его из замка Фонтенбло под Парижем. Именно за этим столом Наполеон подписал 6 апреля 1814 года свое отречение от престола. Великий император. Гордец. Человек, считавший, что «vox populi» ничего не значит. Своей судьбой он продемонстрировал, что любой может оказаться и на вершине славы, и в любой момент скатиться вниз...

Заметки на полях

Обычно туристы из Парижа предпочитают отправляться на экскурсии в Версаль или полюбоваться замками Луары. Но не менее интересно побывать в замке Фонтенбло. Лучше всего отправиться туда поездом с Лионского вокзала. Замок расположен в 63 км от столицы, и путешествие к нему займет примерно час. Зато гарантировано, что вас не будут толкать толпы зевак, собравшихся со всего света. И вам не придется выстаивать очередь за войлочными тапочками, без которых вас не пропустят в музей. Посетителей в Фонтенбло, как правило, немного.

А напрасно! Тут очень много всего интересного. Замок, построенный еще в XII веке, со времен Франциска I использовался как загородная резиденция королей. Тут

родились многие французские монархи. Согласно одной из легенд, во время посещения Франции именно в Фонтенбло Петр Великий был представлен семилетнему императору Людовику XV. Эксцентричный русский, вместо того чтобы припасть к ногам наследника «короля Солнца», просто подхватил юнца и посадил себе на плечо. «Я держу на руках всю Францию!» — сказал Петр свою крылатую фразу. Больше он в эту страну не приезжал.

А Людовик XV вырос и даже сыграл в Фонтенбло свою свадьбу. Но в замке не прижился. Королю, прославившемуся своим афоризмом «После нас хоть потоп!», были интересней Версаль и Париж, где ему было уютнее в салонах мадам Помпадур и прочих фавориток.

Замок особенно полюбил Наполеон, которому как императору, возведенному на престол Великой французской революцией, видимо, не очень престало располагаться в роскошных покоях Версаля. Бонапарт так привязался к Фонтенбло, что жил в нем постоянно. Тут, в отличие от шумного Парижа, можно было спокойно поработать. Именно в стенах средневекового замка Наполеон написал свои знаменитые кодексы, до сих пор являющиеся столпом законодательства Франции и перенятые многими странами. С другой стороны, Фонтенбло расположен недалеко от столицы, и даже в те годы было достаточно нескольких часов, чтобы доскакать до Парижа и окунуться в гущу политической жизни страны.

Замок построен в виде буквы «П». Внутри — площадь, которая после эпохи Наполеона называется Прощальной. Именно на ней с лестницы, ведущий в покои дворца, император после отречения выступил с проникновенной речью перед своей гвардией. Сегодня на этой лестнице любят фотографироваться туристы.

ГЕРМАНИЯ

Между прошлым и будущим

Ярко-желтые рапсовые поля красиво контрастируют с сочной весенней зеленью. Старинные замки тяжело нависают со скал над тихими деревеньками. В аккуратных домиках под черепичными крышами пьют пиво и едят сосиски с капустой.

Образ Тюрингии полностью совпадает с хрестоматийными представлениями о Германии. И она идеальная декорация для немецких сказок. О коварных герцогах, вредных мачехах, белокурых падчерицах и простоватых парнях, оказывающихся подлинными рыцарями в душе и поступках. Тут, собственно, многие из этих сказок в свое время и снимали кинематографисты гэдэзровской киностудии ДЕФА. Теперь студии больше нет. И сказок стало меньше.

Обо всем этом я думал, когда мы ехали по немецкому автобану. Автобаны — символ Германии. Динамичной, мощной... Однако в восточных землях дороги забиты автомобилями в основном только около Берлина и крупных городов. Чем дальше на юг или север, трасса становилась все более пустой. А около столицы Тюрингии — Эрфурта мы увидели и вовсе абсурдную картину. Дорога просто упиралась в поля, словно ее кто-то ножом отрезал. При этом со всей немецкой аккуратностью до последнего сантиметра многокилометровой трассы был проложен асфальт, и даже разметка местами нанесена. Германия еще не закончилась. Но автобан дальше никуда не вел...

Восточные земли вызывают сложные чувства. Германию просто не узнаешь! Люди тихие, зажатые. Одеваются скромно. Даже праздники проходят на центральных площадях городов как-то не по-немецки — не шумно.

На торговых улицах будто выходной — ни души. Только стойки одежды, вынесенные из магазинов, несколько украшают ландшафт мостовых: «Распродажа! — извещает вывеска, — все по 3 евро!!!». За «десятку», выходит, можно одеться с головы до ног.

До Эрфурта из берлинского аэропорта нас вез Софус. Жизнерадостный немец на крошечном стареньком «Фиате». У него удивительная семья. В то время, когда, как сегодня говорят, восточные немцы стремились на Запад, мама Софуса взяла двоих маленьких сыновей и, оставив мужа, переехала из западногерманского Штутгарта — в ГДР. Она верила в идеалы и, несмотря ни на что, в них не разочаровалась.

Софус и сам романтик. Он — студент, изучает архитектуру, пишет работу о казахском городе Актау, который раньше назывался Шевченко. Кучу времени провел в прикаспийских степях, где зимой минус 40, а летом плюс 50. Сейчас с восторгом рассказывает: «Этот город построили ленинградцы как идеальный город будущего. Согласитесь, уникальный проект для современного мира: взять и воплотить в жизнь мечты Кампанеллы!»

Пол-«Фиата» занимал наш чемодан. Временами, чтобы размять ноги, мы останавливались в восточно-немецких городах. Как будущий архитектор, Софус обращает внимание на детали, которые приезжие не сразу и заметят.

Булочная в Дессау. Пьем кофе. На часах — два.

— Они уже закрываются,— говорит Софус.— Покупателей нет. Непроданный хлеб отдадут приютам и больницам. Трудно здесь жить.

Дессау некогда был крупнейшим в ГДР центром вагоностроения. Теперь заводы закрыты. Работы нет, молодежь разъезжается.

— Смотрите, разгар дня, центральная улица, а вокруг никого! — констатирует Софус.

И, правда, ощущение, что ты ходишь по спящему городу. Софус заворачивает в переулок. Каких-то 50 метров, и перед нами громадное здание из красного кирпича с выбитыми окнами. Бывший пивной завод. Даже излюбленное немцами пиво в Дессау больше не варят.

Следующая остановка — баронский замок. Смотрители скучают у ворот. С охотой предлагают осмотреть средневековые залы. В социалистические времена здесь было ветеринарное училище. Теперь пытаются создать музей и отель для бизнес-семинаров, свадеб и корпоративных вечеринок. Есть комнаты, отремонтированные под «евростандарт», а можно пожить и в баронских покоях. Но постояльцев нет. Какой смысл тащиться в глубинку, когда те же услуги и, наверное, дешевле, можно получить под боком.

Смотрители замка надеялись на помощь бывших владельцев. Их наследники живы-здоровы, неплохо устроились на Западе, имеют свою фирму и вообще люди не бедные. Приезжали, посетовали на раззор, но денег на родовое гнездо дать отказались.

Смотрительница, показывающая нам баронские покои,— бывший инженер-конструктор. Завод не выдержал конкуренции с Западом, закрылся. Центр занятости предложил вот эту работу за 1 евро в час. Согласилась, а что оставалось?

— Это типичная ситуация для Восточной Германии,— говорит Софус.— Безработица огромная. Люди в отчаянии. Больше 15 лет прошло после объединения. Потрачены огромные деньги, а подлинного сближения так и не произошло. Немцы по-прежнему делятся на западных — «веси» и восточных — «оси».

Мы привыкли видеть немцев жизнерадостными, самодовольными и хамовато-шумными. Но это скорее «веси». «Оси» чаще прячут глаза, ведут себя тихо. «Оси» не очень любят «веси», и многие из них считают, что крушение ГДР поломало их жизнь. В восточных землях не только высокая безработица. Тут и зарплаты, и пенсии, и пособия ниже, чем на Западе. А цены, налоги, квартплата — практически те же. «Оси» берегут каждый цент. Доходит до крайностей. Возле каждого дома — огороженные помойки. У немцев, как всегда, все чисто, аккуратно. Но уж очень много мусорных контейнеров.

— Каждая семья платит за вывоз отходов исходя из количества килограммов,— объясняет Софус.

— И разве ни у кого не возникает соблазна подбросить мешочек-другой соседу? — наивно спрашиваем мы.

— Нет, не возникает,— говорит Софус.— Каждый контейнер закрыт на замок.

Рядом угнетающее зрелище — целый квартал брошенных домов. Добротные крепкие здания, разрисованные граффити, стоят себе с выбитыми окнами. Неестественность картины подчеркивает почти стерильная чистота вокруг: ни мусора, ни даже пластиковых бутылок. Типично немецкие штучки — коммунальные службы даже в нежилых кварталах не перестают следить за порядком.

Анатолий Аграфенин

— Немецкие города с населением меньше ста тысяч жителей превратились в поселки пенсионеров, — говорит педагог Маргрет Алберс. — Производства в восточных землях, не выдержав конкуренции с Западом, разорились. Мы провели исследование. После объединения Германии был всплеск рождаемости. Но вот пришло время детям идти в школу. И тут выяснилось, что за парты сели втрое меньше ребятишек, чем их родилось! Куда же делись остальные? Все очень просто — вместе с родителями уехали в другие города.

Полтора десятка лет назад пала «Берлинская стена», Германия уже отметила и 15-летие своего объединения. Но и сегодня сохранилась невидимая граница между бывшими землями ГДР и Запада. Не так давно журнал «Штерн» провел опрос: сожалеете ли вы о падении Стены. Результаты оказались шокирующими, каждый пятый из ответивших «веси» заявил, что хотел бы... восстановить ее снова.

«Веси» — западные немцы — считают, что воссоединение Германии ухудшило их материальное положение. Известно, что для экономической поддержки новых земель тратится примерно 116 млрд евро в год, и это не считая выплаты различных пособий! «Веси» убеждены, что эти деньги «вытаскивают» из их карманов.

Восточные «оси» тоже считают, что «раньше было лучше». Они, конечно, мало тоскуют о ГДР с его социалистической экономикой и полицейской системой. Но каждый второй сегодня испытывает страх перед безработицей. А по статистике в ряде земель работы не имеют более 20% трудоспособного населения.

Немцы сегодня высказывают массу недовольств по поводу своих семейных доходов и уровня жизни.

Они все меньше доверяют здравоохранению, системе социального страхования и страшно боятся каких-либо реформ в этой сфере. По данным ежегодных отчетов Datenreport — национального статистического бюро, по уровню жизни сегодняшняя Германия отнюдь не возглавляет список европейских стран. Она где-то в середине, а по ряду показателей и вовсе находится в «хвосте». В результате только половина немцев довольна своей жизнью. Больше скепсиса в ЕС высказывают только в Италии, Греции, Франции и Португалии...

Ситуация остается «стабильно устойчивой». По инициативе Фонда Конрада Аденауэра в начале 2000 года я с группой российских журналистов побывал в Берлине и встретился с представителями германских политических кругов и СМИ.

Все наши собеседники были единодушны — растущий кризис — результат ошибок и просчетов времен объединения. Известный журналист, политический обозреватель «Радио Берлин-Бранденбург» Томас Хабихт выделил вот что.

Во-первых, в момент объединения полагали, что Восток станет рынком сбыта товаров, произведенных на Западе. Восточные немцы действительно невольно подыграли этой ситуации. После объединения «дети социализма» действительно бросились скупать западные товары. В результате гдзэровские предприятия, которые имели шанс выжить, разорились. А без работы резко упали доходы семей, не на что стало вести активный образ жизни в «обществе потребления».

Во-вторых, традиционным рынком сбыта ГДР считался СССР. После объединения для предприятий Востока он был потерян. И если в 1990 году в во-

сточных землях было 10 миллионов рабочих мест, то к 2000-му их осталось около пяти...

Огромные затраты на объединение спровоцировали и другие проблемы.

— Мы слишком привыкли к высоким стандартам жизни. Когда же потребовалось подтянуть ремни во благо национальной идеи, мы оказались не готовы,— с грустью констатировал депутат бундестага Бернд Нойманн.— Экономисты подсчитали, чтобы выровнять ситуацию, немцы должны каждую неделю на 3 часа больше работать, но получать при этом на 30 процентов меньше.

Кризис требовал жертв. И Германия оказалась на пороге весьма болезненных реформ. Например, нужно было вносить изменения в трудовое законодательство. Предпринимателю весьма сложно уволить работника, что делает невозможным избавление от слабых специалистов, ограничивает привлечение в экономику новых сил. От застоя страдают молодежь и... предприниматели, которые бессильны навести порядок в своих фирмах, вынуждены объявлять о банкротствах.

Со свойственным прагматизмом немцы говорили и о том, что многие социальные программы стали весьма «затратными». Например, пенсионное обеспечение. Когда принималось законодательство, думали, что вышедшие на заслуженный отдых старики проживут еще лет пять. А они живут в среднем пятнадцать лет, втрое увеличивая нагрузку на пенсионные пособия...

При этом германская налоговая система считается одной из самых сложных в мире. Что провоцирует уход предпринимателей в «теневую» экономику. По подсчетам Томаса Хабихта, в теневом секторе

крутятся сотни миллиардов евро, больше, чем бюджет всей страны...

После падения Берлинской стены и разрешения выезда восточных немцев за рубеж, только за первую неделю ФРГ посетило 8 миллионов человек, половина тогдашнего населения ГДР. Большинство из них побывали за границей впервые. Потом эйфория сменилась тревогой и разочарованиями. Восточные земли в чем-то можно сравнить с резервациями. Деловым людям тут делать нечего, а туристы сюда заглядывают редко.

— «Веси» у нас практически не появляются. Не интересно им тут, — сказала официантка в ресторане замка Франкенхаузен.

В XVI веке под стенами этой крепости были разбиты отряды Томаса Мюнцера, вожака крестьянского восстания. А сам Томас попал в темницу замка, после чего отправился на костер. В социалистические времена замок был меккой туризма. В огромном зале в подвале средневековой фортеции можно было бы одновременно сыграть свадьбу, отпраздновать громкий юбилей и провести корпоративную вечеринку. Но мы сидели на дубовых стульях в одиночестве. Оттого, наверное, своды выглядели особенно мрачно. Восток Германии застрял где-то между прошлым и будущим в ожидании перемен.

Заметки на полях

На бывшей площади Потсдамерплац в центре германской столицы долгое время был пустырь — здесь проходила печально известная «Берлинская стена». Ее возвели за одну ночь 13 августа 1961 года, чтобы предотвра-

тить попытки восточно-германских граждан перейти на Запад через Западный Берлин. Для лучшего просмотра все уцелевшие после войны здания были снесены. Берлинские пограничники были обязаны открывать огонь на поражение в случае попытки побега через Стену. По последним данным у «Берлинской стены», которая просуществовала до 9 ноября 1989 года, были убиты 190 человек.

Но Стена пала так же быстро, как в свое время ее возвели. И вот уже пятнадцать лет на Потсдамерплац идет бешеное строительство. Антиподом пустырю встали небоскребы. Площадь в центре Берлина взяла реванш за полвека забвения и превратилась в один из самых оживленных перекрестков современной Германии.

Символично, что на этом перекрестке установлен, неведомо откуда добытый, один из первых берлинских светофоров. Раритет чинно управляет движением, и создается впечатление, что заодно управляет и временем, а в придачу и пространством: город ведь продолжает строиться...

Берлин — двойственно един, как воспетый Гете листик японского растения гинкго. Здесь можно обнаружить следы античности и Востока — чудом сохранившийся огромный Пергамский алтарь и Вавилонские ворота на Острове Музеев. Невдалеке во дворцах эпохи рококо тихо спят тени прусских королей. В Берлине живы традиции ленивого бюргерства. В многочисленных пивных района Николаи можно откусать не один литр пенного напитка, подкрепившись необъятным свиным коленом — eisbein, традиционно готовящемся в двух видах — вареном или копченом. Такое колено, если вы не Таргантюа, лучше брать на двоих. Его стоимость в туристских местах 11–14 евро. Но не полнитесь зайти в боковую улочку, вы обязательно найдете уютное заведение в традиционном национальном стиле, предназначенное

«для своих». Тут вас встретят не менее радушно. А тоже колено обойдется в 8 евро. Общепринятое заблуждение, что немцы сами не свои до пива. Но оно несколько устарело. Согласно последним данным, бургеры теперь предпочитают вино. Кстати, в Германии есть свои неплохие белые сорта. Если же вы традиционалист и желаете пить у немцев только пиво, не отказывайте себе в удовольствии. Прошли времена, когда его тут мерили литровыми кружками. В любом ресторанчике, харчевне или кафе можно без стеснения заказать бокал — чуть больше стакана и попробовать несколько сортов.

В немецкой столице сохранилась и еще одна достопримечательность. В так называемых «дворах Хаке» до сих пор работают воспетые Милашем Форманом кабаре. Если позволяет время, обязательно побывайте на представлении. Цена билета около 20 евро. Публика усаживается за столики, и во время программы можно тихо потягивать пиво или сок. А шоу, хоть и не претендует на высокое искусство, весьма забавно и не пошло. В отличие от Франции тут нет и намека на эротику. Поэтому можно смело приходить с детьми. Актеры выкладываются на всю катушку и действительно подчас творят чудеса, демонстрируя и незаурядный вокал, и великолепные танцевальные качества, и блестящие оригинальные номера. Поскольку представление рассчитано на туристов — в нем минимум слов, поэтому все понятно даже без знания языка.

Еще туристы любят сфотографироваться у «чек поинта» — американского и советского пропускных пунктов на границе между Востоком и Западом с неказистыми будками и брустверами из мешков с песком, оставленными в неприкосновенности, как своеобразный памятник эпохи.

В сувенирных лавках все еще продаются крохотные, размером с монетку, кусочки «Берлинской стены» — от

5 евро за штуку. Сама стена исчезла практически бесследно. Лишь в нескольких местах города можно найти мемориальные ее фрагменты, заботливо огороженные заборчиками, чтобы туристы не ковыряли старый бетон.

Недавняя история в Берлине пока перевешивает все остальное прошлое древнего города с непростой судьбой. И, наверное, пройдут еще годы, прежде чем все забудется...

А вся Восточная Германия остается забытой и пока не открытой нами вновь «терра инкогнита». Великолепные замки и памятники архитектуры, недорогие отели и рестораны ждут, когда на них, наконец, обратят внимание туристы. Похоже, с Запада сюда придут еще не скоро. Может, стоит воспользоваться нам? Во всяком случае, сервис не хуже, а цены значительно ниже.

ИТАЛИЯ

Спасатели в рясах

Впечатление от первого дня в Гориции испортил перелет. Мы согласно программе должны были уже в семь вечера благополучно ужинать в компании мэра города, однако из-за забастовки в «АлИталия» только в десятом часу вылетели из Москвы. Потом еще немного посидели в зале ожидания в аэропорту Милана. В Гориции оказались где-то в третьем часу ночи. Тут уж было не до банкетов. Кое-как добравшись до коек, мы рухнули замертво.

Наутро начали осматриваться. Нам обещали размещение в «гостинице местной католической шко-

лы». На деле это было что-то среднее между общением и монастырем. Все, конечно, чистенько-опрятненько. Но в комнатах, которые лучше было бы назвать кельями, из мебели: три кровати, три стула, три тумбочки и один узенький шкаф с тремя вешалками-«плечиками». Видно, здешние «школьники» только рясы и носили, а вешалки им были нужны исключительно для того, чтобы повесить пальто в холодное время года.

«На вахте» дежурили настоящие монахи, которые, видимо, должны были следить за порядком. Они-то и стали настоящими возмутителями спокойствия в дамской части нашего коллектива. Девушки, которых поселили этажом ниже, поутру начали принимать душ. В каждой душевой обнаружили шнурок, висящий на стене. И вот ведь феномен коллективного мышления: разумеется, наши девушки решили, что это вентиляция и начали их дергать. На сигналы прибежали дежурные. На самом деле, как выяснилось позже, это вызов тревоги — вдруг кому-то станет не по себе от жары и влаги. Можно представить, что испытали только что проснувшиеся девчонки, когда в их комнаты ворвались, чтобы им пожелать «с легким паром», мужики в рясах...

Впрочем, все это было не самым ярким впечатлением первого дня. Поражающим воображение оказался вид из окна: старинный городок с черепичными крышами, а прямо по курсу огромная гора, на которой аршинными буквами выложено каким-то белым камнем: «VIVA TITO»...

Куратор нашей группы итальянский журналист Лучио Гамбакорта был старше каждого из нас минимум лет на десять и казался настоящим корифеем. Он хорошо говорил по-русски. А его опытность проявлялась

в том, что он всегда предугадывал наши вопросы еще до того, как мы успевали их задать. Мы только подумали, а он, собрав нашу группу, заявил: «Придется жить в предложенных условиях. В этом городе плохо с гостиницами. Здесь особая зона, мы ведь на границе».

Так что горячий привет от югославских коммунистов целых десять дней бодрил нас по утрам и провожал ко сну, поскольку буквы к тому же подсвечивались.

В Горицию мы приехали изучать журналистику. А поскольку в понимании итальянцев «вторая древнейшая» является профессией политической, основные темы наших бесед были посвящены истории противостояния Запада и Востока и так называемой теории железного занавеса, который уже к тому времени начал раскачиваться, но еще не рухнул окончательно. Задумчивые итальянские профессора смело проводили параллель между СССР и Австро-Венгерской империей.

При этом итальянские политологи так объясняли полувековое существование «железного занавеса»: мир, разделенный на две системы, заставил государства четко определиться — на какой они стороне баррикад. И, оказавшись на каком-то из полюсов, выбраться поодиночке было уже невозможно.

Гориция была не только местом нашего обитания, но и наглядным примером, своеобразной иллюстрацией к лекциям.

Этот город на протяжении десяти веков считался вполне благополучным. Расположенный на перекрестке путей, он быстро развивался, благодаря торговле. Венецианские купцы построили тут мощную крепость. А разросшаяся Австро-Венгерская империя старалась создать здесь что-то наподобие

Ривьеры. На многочисленных виллах отдыхала аристократия. Сбежав из шумной столичной Вены, сумбурной Праги или суетливого Будапешта, графы и бароны вдыхали чистый горный воздух, освежаемый теплыми ветрами с Адриатики.

На одной из вилл в Гориции почил в бозе опальный император Карл X. Брат казненного Великой Французской революцией Людовика XVI, граф д'Артуа, Бурбон-младший переждал «вихри враждебные» в Англии. Он также благополучно пережил и Первую республику, и казни сторонников Робеспьера, и всю эпоху Бонапарта, и недолгое царствование старого, тучного и непопулярного Людовика XVIII. На склоне лет пришел и черед Карла X, он стал императором. И тут же энергично начал возвращать порядки старой доброй Франции времен «короля Солнца» Людовика XIV. Однако люди, познавшие уроки демократии, уже не собирались терпеть изящный деспотизм аристократов. Очередные законы Карла X вызвали новую революцию. Император с трудом унес ноги из Парижа. Оказавшийся никому не нужным, экс-монарх, в конце концов, попал на виллу Коронари в Гориции. Это — тяжеловесный двухэтажный средневековый дом. На втором этаже один из самых больших залов служил и салоном и спальней отставного главы государства. Но фоне антуража, напоминающего больше крепость, чем дворец, очень странно смотрится уникальная мебель в стиле барокко. И уж совсем жалко выглядят выставленные полукругом стулья и кресла рядом с торчащей в нише огромной кроватью с балдахином. Император прожил тут недолго, видно так и зачах, вспоминая былые дни...

XX век для Гориции оказался не очень счастливым. Во время Первой мировой тут шли ожесточен-

ные бои. Гориция несколько раз переходила из рук в руки. У Хемингуэя в «Прощай, оружие!» достаточно ярко описывается бегство союзников от наступающих австрийцев. Сейчас в Гориции на центральной улице стоит памятник жертвам тех лет. Но если в 1914-м итальянцы были на стороне Великобритании, Франции и России, то во время Второй мировой Муссолини выступал на стороне Гитлера. И это определило дальнейшую судьбу итальянского города.

После 1945 года Италия лишилась Истрийского полуострова с крупным портом Риека. А Горицию спустя два года поделили с Югославией. Так на Востоке появился город Нова Горица, а на Западе — Гориция. Границу проводили в спешке. Говорят, нередко линия раздела проходила в пределах одного двора. Например, дом оказывался в Италии, а огород в Югославии. Или смешнее — дом в одной стране, а туалет — за кордоном. На Восток попало кладбище. А церковь осталась в Италии. Кто помудрее, ухитрялся давать взятки и сохранил свою недвижимость. Но таких было немного. Разоренные и уставшие от войны люди думали как бы не умереть сегодня. О будущем мало кто помышлял. И, к сожалению, для большинства семей это сыграло фатальную роль. Как утверждают итальянцы, югославы все не словенское население Нова Горицы очень скоро подвергли жестоким репрессиям.

Наверное, отсюда и исходил страх пожилых итальянцев перед Востоком. Наверное, отсюда и причина того, что Гориция — некогда блестящий город, меньше чем за полвека превратился в город-призрак. Когда ты живешь в тупике, невольно хочется, его покинуть. И люди уезжали в поисках лучшей доли... «Железный занавес» тут не фигура речи. Он был

воплощен во вполне конкретный кирпичный забор высотой два с половиной метра, который уродливой стеной тянулся по городской окраине. К забору подходить было нельзя. С обеих сторон вдоль него курсировали пограничные патрули с собаками. Да и вся Гориция жила по режиму почти военного времени. На средневековых улочках можно было зайти в настоящее итальянское кафе, заглянуть в модные магазины, однако загулявшегося прохожего то тут, то там останавливали знаки: «Внимание! Дальше приграничная зона. Проход запрещен!».

Итальянская Гориция чахла, а вот Нова Горицу югославские власти решили превратить в «витрину социализма». В Гориции закрывалось одно предприятие за другим, коммерсанты переносили свой бизнес в другие регионы Апеннинского полуострова. А в югославской Нова Горице развивалась промышленность, строились предприятия. Наверное, в то время и появилась вызывающая надпись на складе: «VIVA TITO».

К моменту нашего приезда лед между капитализмом и социализмом значительно подтаял. Забор, разделяющий два родственных города, все еще стоял, граница была, но уже начались существенные послабления. Появились пропускные пункты, через которые пешком, на велосипедах, автомобилях можно было перейти из Гориции в Нова Горицу и обратно. Итальянцы выезжали в Словению за бензином, более дешевыми сигаретами и продуктами. Словенцы переходили кордон, чтобы устроиться в Гориции на работу — зарплата в тогдашних лирах была значительно выше той, что словенцы получали на родине в талерах. Гориция ожила.

Наш университет располагался на горе. С пологого склона была Италия, а за обрывом начиналась

бывшая югославская республика Словения, на тот момент только что получившая независимость. На переменах после лекций о «железном занавесе» мы с удовольствием выходили во двор и, облокотившись о перила, предусмотрительно установленные, чтобы никто не сорвался с обрыва, наблюдали за словенцами. «На той стороне» по улицам ходили люди, сновали машины, правда, чуть похуже, чем в Италии, мальчишки бегали по дворам. В общем, текла обычная жизнь...

В один из дней Лучио Гамбакорта выдвинул замечательную идею: «А почему бы нам не взять автобус да и не съездить в Нова Горицу? Для вас русских ведь виза в югославские республики не нужна».

Идея была сколь замечательна, столь же и авантюрна. На границе наш автобус задержали, и мы просидели в нем несколько часов. Да, в Словению в тот момент нам с нашим паспортом специальных разрешений, действительно, не требовалось. Но виза нужна была нам для возвращения в... Италию, поскольку у каждого из нас она была одноразовая. После долгих переговоров Лучио все же добился, чтобы итальянские пограничники закрыли глаза на наш отъезд. И мы оказались в Словении.

В отличие от стариной Гориции Нова Горица, застроенная в основном в 1960—1970-е годы выглядела не так презентабельно. Блочные дома заметно обветшали. И там, где в Италии виднелась почтенная старина, в Словении бросалась в глаза откровенная бедность. Местные жители охотно брали лиры, так что деньги нам даже не пришлось менять. Но тратить особой нужды не было. Походили по улицам, посидели в кафе. Но это была не больше чем прогулка по спальному району.

Единственная достопримечательность Нова Горицы — обилие казино. В Италии они запрещены, поэтому, как только открыли границу, предприимчивые славяне тут же воспользовались пристрастием соседей к азартным играм. Любители рулетки и карт приносили основной доход небольшому городу. Хотя, глядя на все это, невольно думалось, в соревновании двух систем все же победу одержал разум. Несмотря на бравурную надпись на горе.

Заметки на полях

В канун 1 мая 2004 года — даты вступления в Евросоюз Словении — в Гориции и Нова Горице состоялась необычная церемония. Мэры словенского и итальянского городов вместе с председателем Еврокомиссии Романо Проди «осуществили, как писали газеты, акт подрыва „последней Берлинской стены“, некогда разделявшей Запад и Восток». Оказывается, спустя десять лет после падения настоящей «Берлинской стены» кирпичная ограда между Италией и Словенией, разделявшей две половинки одного города, все еще сохранялась. Теперь место, где проходила разделительная линия, обозначено цветниками.

Гориция входит в округ Фриули—Венеция—Джулия со столицей в Триесте. А от знаменитого города на воде до Гориции километров 80. В этой части Апеннин много великолепных курортов. И, отдыхая на итальянской Адриатике, стоит побывать и в Гориции. Сейчас, когда рухнула «последняя Берлинская стена», городок оживает. Все больше туристов приезжают посмотреть и на средневековую крепость, и на виллу Коронари и другие достопримечательности. Интернет полон рассказов западных путешественников, которые, осмотрев исторические

памятники на итальянской стороне, отправлялись на ночлег в словенскую часть. Гостиницы тут не менее комфортны, а стоят гораздо дешевле.

К сожалению, если раньше для россиян при поездке в Словению виза была не нужна, теперь после вступления этой страны в ЕС она требуется. Поэтому для наших путешественников проход в Нова Горицу пока закрыт. Но, думаю, вскоре Словения вступит в Шенген (скорее всего, это произойдет в 2007 году), и тогда будет весьма любопытно посмотреть, как срастается некогда разъединенный город.

ФИНЛЯНДИЯ

Белая зависть

90 процентов финских семей выписывают хотя бы одну газету. Маленькая нация стала самой читающей в Европе. А может, и в мире...

— Нет,— говорит главный редактор крупнейшей газеты Финляндии «Хельсингин саномат» Хелеена Савела.— Японцы читают больше нас. А лет пятнадцать лет назад я с завистью смотрела на тиражи советских газет. Ох, какие у вас тогда очереди по утрам выстраивались к киоскам!

Я б на месте Хелеены никому не завидовал. Только «Хельсингин саномат» в пятимиллионном государстве выходит тиражом 450—520 тысяч экземпляров. Такой показатель на среднестатистическую душу населения никаким японцам и даже китайцам не догнать!

Когда посещаешь «Хельсингин саномат», тебя уже самого невольно охватывает белая зависть. Новое здание редакции построено в самом сердце Хельсинки в 1999 году и сразу стало достопримечательностью финской столицы.

На возведение «Саноматало» — или «Дома Санома», как называли свой дом в издательском концерне, был объявлен международный конкурс. И выиграл его молодой финский архитектор Антти-Матти Сиикала, предложивший концепцию девятиэтажного куба, разделенного на два треугольника широкой галереей для прохода публики.

Эта идея оказалась счастливой. Действительно, представьте: дождливое северное лето или холодная сырая зима. Куда финскому человеку податься? Выйдя из дома, он тут же ныряет в какой-нибудь пассаж.

Центр любого города в Суоми — будь то столичный Хельсинки или крошечный Рованиemi — это сплошные, переходящие одна в другую, крытые галереи. Иной раз из пункта «А» в пункт «В» в финском городе можно добраться, не выходя на улицу. Нередко удивлялся: на улице минус 20, а молодежь щеголяет без шапок и в легких курточках. Дело не в северной закалке. Финские лесорубы — вон какие парни крепкие, а на своих деланках закутаны в комбинезоны — только нос и глаза торчат. Просто юные щеголи живут в городе, где не принято отключать отопление в домах в зимнюю стужу.

Финны обожают здания из стекла и стали. Зимний вечер. Стоит себе на снегу такая словно из льда вырубленная громадина и светится изнутри. На первом-втором этажах, как водится, пассаж. Темно-си-

няя мгла смотрит в незашторенные окна от пола до потолка. И будто силится превратить эти стеклопакеты в полированный гранит.

В Финляндии чувствуешь свою полную защищенность от северной природы. Она, как прирученный зверь — ты его видишь, но он тебе не страшен. В пассаже ты можешь осматривать товары в магазинах, или присесть к кофейному столику, или зайти в книжную лавку и неспешно перелистывать книги и журналы. Под крышей галерей, хочешь, проводи хоть весь короткий зимний день. А потом, сделав все свои дела, спокойно вернешься домой и нырнешь под теплое пуховое одеяло.

Наверное, оттого так популярно в Хельсинки здание редакции «Хельсингин саномат», что оно логично вписалось в систему городских пассажей. Тем более что место для своей редакции журналисты выбрали поистине козырное. С тыла — вокзал. А прямо по курсу — парламент, справа знаменитый «Дворец Финляндия», слева — крупнейший торговый центр «Форум».

Хельсинкский житель обязательно включает проход через «Дом Санома», если следует на вокзал, в парламент или «Дворец Финляндия». Ну а внутри «Саноматало» все, что человеку надо: кафе, закусовые, магазины, киоски. Несколько эскалаторов транспортируют публику туда-сюда с этажа на этаж.

Особая изюминка «Дома Санома» — музей истории прессы Финляндии. За его посещение не нужно платить. Он тут же — в большом холле на первом этаже. Мастодонтами стоят старые линоtypы и типографские прессы. Под стеклом можно часами разглядывать различные атрибуты журналистского труда: ручки, блокноты, старые пишущие машинки.

И, конечно же, всюду оригиналы изданий разных лет. Ведь, например, «Хельсингин саномат» — крупнейшей газете концерна и страны — более 120 лет. И с ее страниц говорит сама история!

А история Суоми весьма любопытна. Недавно вышла в свет книга известного финского ученого Матти Клинге «Имперская Финляндия». В ней он прямо говорит: его страна вытянула счастливую карту, когда в 1809 году перешла под крыло России.

Финляндское княжество досталось Российской Империи в результате войны со Швецией. Отсталая и очень бедная страна на задворках Европы в течение нескольких лет смогла достигнуть среднестатистического европейского уровня благосостояния.

А что было бы, если бы осталась под Швецией? В те годы шведы и подданные им норвежцы десятками тысяч эмигрировали в Америку — так голодно было на родине. Да и не перейди Финляндия под флаг России, войне между двумя гигантами севера — Россией и Швецией — не было бы конца. А жертвой пала бы именно Финляндия, на земле которой и выясняли бы отношения две супердержавы XIX века.

Оказавшись под Россией, Суоми превратилась в экспериментальную площадку для многих реформ, о необходимости проведения которых постоянно говорили молодые реформаторы, но на их осуществление, как обычно, не хватало духу политической верхушке империи. Например, в области демократии. Финляндия первой на территории империи начала выбирать свой парламент. И стала первой страной в мире, где женщинам предоставили право голоса на выборах. Тут появились первые депутаты-женщины и министры. Что ж теперь удивляться, что

процент женщин-лидеров в Суоми значительно превышает мужчин?

Финны имели свою автономию, свой герб и флаг. В княжестве даже выпускали свои почтовые марки и валюту. И трудно сказать, если бы не события 1917-го, вышла ли бы Финляндия из состава России?.. Возглавивший в тот период Суоми маршал Маннергейм был ярым монархистом, царским офицером, и, говорят, до последних дней над его столом висел портрет Николая II.

К русским царям, которые, казалось бы, должны считаться колонизаторами, в Финляндии отношение трепетно-уважительное. На главной площади Хельсинки стоит памятник Александру II, именем Александра I названы многие места в стране, а дача Александра III — один из самых посещаемых туристских объектов юго-восточной Финляндии. И все почитают русских монархов беспрецедентно расширивших права автономии.

Короче, если следовать логике Матти Клинге — реформы обкатывались в Финляндии для их дальнейшего применения на русской земле. Но что-то до России они так и не дошли. Вот и живем мы не так, как живут в современной Финляндии.

В стенах редакции почему-то сама атмосфера навевает думы о политике. А в «Доме Санома» расположились сразу несколько общественно-политических изданий, входящих в издательский концерн «Санома». Тут и редакции утренней «Хельсингин саномат», и вечерней «Илта Саномат», и других маленьких и больших газет. Архитектор придумал немало эффектных приемов, чтобы с одной стороны разделить офисы редакций, а с другой — сделал так, чтобы не возникало проблем из одной газеты попасть в другую. Снизу, на-

пример, в каждое издание ведет свой лифт, а на верхних этажах редакции соединены висячими мостами. Это очень красиво, если учесть, что в «Доме Санома» не только стены, но и крыша — из стекла.

Пространства редакции подчеркивают и рабочие помещения. У журналистов нет своих кабинетов. Столы выстроены в каре по отделам. Все трудятся вместе в одной комнате. Лишь невысокие перегородки отделяют довольно шумную пишущую братию друг от друга. Правда, при такой системе «акулы пера» постоянно варятся в «общем котле», работают единой командой.

Единственно, у кого есть привилегия на свой уголок, это у Хелеены. За стеклянной перегородкой со стеклянной же дверью — ее каморка. Стол и небольшой диванчик, на который могут усесться максимум 3—4 сотрудника, вызванных к Главному. Весьма демократично!

Хелеена рассказывает о распорядке дня редакции. Первая планерка в 10 утра. Последняя — в 17. Подходы к планированию материалов, работе с информационными агентствами, авторами — те же, что и в российской прессе. Журналисты во всем мире исповедуют один и тот же принцип: максимально больше новой информации, «лучшее враг хорошего» и, конечно, точность, объективность, стремление к независимой точке зрения и неангажированности. Все так, да не так.

— Сколько у вас журналистов? — спрашиваю Хелеену.

— Триста, — отвечает она.

В наших газетах в лучшем случае сорок. И то руководство в целях экономии постоянно ведет борьбу за сокращение штатов. Вдыхаю...

Недавно «Хельсингин саномат» купила в США новую типографию. Теперь газета, выходящая объемом от 64 до 120 цветных страниц ежедневно, печатается со скоростью 120 тысяч копий в час. Заплатили за печатные станки 120 миллионов евро. Получается, миллион за тысячу копий в час? Что ж, концерн «Саномат», имеющий оборот 2,4 миллиарда евро, может себе такое позволить.

Но приобретение сделано не для того, чтобы эффектно потратить заработанные евро и утереть нос коллегам. Чем быстрее печатают газету, тем позже ее нужно сдавать в типографию, тем больше свежих новостей можно разместить на ее страницах.

Когда случилась катастрофа с паромом «Эстония», газету сдали в печать в два ночи. Когда произошла трагедия в Америке 11 сентября 2001 года, «Хельсингин саномат» отправилась в типографию в четыре утра. Но уже через несколько часов свежий номер лежал в почтовых ящиках финнов.

Для финнов выпуск газет — бизнес. Честный и хороший бизнес. А стало быть, продумано не только, какая информация попадет в номер, на какой странице расположится, но и то, как отпечатанная газета попадет к читателю. У «Хельсингин саномат» собственная система киосков. Была и собственная система распространения, но ее передали государственной почте, которая эту работу выполняет лучше и гарантирует доставку свежих номеров газеты к 6:30 утра. Это по всей Финляндии с ее малонаселенными территориями, где от хутора к хутору подчас часами добираться надо! При этом если кто-нибудь из читателей решит оформить подписку на газету, ему достаточно до

четыре вечера позвонить в службу доставки издательства или почты, и уже утром газета будет лежать в ящике.

Господи, ведь это фантастика! Представляю, что могут сказать по этому поводу читатели российских газет. В редакциях отечественных изданий скопилось множество писем, в которых люди жалуются: ежедневные утренние газеты не купить в киосках, почта доставляет прессу из рук вон плохо: лишь к вечеру свежие номера добираются до подписчиков, а субботние выпуски подчас попадают к читателям лишь в понедельник. Что тут удивляться, когда читатели отказываются от подписки. Часто не из-за того, что им газеты не нравятся. А потому что их не получить в срок. А вчерашние новости кому нужны?

Меня часто спрашивают коллеги из-за рубежа: почему в пятимиллионном городе, каким является Петербург, так малы тиражи городских газет? Нет, господа, дело тут не в том, что Россия из самой читающей страны в мире превратилась в одночасье в безграмотную провинцию на задворках мира. Корни этой проблемы возникли не сегодня. В начале 1990-х, когда началось разгосударствление прессы, сознательно или несознательно, но газеты отделили от того, без чего они существовать не могут — от полиграфической базы, системы распространения и розничной продажи. На Западе скрупулезно выстраивали эту цепочку, а у нас газеты оказались сами по себе и теперь вынуждены все начинать заново. А при хронической нехватке денег это долгий, очень долгий процесс...

В любом городе России чуть ли не на каждом углу мы можем увидеть киоски и лотки по продаже

прессы. Но на каждом ли из них лежат ежедневные газеты? Вот желтой «прессы», изданий лукаво называющих себя «эротическими», — хоть отбавляй...

В Хельсинки, как во многих городах мира, киоски — это небольшие магазины. Тут, кстати, тоже продаются фривольные издания. Иные из них даже покруче будут тех, что лежат на наших прилавках. Но, во-первых, все они запаяны в пленку. А во-вторых, первая страница закрыта какой-нибудь бумажкой — только название торчит. Демократия и свобода слова, безусловно, позволяет распространять любой востребованный в обществе продукт. Но она также стоит на защите прав тех, для кого даже сам вид «этого продукта» на прилавке является оскорблением чувств.

Сегодня часто говорят, что Интернет скоро сделает выпуск газет бессмысленным. Но ведь тоже самое говорили и на заре телевидения: мол, сиюминутные новости и прямые репортажи с голубых экранов окончательно добьют газеты. Но газеты живы и здравствуют до сих пор. Убежден, у них большое будущее.

И тут опять же весьма показателен опыт Финляндии. Суоми — один из мировых лидеров по пользованию Интернетом и современных средств связи. Парадоксально, но ведь уживается Интернет с огромными тиражами газет. Почему? Да все очень просто! Финны достаточно продвинуты, чтобы рыскать во всемирной паутине в поисках новых знаний и информации. Но весьма консервативны, когда речь заходит о потреблении новостей, касающихся их жизненных интересов. Тут они совершенно правы, на медиакухне можно потреблять только проверенный продукт, иначе можно легко отравиться. И га-

зеты, такие как «Хельсингин саномат», выступают как гарант качества. Их ведь еще дедушки и даже прадедушки читали. Такие издания непроверенные факты не напечатают!

Так что получается, достоверность, объективность, взвешенность — вот, что по-настоящему ценно в сегодняшней прессе, а не хлесткий язык и развязный стиль. Достоинство нации — в достоинстве журналистики.

Ежедневная пресса, выражающая разнообразие мнений, различные точки зрения на проблемы — признак стабильности общества. Отсутствие прессы ведет к аполитичности людей. Какой смысл гражданам участвовать в жизни государства и «болеть» за него, если они выключены из процесса дискуссий и обсуждения самых насущных проблем своих городов, регионов и страны?

Заметки на полях

Согласно докладу Всемирной газетной ассоциации, после спада 2003 года, на планете происходит настоящий «бум» ежедневной печатной прессы. Ежегодный средний прирост продаж составляет более 2 процентов, а доходов от рекламы — 5 процентов.

Главный рост происходит за счет прессы азиатских стран, особенно Индии и Китая, тогда как в Европе и США показатели достаточно стабильны.

В целом продажи 6580 крупнейших мировых газет достигли 395 миллионов экземпляров в день. При этом в Китае издается 93,5 миллиона экземпляров, в Индии — 78,8 миллиона, в Японии — 70,4 миллиона, в США — 54,6 миллиона, в Германии — 22,1 миллиона.

ФРАНЦИЯ

Профессия: солдат

«Эколь милитэ» — красивое название, которое никак не связываешь с пушками и бомбами. Да и здание, в котором она расположена, смотрится как один из парижских дворцов. Впрочем, вот они обманки французского языка!

В действительности, «Эколь милитэ» — переводится не иначе, как «Военная школа». Старейший и самый престижный военный вуз Франции. Основанный Людовиком XV, он знаменит еще и тем, что некогда тут учился курсант по фамилии Бонапарт. Полноватый и низкорослый корсиканец, завершивший учебу в чине лейтенанта артиллерии, вскоре благодаря своим военным талантам стал генералом, а потом императором Наполеоном I.

Несколько лет назад во Франции было принято решение перейти на профессиональную основу и отменить воинский призыв. И оттого авторитет «Эколь милитэ» еще больше вырос. Не случайно официальный представитель Министерства обороны, директор Отдела по информации и коммуникации МО Франции Жан-Франсуа Бюро назначил нам встречу именно в стенах этой школы.

Мы прошли в дальнее крыло огромного здания и устроились в одном из кабинетов. Это были помещения администрации, а, судя по большим арочным окнам, когда-то тут располагались конюшни. Сам господин Бюро задерживался. «Он у министра», — объяснил сопровождавший нас офицер и ушел.

Надо сказать, французские чиновники не отличаются пунктуальностью. Но мы имели дело с военными и думали, что на них это правило не распространяется. Но официальный представитель все не появлялся. Мы, устав ждать, вышли в коридор. Там сновали офицеры. Практически у нашей двери, как часовой, стоял автомат, готовящий кофе. Кстати, бесплатный. Но не было стаканчиков. Офицеры к нему подходили каждый со своей кружкой. Мы отважились направить нашего переводчика узнать, где найти стаканчики. Но она вернулась ни с чем: «Говорят, где-то на первом этаже есть платный автомат». Похоже, бесплатный кофе для посетителей в Министерстве обороны Франции не предусмотрен...

Господин Бюро появился минут через сорок. Стало понятно, почему он опоздал. Не был он военным, а оказался обыкновенным чиновником. На фоне офицеров, виденных нами в коридоре, в кителях, с планками наград или даже настоящими медалями, Бюро носил обыкновенную кофту и рубашку без галстука. Это был достаточно молодой человек, в очках в тонкой оправе, с модной стрижкой. На его запястье болтались не какие-то часы «а'ля командирские», которые предпочитают военные, а изящные модные фирмы «Гермес». Короче, типичный «пиарщик».

Впрочем, этот молодой человек, как нам его рекомендовали, был одним из идеологов перевода французской армии на профессиональные рельсы. И уже этим был интересен. Поэтому все наши вопросы касались того, как французам удалось отказаться от призыва и насколько быстро это произошло.

— Откровенно говоря, это было трудное решение,— сказал Жан-Франсуа Бюро.— И вызвало немало споров. Кажется, чего проще: отказались от

призыва юношей, начали солдатам платить зарплату. Но, во-первых, профессиональная армия очень дорогое удовольствие. Во-вторых, идея вызвала мощное сопротивление некоторых политиков. По сути, мы ведь подрывали устои нашего общества, ведь идея профессиональной армии не входит во французскую культуру. «Как же так? — говорили противники профессиональной армии. — Мы же демократическое государство! А значит, каждый представитель народа должен защищать идеалы республики, в том числе и с оружием в руках». Наконец, в-третьих, Франция — государство немаленькое. К слову сказать, самое большое в Европе, к тому же есть заморские территории в Южной Америке, на Карибах, в Океании. Где взять столько добровольцев, которые пусть и за деньги, но готовы в случае необходимости положить свои молодые жизни в интересах страны, да еще в мирное время? Перед нами постоянно маячила опасность не собрать столько людей, сколько требуется для обороны государства.

Вообще, если говорить об истории вопроса, Франция не была пионером в переходе армии на профессиональную основу. Великобритания уже давно имеет отличные и хорошо обученные вооруженные силы, которые формируются на основе контракта с каждым солдатом и офицером. В континентальной Европе задумались о профессиональной армии, исходя из новой геополитической ситуации. Рухнул «железный занавес», прекратил свое существование Варшавский договор, более того, многие бывшие противники стали членами НАТО. Изменилось соотношение сил на мировой арене. Европейцы начали понимать, что национальная безопасность может быть обеспечена меньшим числом военных, но лучше подготовленных

и образованных. К тому же все более очевидным становилось социальное неравенство, которое неизбежно в формировании армии по призыву. Испания, Бельгия, Италия достаточно быстро перешли на профессиональную армию. В Германии призыв не стали отменять, и он существует до сих пор. А во Франции по-прежнему продолжали колебаться. И только в 1995 году президент принял волевое решение — идти по пути профессиональной армии.

— Кстати, компромиссный вариант: профессиональную армию сочетать с призывом гражданских существовал до последнего момента, — признался Бюро. — Но любая армия, в которой существует призыв, создает неравенство в обществе. Во Франции, например, во времена призыва в армии служил только один из трех юношей, остальные избегали казарм под предлогом различных льгот и отсрочек. Именно ставка на социальную справедливость в конечном итоге сыграла большую роль, чем любой трезвый расчет и политическая целесообразность. Могу сказать, профессиональная армия во Франции появилась лишь потому, что нас поддерживал народ.

Как технически осуществлялся переход к профессиональной армии? Конечно, переход состоялся не по мановению волшебной палочки. Была создана программа на шесть лет. С 1997 года постепенно увеличивалось число профессиональных воинских частей и сокращалось число призывников. В последний год перед 100%-й отменой призыва служить пришлось 250 тысячам юношей. Профессиональная армия на тот момент составляла 180 тысяч солдат. Одновременно с реформой в вооруженных силах проходило их сокращение. В 1997 году французская армия составляла 450 тысяч военных. В начале 2000-х — 380 тысяч. Соответствен-

но, уже требовалось меньше казарм, меньше жилья, меньше техники. Казармы продали в коммуны, выручив за это немалые деньги. А техника, в основном устаревшая и демилитаризованная, пошла «с молотка». Нашлись коллекционеры, которые все скупили.

— Профессиональная армия — это совсем иной подход, иной принцип существования, — подчеркнул Бюро. — Прежде существовала иная философия. Призывник отдавал свой долг государству. Святая миссия! Но можно представить, какие чувства испытывал современный молодой человек, вставая под ружье, когда другие его сверстники в это время встречались с девушками, сидели в кафе, ходили на дискотеки.

Профессионального солдата государство нанимает на работу. У него несколько иная мотивация. Другое отношение к службе. И понятно кто — призывник или профессионал — будет служить лучше. Конечно, тот, кто осознанно выбрал армию, а не тот, кого взяли в нее принудительно.

— Что ни говорите, известие об окончании воинского призыва было хорошей новостью для французов, — сказал Бюро.

Из организации с очевидным отрицательным имиджем армия стала вдруг популярной. Правда, идеологам реформы отчасти повезло. Переход армии на профессиональную основу совпал с экономическим спадом в стране. Поступление на воинскую службу стало хорошим выходом из сложной жизненной коллизии для многих безработных молодых людей. В первые годы был даже конкурс на вакансии солдата: 3 кандидата на 1 место «человека с ружьем».

Еще один нюанс, сыгравший на имидж Министерства обороны: армия превратилась в одного из крупнейших работодателей в стране. Если раньше

на нее работал только военно-промышленный комплекс, то теперь у военных получили работу множество гражданских фирм.

Как все происходило раньше? Солдаты из очередного призыва с первых дней на воинской службе полностью обслуживали себя сами. Они проходили воинскую учебу, участвовали в маневрах и одновременно охраняли воинские части, убирали территорию, готовили пищу, ремонтировали технику.

Сейчас, если государство платит солдату зарплату, оно совершенно не заинтересовано отвлекать его на мелочи, типа мойки полов в казарме. Его обязанность быть солдатом. А уборкой казарм, обслуживанием ресторанов и солдатских столовых, даже охраной некоторых частей и ремонтом техники занимаются нанятые по контракту гражданские фирмы. К слову, когда мы входили в «Эколь милитэ», обратили внимание, что на вахте самого важного военного училища, стоят представители частной охранной фирмы.

Новшества породили своеобразную цепную реакцию. Улучшилось и качество военной жизни. Если, допустим, в подразделении призывников пищу готовил, как умел, назначенный солдат Жан, то теперь — профессиональный повар. И если он работает плохо, его заменяют на другого.

Господин Бюро говорил логично, но невольно складывалось впечатление, что в какой-то момент все покатилося, как по маслу и без проблем... Мы тут же обратили внимание на это нашего собеседника. Понятно, что в первые годы реформы повезло с тем, что в стране была высокая безработица, молодежи некуда было податься, и только армия предоставляла гарантированное оплачиваемое рабочее место. Но экономический спад — дело временное, за ним не-

избежно следует взлет, промышленности потребуется больше рабочих рук, и в такой ситуации не возникнут ли трудности с поиском новых рекрутов?

— Таких сложностей не должно возникнуть. Все равно останется круг людей, для которых армия останется привлекательной, — уверенно ответил Бюро.

И объяснил свою мысль. Прежде всего, армия, как прежде, так и теперь, больше всего внимания уделяет молодежи из малообеспеченных семей, а также людям с образованием недостаточным, чтобы найти хорошо оплачиваемую работу. Для них служба может стать возможностью продвижения в обществе, социальным лифтом. Молодые люди получают в армии свою первую работу, профессиональные навыки и образование. А это шанс на всю жизнь, который на «гражданке» осуществить трудно и дорого.

Но быть солдатом — не то же самое, что поваром... Это достаточно опасная работа, — бросили мы еще одну мысль нашему собеседнику.

Бюро не смутился:

— Вы правы, солдаты очень скоро сталкиваются с реальностью. Например, во время заграничных командировок, поездок в «горячие точки». У нас такие командировки осуществляются в Афганистан, Африку, Боснию. И ездят в них все, каждый год и минимум на четыре месяца. И здесь важны два аспекта: профессиональная подготовка обеспечивает безопасность, оплата — стимул.

Получается, сам Бюро вывел нас на самый интересный вопрос: сколько же получает простой французский солдат?

— Тут нет никаких секретов, — сказал Бюро. — Министерство обороны — бюджетная организация, и все ее расходы подконтрольны обществу.

Зарплата солдата — вдвое больше минимальной гарантированной зарплаты по стране и составляет 2000—2200 евро. При этом на территории части солдат состоит на полном попечении государства — за питание, квартиру и форму он ничего не платит.

Каждые два года — и это предусмотрено контрактом — повышается оплата примерно на 10 процентов. Во время поездки в «горячие точки» выплачиваются командировочные, начисляются различные премии за участие в боевых операциях...

Вообще, еще раз пояснил Бюро, профессиональная армия — дорогое удовольствие. Если по расчетам 1996 года один призывник обходился стране в 30 тысяч франков (это 5 тысяч евро), то профессионал — в 120 тысяч. С того времени затраты, разумеется, значительно возросли.

Насколько сложно из новобранцев, пришедших с «гражданки», подготовить профессионалов? Оказывается, главная кадровая сложность в профессиональной армии не солдаты, а офицеры. С призывниками все было просто: офицеры поработали год-два, обучили воинским азам, и состав сменился. В среде профессионалов офицер должен работать постоянно. Это уже не «зеленые» юнцы. И найти с ними общий язык уже значительно сложнее, тем более заставить их подчиняться, завоевать у них авторитет. К сожалению, не все кадровые офицеры во Франции смогли с этой задачей справиться. Поэтому в армии идет серьезная переподготовка среднего воинского звена и поиск новых офицеров, многих из которых планируют набирать из наиболее смелых и высоко себя зарекомендовавших солдат.

Во французской армии солдатский контракт подписывается на 4 года. И время перезаключения пер-

Анатолий Аграфенин

вых контрактов наглядно показало, насколько жизненна сама идея профессиональной армии. Прогноз военных оправдался, вооруженные силы сохранили треть состава. Это нормальный «отсев», если ежегодно вооруженные силы будут обновляться на 25%, то это позволит, с одной стороны, армии не стареть, с другой стороны, иметь достаточный мобилизационный резерв на случай войны.

— Главное, чего мы достигли, — господин Бюро закончил на патриотической ноте, — мы сблизили армию с остальной частью населения. Недаром говорят, какой народ — такая и армия. Поэтому у Франции по определению не может быть плохих солдат.

Заметки на полях

В тихом местечке Обань под Марселем базируется воинское подразделение, известное во всем мире. Это — иностранный легион. Он был создан во Франции еще в 1831 году для официального приема на воинскую службу иностранных подданных и граждан. По сути, это первое профессиональное подразделение французских ВС.

Этот легион прошел все войны, в которых участвовала Франция. За 175 лет в подразделении служили 400 тысяч иностранцев, 35 тысяч из них погибли.

Для многих иммигрантов-мужчин служба в легионе — лучший способ интегрироваться во французское общество. Призывные пункты существуют на территории всей Франции. Но они не рекламируются. Достаточно молодому человеку прийти с паспортом и заявить о своем желании, его берут на испытание. Сначала он проходит карантин. В течение определенного срока проверяют: не совершил ли он преступления у себя на родине или

где-то за границей. Затем тестируют его умственные способности. По нормативам интеллект рекрута должен быть на уровне средней школы. Одновременно смотрят его физическую подготовку. Претендент должен ежедневно пробегать не менее 5 километров. Отбор достаточно жесткий: на сто мест претендуют примерно 7500 иностранцев. Если претендент не подошел, ему возвращают паспорт, выдают очень скромные деньги на карманные расходы и без всяких извинений выставляют.

Что толкает молодых людей в иностранный легион? Вот как это объясняет командование:

— Профессиональные неудачи, сентиментальные разочарования, политические проблемы, неувязки с законом — все что угодно. Главное, чтобы претендент не был преступником.

С поступлением в легион для новобранцев начинается новая страница жизни. Многие даже меняют свое имя.

— Иностранный легион — сражающаяся армия под французским управлением, — говорят командиры подразделений. — Все команды и все распоряжения у нас отдаются только по-французски. Но у нас свое оружие и свои принципы управления. Главное понимать, что Франция нанимает не армию, а нанимает человека, второго, третьего и из них организует армию. Задача проста: научить всех легионеров говорить на одном языке, подчиняться единым правилам. Но есть одно неукоснительное табу: легионеров никогда не пошлют сражаться против своей страны.

Легионеры всегда старше обычных солдат-французов, поэтому они знают что можно, а что нельзя. Любопытно, что солдатам здесь не возбраняется выпивать, даже потреблять наркотики. Но они должны всегда быть в форме и четко реагировать на требования командования. За любую провинность выгоняют. И этот принцип

Анатолий Аграфенин

оказывается лучшим стимулом отказаться от вредных привычек.

Сейчас в легионе служат 7668 человек. Из них: 406 офицеры, 1726 младшие офицеры, 5536 легионеры. Всего 8 полков: пехота, парашютисты, саперы, кавалерия (традиционное название, конечно же, в реальности это моторизованные части). Хороший легионер служит в среднем 23 года. Первый контракт подписывается на 4 года. После подписания второго контракта человек может жить не в казарме, а в городе, завести семью. Тогда же он может получить вид на жительство и в дальнейшем претендовать на французское гражданство. Но автоматически оно не дается никому.

Из Восточной Европы в 1990-е годы в легионе был каждый второй. Сейчас — меньше 40 процентов. Здесь собрались люди со всей планеты — представители 152 национальностей. 25 процентов из них говорят на французском, как на родном, — это выходцы из Монако, Швейцарии, Бельгии, Люксембурга. Юг Европы представляют 10—15 процентов легионеров.

— И если среди барашков эти люди были волками, здесь они просто попадают в свою среду, — сказал один из командиров легиона.

Многие молодые люди из России и республик бывшего Советского Союза тоже правдами и неправдами стремились попасть во французский легион. Кто подзаработать на достойную жизнь, а кто, дабы избежать службы в родной армии. Стоит задуматься нашим отцам-командирам над тем, каков имидж защитника отечества и «устоев», царящих в российской армии, у молодых людей, если они предпочитают двухгодичной службе на родине, как минимум вдвое большую по сроку, службу среди отъявленных головорезов (как называют в просторечии легионеров) на чужбине и в горячих точках.

НЕКОТОРЫЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

ЭСТОНИЯ

Рождество

Рождество, наверное, самый любимый праздник в любой стране. Уже в начале ноября витрины магазинов начинают украшать по-новогоднему. В Финляндии, например, даже появляются в городах рождественские, как правило, пешеходные улицы, где разворачивается торговля, а местные Деда Морозы — Йоулупукки (что переводится не иначе как «рождественский козел») — болтают с малышкой. Во Франции длинноногие девушки в костюмах Сент Ноуэля (так тут именуют главного рождественского деда) — красном тулупчике, шапке, подбитой белым мехом, и мини-юбке — раздают рекламные буклеты: «скидка до 24 декабря!» В эти дни в магазинах Парижа не протолкнуться, а в знаменитые универмаги Printemps и Galleries Lafayette — просто не войти! В Риме под пальмами тоже звякает коло-

кольчик местного Дед Мороза — Баббо Натале, собирающего пожертвования. У итальянцев перед Рождеством особой популярностью в качестве подарка пользуется ярко-красное нижнее белье. Утверждают, что тех, кто встретит самую волшебную ночь в году в красном, ждет счастье в личной жизни. Рождество — семейный праздник, думать о карьере в этот момент не принято.

На ратушной площади в Таллине уже с начала декабря открывается рождественский базар. В центре, как водится, ставится высокая ель, а вокруг нее деревянные избушки, из которых торгуют сувенирами, медом, свитерами, шапками и рукавицами ручной вязки. Тут же можно отведать глинтвейна или кофе, закусив аппетитным кренделем. Правда, основные посетители базара — иностранные туристы, которых под Рождество в столице Эстонии особенно много. А вот сами трудолюбивые и хлопотливые эстонцы подготовку к празднику начинают только в день Томаса — 21 декабря. К этому моменту в старину должны были быть завершены все сельскохозяйственные работы, и можно было расслабиться аж до дня Трех королей — 6 января.

— Эстонцы — нация наблюдательная, — говорит моя давняя знакомая Марье Масса. — И лучшее мы заимствуем у других народов, адаптируя на свой лад. А уж переняв и привыкнув к чему-либо, многое теперь считаем своим, национальным.

Марье — дипломат, и последние годы ей редко выпадало счастье отметить Рождество дома. Но в своем кабинете в консульстве Эстонии в Санкт-Петербурге она создает предновогоднюю атмосферу, знакомую ей с детства. Доминируют хвойный зеленый и красный, как листья красивого растения с

говорящим названием «рождественская звезда». Вот на столе стоят свечи и сплетенные из соломы олени, игриво перевязанные красной ленточкой. Это химмели, иногда их еще делают из шерсти. Традицию изготавливать такие игрушки в свое время эстонцы переняли у шведов. Причем было это давным-давно, еще в XV веке, так что плетение игрушки из соломы можно смело называть эстонской традицией.

К соломе у эстонцев всегда было особое отношение. Деревенские семьи жили небогато, нередко с трудом сводили концы с концами. В нужде и в постоянной работе, как не помечтать. Вот солома — простая, вроде, вещь, а блестит как золото. Может быть мягкой как волосы девушки, а может колоться как игла. Солому наделяли магическим смыслом. Кстати, прежде чем появился обычай устанавливать в домах елку, неизменным атрибутом в эстонском доме на Рождество была чистая солома.

На ней играли дети. С ее помощью гадали: подбрасывали вверх, и чем больше соломинок зацеплялось за деревянный потолок, тем счастливее должен был быть год.

Гадали также, бросая башмак через плечо. Если он упал носком к дверям, значит, кому-то придется в будущем году уехать, а девушкам выйти замуж.

Декабрьскими вечерами, когда темнеет рано, улицы «Ванна Таллина» — старой части эстонской столицы выглядят, как иллюстрация к сказке. Узкие кривые улочки. Низенькие домики с острыми черепичными крышами. Средневековые вывески: башмак — значит, тут либо обувной магазин, либо мастерская; крендель — под ним, скорее всего, булочная или кондитерская; а уж если пивная круж-

ка — ищи кабачок... Но булыжные мостовые пусты. Дома, хоть подсвечены, но за окнами не чувствуется движения жизни. Даже под вывесками и магазины закрыты, разве что в кабачке гудят неугомонные завсегдатаи.

— Часто туристы удивляются, что у нас 24—25 декабря даже в столице пусто на улицах, — говорит Марье. — Но это ясно, все в кругу семьи встречают Рождество! Люди стараются собраться у старшего представителя рода. А поскольку многие — выходцы из деревни, то в основном торжества переносятся в провинцию, а города пустеют.

Накануне праздника все идут в церковь. Кстати, современные эстонцы не очень религиозны. Но в эти дни отдают дань прошлым обычаям. А если вам в сочельник — день перед Рождеством — придется проехать мимо какого-нибудь кладбища, вы убедитесь, как эстонцы относятся к умершим родственникам — в темноте на погосте горят тысячи свечей.

Кстати, эта традиция характерна для многих христианских религий. Другой мой знакомый дипломат — консул Финляндской Республики Юха Вянска, тоже Рождество отмечает, как правило, не в своем доме в Эспоо или у родственников под Саволинной, а на берегах Невы. Но обычаев не забывает. А поскольку покойных родственников и знакомых у него в России, к счастью нет, он с женой обычно ходит в Александро-Невскую лавру и ставит свечу на могиле Достоевского, любимого писателя.

На эстонских хуторах в канун Рождества существует еще одна давняя традиция — обязательно относить угощения животным. Существует поверье, что в эту сказочную ночь домашний скот и птица обретают дар речи и с ними можно договориться,

чтобы они и в будущем году хорошо служили человеку.

А что принято дарить на Рождество, например, знакомым? Тут тоже есть свои каноны. Людям недостаточно близким принято преподносить либо конфеты, либо цветы. С таким подарком можно прийти и в гости на второй, третий день после праздника к соседу или друзьям. Бутылку с собой брать не принято.

— Но никогда не приходите к эстонцам в гости под Рождество! — говорит Марье Масса. — Могут и выгнать. Зимние ночи у нас темные, и люди с издавна верят, что злые духи любят темноту. Так что мало кто под праздник шатается: добрый человек дома сидит.

Раз Рождество сугубо семейный праздник, отмечаемый в узком кругу, каждый должен внести свой вклад в общее торжество.

— У нас часто говорят: Рождество нельзя купить, его нужно сделать, — подчеркивает Марье. — Поэтому практически все традиционные рождественские блюда хозяйки готовят сами. Хотя, конечно, в магазинах сейчас многое можно купить готовым. Но это уж для особо ленивых.

Главное рождественское блюдо в Эстонии — это белые колбаски, позаимствованные у немцев. Но эстонцы жили беднее, поэтому, как правило, колбаски набивали крупой и пряностями. Так традиция и сохранилась. Марье помнит, как с бабушкой готовила в деревне это нехитрое блюдо, набивая бараньи кишки при помощи специальной деревянной «толокушки» перловой крупой, луком, шпеком, перцем и сушеной зеленью.

Второе обязательное блюдо рождественского стола в Эстонии — печеный картофель, обильно по-

сыпанный тмином. Третье — капуста. И, наконец, последнее, что всегда подают к горячему — брусничный джем. Это такой «кетчуп» средневековья. Он не должен быть сладким. Сахара в старину было мало, он считался дорогим, поэтому его экономили. Марье утверждает, что как бы ни была занята, как бы неудобны были городские условия для готовки запасов, хоть одну баночку брусничного джема на Рождество она обязательно сварит.

Вообще, эстонцы в праздники едят много. Есть поверье, чем сытнее будет рождественский ужин, тем более благополучный год ждет впереди. Поэтому еда должна все время быть на столе. В эту ночь эстонцы усаживаются за стол от 7 до 12 раз!

У соседей — финнов, главные блюда Рождества: запеканки из моркови или брюквы, пирожки с пюре из чернослива или сливового джема. Главное блюдо — окорок, который в наше время, все чаще беспокоящиеся о своей фигуре, финны заменяют индейкой. На сладкое — имбирное печенье пипаркакут. Среди «статусных блюд» — рисовая каша, в которую кладут несколько миндальных орешков — кому они достанутся, тот будет особенно счастлив в будущем году.

У соседей с юга — латышей, свои особые рождественские блюда. Прежде всего, это свиная голова, она становится как бы украшением стола. По традиции мужчины и мальчишки могут в начале трапезы в шутку «побороться» за хрустящие ушки: кому они достанутся, тот и будет верховодить в семье или быстрее повзрослеет. К свинине обязательно готовят капусту. «Тушат квашеную», — рассказал латвийский дипломат Хардийс Бауманис. — Но она не должна быть кислой, как любят, например, не-

мцы. Поэтому в капусту добавляют сахар, чтобы „карамель пошла“. Такая капуста любимое лакомство латышей!»

Еще одно обязательное блюдо в Латвии — пирожки со шпеком. Это маленькие, «на один укус», пирожки из дрожжевого теста, внутри которых — копченое мясо, поджаренный лук и перец. И если уж говорить о перце — еще один неизменный атрибут Рождества перечное печенье — пипаркукас. Похожее по названию на то, что делают и финны, но оно у них сладкое, латышское — обязательно с перцем, чтобы язык щипало!

Любопытно, Латвия, Эстония, Финляндия — страны совсем близкие: на уровне «одного брошенного взгляда», а какие разные у них кулинарные пристрастия. Единственное, что схоже у всех народов, населяющих берега Балтики, к Рождеству готовят специальное, темное и чуть сладкое пиво. Его, как утверждают жители этих стран, и пьют главным образом за праздничным столом. Напиваться «вусмерть» в Рождественскую ночь не принято. Во всяком случае, так говорят...

Впрочем, может, это и правда. У финнов есть, например, одна интересная традиция. В течение декабря в фирмах и организациях празднуют «малое Рождество». Коллеги поздравляют друг друга. В этот день не возбраняется и выпить, а поскольку оплачивают такие мероприятия, как правило, работодатели, то мало кто себя ограничивает в спиртном. Что весьма опасно, особенно по отношению к коварному глегу. Это настоящий динамит в жидком виде: компоты, лимонады смешиваются с крепкими напитками, например, водкой. Сладкое пьется легко, но бьет наповал! И далеко не каждый

сотрудник в эту ночь благополучно добирается до дому...

В Эстонии Рождество один из самых любимых праздников и, может даже, более значимый, чем Новый год. И в советские времена, когда 25 декабря не было официальным выходным, эстонцы, как, кстати, и латыши и литовцы, всегда его отмечали. Нередко можно было видеть любопытную картину — русские только купили новогоднюю елку, несут ее домой, а у подъезда уже стоят воткнутые в сугробы слегка осыпавшиеся деревца, отслужившие свое на Рождество. Теперь Рождество национальный праздник и в Эстонии, и в Латвии, и в Литве, как практически во всей Европе.

24 декабря в Эстонии — рабочий день. Но укороченный. По старой ганзейской традиции в полдень мэр Таллина с балкона Ратуши — той, что украшает башенка с фигуркой Старого Тоомаса — объявляет о «рождественском покое». Это и есть сигнал, что праздник начался.

В рождественские дни в Эстонии по традиции организуется немало мероприятий, собирающих тысячи туристов со всего света. В Таллине проходят кинофестивали, музыкальные фестивали и, уже ставший знаменитым, фестиваль «Евроджаз».

Но самое, пожалуй, интересное — это действо, которое разворачивается в этнографическом музее под Таллином. Там в течение десяти дней проходит фестиваль, на котором туристов встречают люди в национальной одежде. Организаторы готовят целое представление! Тут можно вместе с профессионалами попробовать свои силы в национальных танцах. Прodeгустировать рождественские блюда. Или подсесть к какому-нибудь народному умельцу

и вместе с ним слепить на гончарном круге, например, вазу и тут же забрать ее с собой в качестве сувенира.

Так что если лето в Эстонии не всегда бывает жарким и располагающим к купанию и загоранию, зима в этой маленькой республике никогда не бывает не интересной для отдыха. Даже если по капризной балтийской погоде и не будет снега...

Заметки на полях

У всех северных народов Рождество поистине самый любимый праздник. Вот одна поразительная цифра, которая свидетельствует о многом: ежегодно финны отправляют 50 миллионов рождественских открыток. То есть каждый среднестатистический гражданин Суоми рассылает десять поздравлений своим друзьям и знакомым. И это только по почте! А сколько раздается телефонных звонков, летит sms-ок, электронных посланий и приветов через Интернет. Родственников же финны, как и эстонцы, предпочитают поздравлять лично, за столом дома, поскольку в отличие от Нового года – Рождество сугубо семейный праздник.

В конце декабря и в первые дни Нового года в Европе абсолютно бессмысленно решать какие-то деловые вопросы. А отправляясь в путешествие, всегда нужно учитывать, что многие маленькие отели на период Рождества (как, кстати, и Пасхи) закрыты. Поскольку в других гостиницах места обычно бронируются заранее, а в ресторанах и кабачках все столики в этот период строго расписаны за конкретными гостями, вы можете оказаться в неприятной ситуации и провести рождественскую ночь без крыши над головой.

ЛАТВИЯ

Национальное лето

Мы стояли в очереди к кассе гипермаркета на окраине Риги. Будний летний день, послеобеденное время, а народу столько, словно вечер пятницы, когда все стремятся выбраться на природу и набирают всякой всячины на уик-энд. И в тот день все покупатели были даже не с корзинками, а с перегруженными тележками. И любопытно, у всех просматривался примерно один и тот же набор: литровые пластиковые банки с шашлыком, кетчуп, пиво, картофель, угли.

— Да, мы тут стоим, — сказал Слава. — Очередь, как перед Рождеством.

Слава мой одноклассник. Мы жили в соседних дворах. Я уехал учиться в Ленинград, а он стал военным. Отслужив четверть века в советских ВВС, вернулся в родной город. Теперь в честь моего приезда из Санкт-Петербурга задумал закатить пикник и пригласил к своему другу, бывшему сослуживцу, который живет в маленьком городке Елгава под Ригой.

Впрочем, ни очереди, ни обилию покупаемых продуктов удивляться не приходилось. В ночь с 23 на 24 июня в Латвии отмечают Лиго. Это, пожалуй, главный национальный праздник в республике. И не менее значимый, чем международное Рождество.

Накануне Лиго улицы Риги и других городов Латвии практически вымирают. Жители этой республики от мала до велика стараются уехать на природу, на дачи, к родственникам в деревню. Не случайно, что под Лиго правительством «выделены» два официаль-

ных выходных. В первый день — 23 июня — чествуют девушек с не очень ныне популярным именем Лига, а 24-го числа — в Янов день по традиции венки из дубовых листьев водружают на парней, носящих самое популярное имя в Латвии — Янис. Даже в советское время власти, не очень одобрявшие «традиции буржуазной республики», вынуждены были мириться с Лиго и предусматривать естественный спад трудовой активности в производственных коллективах после веселой ночи.

Как заметил один мой рижский приятель, крупный издатель, в Латвии очень четко разделились две тусовки — латышская и русская. Латвийская элита практически не знает с русскоязычной. Но это до поры, пока не наступают праздники. От Лиго отмахнуться невозможно. Хотя бы потому, что праздник бурлит вокруг вас. И ты невольно заражаешься всеобщим весельем и хорошим настроением.

Латыши в обычные дни в целом народ замкнутый. Веками живя между сильными соседями — немцами, шведами, русскими, они часто избегали конфликтов, уходя в себя. Но при этом они, конечно же, не могли не перенять от других различные черты своего характера. От немцев — трудолюбие и педантичность, от шведов — честность и щепетильность в принципиальных вопросах, от русских — доверчивость и любовь к фантазиям. А на Лиго все эти качества в сложном коктейле раскрываются в открытых и бесхитростных душах небольшого народа.

С трудом через автомобильные «пробки» добравшись до Елгавы, мы нашли участок Славиного приятеля Юры. Бывший летчик стал предпринимателем местного масштаба. Специализируется на продаже и чистке бассейнов, купил небольшой домик в

Анатолий Аграфенин

Елгаве. А за городом арендовал участок на песчаном карьере, огородил его кустами облепихи и возвел только одно строение — баню.

Осмотрев крошечный домик с раздевалкой, предбанником и парилкой, я поинтересовался:

— И это все? А если захочется переночевать, пожить несколько дней?

— Зачем же ночевать, — удивился Юра. — Наш дом отсюда недалеко. В крайнем случае, можно и пешком дойти. Но мы больше на машине.

— Так если есть земля — можно заняться посадками. Крыжовник, например, выращивать, — не унимался я.

— Некогда этим заниматься. Я бы давно и от этого карьера отказался. Только очень уж баню люблю. А в нашем доме ее нет.

Пока хозяин накрывал на стол и растапливал печь, Слава на правах давнего друга хозяина показывал мне его владения и рассказывал о Юре. Юрий любит баню до самозабвения. Слава не помнит ни одного случая, когда, заехав в Елгаву в выходные, даже без предварительного звонка, он бы не застал своего приятеля со всем семейством в бане. Несмотря на ссылки на обилие дел, Юрий каждый год весной перекладывает печь, чтобы баня была лучше. А летом в нужный срок готовит веники.

Участок расположен так, что его практически не видно с дороги. Это защищает «заимку» от вандалов, проезжающих на автомобилях мимо. Правда, подчас сюда наведываются местные бомжи, которых особенно много в окрестностях Елгавы. В Латвии действует очень четкая система: при неуплате за квартиру в течение нескольких месяцев, дело без проволок передается в суд, и если владелец или

квартирант в течение нескольких дней не гасит долг, его выселяют. Полиция не церемонится — вещи выбрасывают прямо на улицу. Причем не важно, латыш ты, русский или еврей. Закон принят один для всех. Эта мера, хоть и жестокая, но очень быстро приучила всех платить за квартиру вовремя. Тем же, кому жилье не по карману, стараются подобрать меньшую жилплощадь, только бы вовремя внести положенные деньги. Кстати, не малые. Для большинства содержание квартиры обходится не меньше, чем в ползарплаты...

Выселенным злостным неплательщикам государство по закону должно предоставить социальное жилье. Подчас это просто «угол» в маленьких городах. Дома, конечно же, без всяких удобств, ветхие. Но все же крыша над головой. Почему-то именно Елгава стала наиболее популярным местом для выселенных. А поскольку в основном это типы асоциальные, многие после потери своего жилья опускаются окончательно и становятся бомжами.

Юра от непрошенных гостей поставил решетки на окнах. Но и их зимой, когда он на свой участок приезжает реже, чем летом, находит выломанными.

— Стараюсь здесь ничего ценного не держать, — откликается хозяин, услышав наш разговор. — Одно время в раздевалке был старенький телевизор, так и его утащили. Теперь ограничиваюсь только электрочайником и крошечным радиоприемником. Унесут, так не жалко...

Стол Юра накрывал прямо во дворе. Тут же стоял заржавевший мангал. Разведя огонь, он ударил себя по лбу.

— Забыл дома шампуры. Тут тоже были, но унесли. Придется шашлык жарить на ветках.

С одной стороны участка, как раз на берегу карьера, растут ивы. Их тонкие и гибкие прутья мы и наломали для приготовления главного блюда.

Вечерело. Но в Латвии, расположенной ненамного южнее Петербурга, тоже летом можно наблюдать что-то вроде белых ночей.

Мы сходили в баню и окунулись в карьере. Понятно, почему Юра выбрал для строительства бани именно это место. Вокруг — чистейший песок. И в карьере, с не взболтанной, отфильтрованной водой, хорошо прогретом солнцем, плавать было одно удовольствие.

Когда мы сели за стол, услышали, что мы отнюдь не одиноки в этой вселенной. У других карьеров, где были выстроены летние домики, тоже начался пир.

Мы решили пройтись посмотреть. В ближайшем доме отдыхала компания латышей. Они так же как мы установили стол на улице. Но у них горел не мангал, а настоящий костер, пламя от которого поднималось даже выше крыши крошечного, похожего на игрушечный, домика. В их кругу нашелся, видимо, Янис, потому что один из мужчин гордо восседал во главе стола, а на его голове красовался дубовый венок. Завидев нас, они замахали, обращаясь сначала на латышском, потом на русском. Незнакомые люди приглашали нас за свой стол. Впрочем, понятно, сегодня же — Лиго.

Что бы ни говорили, но в Латвии нет противостояния двух наций. И хотя существует жесткий закон, не позволяющий даже вывески размещать на иностранных (конечно же, прежде всего русском) языках, в бытовом общении латыши охотно говорят по-русски. Не составляет никакой проблемы изъясниться по-нашему в кафе или магазинах. Но плохо другое. К со-

жалению, государственная политика в области языка сейчас приводит к тому, что молодежи просто негде учить русский. Наиболее дальновидные фирмы стараются устраивать своих работников на курсы. Но лет через десять латыши гораздо лучше будут владеть английским, чем русским языком. Русский вымывается из Латвии...

Обидно, мы ближайшие соседи, когда-то часто ездили друг к другу. Россияне — отдыхать в Юрмалу. Прибалты, в свою очередь, постоянно отправлялись на экскурсии в Ленинград и Москву. Теперь в Риге туристов из Японии гораздо больше, чем из России. В Юрмале, правда, говорят, что «все скупил русские». Но это несколько иная публика. Учитывая, что стоимость квадратного метра жилья в курортном городе перевалила за 3 тысячи евро, покупает там недвижимость не простой народ.

Об этом мы и говорили в латышской компании, потягивая пиво и закусывая традиционным тминным сыром. Нам было приятно общаться друг с другом. Хотя, конечно, мы вели не общеполитические беседы.

Судя по всему, костер на участке был разложен как дань традиции. Через него в эту ночь полагается прыгать. Но по тому, как душевно сидела наша компания, прыгать уже не стоило.

Пикник на Лиго — это больше прелюдия к празднику. Главная его составляющая — знакомства, песни и танцы. Корни Лиго понятны. Задолго до Христианства люди, населявшие территории от Карпат до Северного моря, в День летнего солнцестояния устраивали празднества. Древние язычники считали этот день особым: в ночь на Иванов, Янов День, Лиго вода и огонь усиливают свои целебные и очистительные свойства, поэтому в «обязательную про-

грамму» празднования входили прыжки через костер, баня, купание в реках и водоемах и обливание водой. Как рекомендуют каноны, в этот день с утра пораньше стоит пройтись по росе — согласно верованиям, такой променад помогает избавиться от болезней. К восходу солнца и травы набирают свои целебные силы, поэтому люди отправлялись в поля и леса за натуральными лекарствами на целый год.

Девушки на Ивана Купалу собирали цветы и плели венки, а затем гадали. С последними лучами солнца они спускали свои венки на воду, прикрепив свечи, и шли за ними по течению. По тому, куда и как плывет венок, определяли облик и срок встречи с будущим возлюбленным. А несчастной в любви девушке, чтобы приворожить избранника, нужно было в полночь трижды обежать вокруг ржаного поля обнаженной. Возлюбленный наверняка увидит ее во сне, а наутро встретит ее и поймет, что она и есть та единственная и неповторимая, которую он искал всю жизнь. Еще один способ гадания: девушки рвали цветы и дома клали их под подушку. Суженый непременно должен был явиться во сне. А еще в ночь на праздник можно налить в таз воды, взятой из родника или быстротекущего ручья, и бросить в него два цветка без стеблей, например две ромашки. Если они разойдутся по сторонам, то влюбленные расстанутся, если, плавая, цветки сойдутся, то быть свадьбе.

Эх, милые традиции. Где в большом мегаполисе найдешь ржаное поле? Да и в наше динамичное время, кто отважится нагишом бегать...

Главная же легенда Иванова дня — цветение папоротника. Тот, кому удастся обнаружить огненно-красный цветок, будет богат и удачлив в делах.

Правда, помешать в походе за счастьем могут нечистые силы — ведьмы, оборотни, русалки, колдуны, домовые, водяные и лешие. Короче, страшно, аж жуть берет!.. О цветке папоротника помнят, пожалуй, все и поныне. Так что, наевшись, наплясавшись и напевшись на Лиго, парни и девушки в самую короткую ночь в году отправляются в лес «искать красные цветы». И хотя биология утверждает, что папоротник вообще не цветет, — традиции в Латвии блюдут. А чтобы не было слишком страшно, в лес отправляются парами. Врачи отмечают: каждый год через девять месяцев после Лиго в стране наблюдается традиционный всплеск рождаемости...

Настоящий аврал накануне Лиго наступает в полиции. Безмерное употребление алкоголя, увы, традиционно для праздника. В Латвии еще свежи воспоминания о кровавом Лиго 2000 года, когда за одну ночь в стране с населением 2, 3 миллиона в пьяных авариях погибли 26 человек, а ранения получили еще более ста. С тех пор по всем шоссе в республике в канун Лиго развешивают плакаты, призывающие «спасти друга и не дать ему сесть пьяным за руль». А по телевидению и радио за неделю непрерывно начинают звучать ролики с предупреждениями на латышском и русском языках: «В ночь на Лиго одноразовых тестов на употребление алкоголя у полиции хватит на всех. Хорошо выпитесь после праздника и только тогда садитесь за руль!»

Наверное, поэтому, когда далеко за полночь мы вернулись на участок Юры, он, закрыв баню, с грустью посмотрел на свой и Славин автомобили.

— Пошли пешком, — сказал он. — Переночуете у меня, а утром заберете машину и вернетесь в Ригу.

Заметки на полях

В России все смещено на две недели назад. И Иванов день у нас отмечают не в период природного солнцестояния, а в июле. Накануне в старину обычно отмечался Аграфенин день. По сути, это тоже, что Луго у латышей. Понятно, июль – макушка лета. Этот день обычно знойный, и сельское население от мала до велика ходило к ближайшему пруду, озеру или реке. Первое купание в вольной воде торжественно открывалось песнями, хороводами, играми. И хотя в жаркое лето мы начинаем купаться обычно раньше, все же именно день Аграфены считается официальной датой открытия купального сезона.

ГЕРМАНИЯ

Национальный карнавал

Не только в Бразилии, но и в Германии карнавал стал непременным спутником наступающей весны. Миллионы человек собираются в последнее воскресенье февраля или первое воскресенье марта на улицах и площадях Ахена, Дюссельдорфа, Дортмунда, Кельна и других городов страны, чтобы вдоволь повеселиться.

Вообще-то, в Германии карнавалы любят со средних веков. Весна, лето и начало осени были полны забот о хлебе насущном. Зато поздней осенью и зимой, когда пашня отдыхала, народ развлекался.

«Пятым временем года» всегда называли карнавальный сезон. И символично, что стартует этот марафон веселья в 11 часов 11 минут 11 ноября. Легко запомнить! А вот день завершения карнавального сезона нужно отслеживать. Проходит он в воскресенье накануне так называемого «понедельника роз» на стыке зимы и весны. В Европе в этот период уже достаточно тепло, иногда даже можно обходиться без плаща и пальто. Так что от желающих принять участие в празднике, отбоя нет.

В Бразилии к карнавалу готовятся заранее. Создаются целые штабы, планирующие, как будет выглядеть колонна района или предприятия, которой предстоит прошеествовать по главной улице праздника знаменитому «самбадрому». Для бразильцев карнавал — смысл жизни. Наверное, отсюда в нашем представлении сложилось, что этот южный народ живет праздно и беззаботно. Помните, как мечтал появиться в Рио в белых штанах Остап Бендер.

Но не менее серьезные приготовления к карнавалу и у немцев. Причем в эту игру включаются не только маленькие городки, но и достаточно крупные индустриальные центры. Помню, как однажды приехал воскресным днем в Ахен. Древний город некогда был столицей Священной Римской империи. Тут в величественном соборе захоронен Карл Великий, хранятся многие бесценные реликвии.

И хотя свой столичный статус Ахен потерял еще в первом тысячелетии нашей эры, и сегодня этот город не такой уж и маленький, насчитывающий около полумиллиона жителей.

Но первое, что я увидел, выйдя из здания вокзала, были не контуры средневековых башен. Навстречу мне шел... ангел. В белых одеждах, с крыльями за

спиной, роняя по дороге перья. Он держал на палочке звезду из фольги. Ангела за руку вела мама, жующая на ходу банан. Ахенцы спешили на карнавал. И хотя большинство костюмов покупаются в магазинах (выбор этого товара огромен — от бесов до святых), каждый что-то старается добавить свое. Хоть звезду сделать своими руками, как в случае с ангелом.

Мы привыкли видеть немцев рациональными и серьезными. Даже, может, чересчур прагматичными. Но за годы общения с ними, я понял, что чаще всего это маска. В душе они также могут быть наивными и доверчивыми, как дети. И сезон карнавала — еще одно тому подтверждение.

Я пошел за ангелом. Немецкие города практически все устроены так, что вокзалы расположены где-то в полутора-двух километрах от центра. А ангел шел как раз в историческую часть Ахена. По дороге ряженные встречались все чаще. А вот поток машин становился все меньше. В итоге проезжая часть совершенно опустела, улицу перегораживала белая полицейская машина, а рядом дежурили работники немецкой службы порядка в желтых жилетах. Всамделишные.

Но уже не нужно было никому ничего объяснять. Хотя пока ничего не было видно, уже слышалось, что творится от этого места метрах в трехстах. Играла громкая музыка, что-то по-немецки орал голос ведущего, усиленный громкоговорителями. Ощущение такое, что где-то движется Первомайская колонна демонстрантов. И действительно, пройдя еще квартал и завернув за угол, я понял, где сегодня коротает день все население Ахена.

Шествие было грандиозным. Пробравшись сквозь толпу зевак, я увидел сплошной поток ко-

лонн. Каждая колонна представляла какую-то фирму, организацию, учреждение. Шли пожарные и полицейские, мэрия и продавцы универмагов, работники автомастерских и крупных заводов... Причем каждая колонна старалась представить себя в наилучшем свете. Компании облачались в разнообразные костюмы — не одинаковые, но выдержанные в едином стиле. Подчеркивая корпоративную солидарность, люди шли с женами, детьми. Возглавлял группу грузовик (а то и не один) или трактор. С его открытой платформы ряженные бросали в толпу конфеты, мелкие сувениры — брелки, значки, шарики и шариковые ручки. Зеваки тут же без всякой немецкой сдержанности, расталкивая друг друга локтями, бросались ловить дармовые трофеи или подбирать их прямо с асфальта. Все это сопровождалось криками, возгласами, радостными приветствиями.

Колонна шла медленно. Я решил попробовать обогнать ее и посмотреть, что в ее «голове». Я пробирался то вдоль шествия, то нырял в боковые совершенно пустые улицы, срезая дорогу. В конце концов, я оказался на ратушной площади. Тут еще только ждали приближения карнавального шествия. Лучший обзор оказался с балкона городского магистрата, на котором практически никого не было. Видно, потому, что в такой высокой точке бессмысленно надеяться поймать какой-нибудь сувенир — все равно ряженные не добросят...

А вот и появилась «голова» шествия. Конечно, его возглавляли представители мэрии с бургомистром в первых рядах. Но это не были люди в строгих костюмах с фальшивыми улыбками, как часто бывает во время предвыборных кампаний. Все сотрудники мэ-

рии облачились в форму солдат прошедших эпох — малиновые куртки с крестами и широкополые шляпы с пером, и водрузили на свои животы барабаны. Только выйдя на главную площадь города, они достали палочки и начали барабанить. Громко и достаточно стройно. Значит, где-то в закутках своей мэрии тренировались, подумал я. А поскольку рабочее время на всякие глупости немцы даром не тратят, тренировались в свободное время, тайно, чтобы не выдать свой замысел и преподнести другим участникам шествия сюрприз.

С балкона городской мэрии я и увидел всю змею шествия. От первых барабанщиков — до людей, изображающих цветы (видно, представителей какого-нибудь сельхозкооператива или ботанического сада). Но что значит немецкая педантичность. Ровно через два часа парад закончился.

Как только последняя колонна покинула площадь, средневековая брусчатка обнажила все, что оставили после себя тысячи прошедших людей. Но не успел я глазом моргнуть, как на площадь высыпали люди в оранжевых куртках — работники коммунальных служб. Появилась уборочная техника. Юркие маленькие машины, напоминающие автопогрузчики, и трактора тут же начали поливать мостовую специальными шампунями, драить своими щетками и смывать чистой водой. Не прошло и получаса как Ахен вновь засверкал чуть ли ни стерильной чистотой, которую еще больше подчеркивали пустые улицы. Практически все население города после карнавала осело в ресторанах и барах на свои корпоративные вечеринки. Из-за дверей заведений доносились уже несколько повеселевшие голоса и немецкие песни, явно напоминающие марши.

В это воскресенье в Ахене уже никто и ничто, кроме баров и ресторанов, не работало. Ни магазины, ни аптеки, ни киоски.

Заметки на полях

Как мне рассказали немецкие коллеги, в Германии под «Пятое время года» даже создано федеральное объединение «Немецкий карнавал». В Европе сейчас насчитывается около 12 тысяч карнавальных обществ, а половина из них обосновалась в ФРГ. Объединяют они около 2,7 миллиона человек, из которых почти 2,5 миллиона в период «Пятого времени года» выходят на улицы в облачении шутов и ряженых. Практически каждый союз имеет духовой оркестр, десяток танцовщиц, так называемых «сахарных куколок», а также подразделение «потешной гвардии» в униформе времен наполеоновских войн.

Подсчитано, что облачение одного солдата, включая мундир, ботфорты, саблю, ружье и парик, обходится более чем в одну тысячу евро. Кроме того, общества занимаются изготовлением различных сувениров, например чеканкой памятных «карнавальных орденов». Этот бизнес обходится почти в 20 миллионов евро. Производством этой бутафории, а также оформлением грузовиков и зданий занимается более 60 специализированных фирм, жестко конкурирующих между собой.

В общем, праздник жизни стал мощной индустрией. В целом, по оценкам Института германской экономики, карнавал обеспечивает ежегодный дополнительный прирост оборотов торговли и сферы обслуживания на пять миллиардов евро. «Пятое время года» наряду с «Парадом любви» в Берлине, праздником технотронной музы-

ки в Ганновере и фестивалем пива «Окtoberфест» в Мюнхене оказывает, как считают немецкие эксперты, позитивное воздействие на экономику страны.

ЯПОНИЯ

Национальный театр

Поднимаюсь по эскалатору токийского метро. Впереди меня японцы, сзади японцы, навстречу спускаются японцы. Как однажды метко заметил Даниил Гранин, впечатление такое, что движется сплошной поток черной икры, а ты в его центре... Вдруг вижу — ко мне приближается странный человек. Он выше других, и кожа у него светлее, и одет как-то не так. Я замешкался буквально на несколько мгновений и тут понял — Бог мой! — так это же Я САМ! В отполированной до зеркального блеска стальной панели я просто увидел свое отражение. Вот насколько странно может быть появление человека европейского вида в Японии!

Японцы нация однородная. На островах с население свыше 120 миллионов человек — 98 процентов японцы. Встретить на улице выходца из Европы, Америки и Африки даже в Токио — случай довольно редкий. Но сами японцы, похоже, очень хотят походить на европейцев или американцев. Они активно загорают — и поверьте, очень забавно увидеть луноподобное лицо с раскосыми глазами, потемневшее под кварцевыми лучами модных салонов или тонирующих кремов. Еще последний писк —

высветлить волосы. Черная масть поддается с трудом, и чаще всего прическа оказывается не пепельного цвета, а какой-то ядовито-желтой. Но юноши и девушки ходят с гордо поднятой головой и с вызовом смотрят тебе в глаза: «Ну что, брат, не узнаешь своих?»

Большинство японцев, конечно же, носят обычные европейские костюмы и платья. Ну хочется же одеваться по моде! Тем более, прибыв в Париж или Рим, туристы из Страны восходящего солнца со своими высокими, по сравнению с другими странами, зарплатами легко могут одеться у Гуччи, Армани, Версаче. Только с размерами у них постоянно получается беда. Японское телосложение не принимает европейские параметры! Иной раз видишь: идет по тротуару расфуфыренная барышня. Довольна — дальше некуда. Платье на ней болтается, а модные сапоги с длинными носами велики минимум на два-три размера. Впрочем, наверное, все это не мешает юным созданиям быть примером на своих тусовках и вызывать зависть у десятков своих сверстников.

Стремление подражать другим культурам вызывает страшное негодование старшего поколения. В Японии очень много говорят о необходимости сохранения традиционных ценностей. Действительно, бывает, промелькнет на улице парочка дамочек в кимоно. Но как же они нелепо смотрятся среди мчащихся машин. И право сказать, не очень-то удобная одежда кимоно для современного города: в нем за притормозившим автобусом не побежишь, да и, пожалуй, проезжую часть не успеешь перейти, пока горит «зеленый». Меняются времена, меняются нравы. И, безусловно, кроссовки куда комфортнее сандалий на высокой пробковой подошве.

Но справедливости ради нужно сказать, что японцы к своей традиционной культуре относятся куда бережнее, чем мы к своей. Любого гостя Страны восходящего солнца обязательно поведут в древние храмы. Существует традиция: перед важными событиями в своей жизни местные жители приходят сюда, опускают монетку в специальную копилку с пожертвованиями и пишут на листочке бумаги свои пожелания, мечты или чаяния. По количеству прикрепленных записочек сразу догадываешься — храмы не пустуют. Еще принято устраивать общие моления за процветание бизнеса. Сам видел, как сотрудники одной крупной электронной корпорации пришли целой гурьбой просить у Будды успешного внедрения на рынок новой модели компьютера. А что: маркетинг и прочие рыночные слова — одно. А боженька — вот он, сидит себе на корточках, захочет — поможет, а захочет — отдаст удачу конкурентам.

Приезжего обязательно сводят на чайную церемонию и дадут урок икебаны. При этом вам станцуют национальный танец и подчеркнут, что семидесятилетняя старушка виртуозно владеет языком жестов. И то, что она изобразила — это радость юной девы, которой молодой человек только что признался в любви.

Вас обязательно попотчуют деликатесами местной кухни. И уж точно в каком-нибудь из ресторанов угостят загадочной рыбой фугу. Ядовитая, между прочим, рыбка — гордость японской кухни. И одновременно — ее злой рок. Ежегодно десятки людей умирают, откусав костлявого мяса этого плавающего деликатеса. Не всякий даже в Стране восходящего солнца знает, как ее правильно приго-

товить. А в хребте рыбы содержится нервно-паралитический яд, способный мгновенно отравить человека. Несколько лет назад правительство страны приняло даже специальный декрет, запрещающий готовить фугу без лицензии... Но трудно объяснить пристрастие местных поваров к этой плавающей «русской рулетке». Видно, все дело в характере японцев, фаталистов по своей сути. Но вы, послушав рассказ, скорее всего только для виду отщипните кусочек, восторженно воскликните: «О, как вкусно!» А голод утолите ночью в гостинице добрым проверенным «Сникерсом» из мини-бара.

В Киото, древней столице, вам покажут и знаменитый Золотой павильон, возрожденный как феникс из пепла после пожара. И окажется, что описанная Мисимой история о молодом человеке, которого обуяла гордыня, отчего он решил примерить лавры Герострата, не фантазия гениального автора, а исторический факт, имевший место быть в 50-е годы прошлого века.

Вы полюбуетесь 15 камнями знаменитого философского сада храма Рёандзи. В том саду зелени практически нет, если не считать мха. Лежат себе на небольшой прямоугольной площадке, засыпанной гравием, 15 булыжников и валунов. Но фокус в том, что с какой бы точки вы ни посмотрели — вы сможете увидеть только 14 камней, а один из них обязательно будет скрыт остальными. Создатели этой чудесной мистерии как бы хотели подчеркнуть, что насколько бы вы не постигли вершин, все равно что-то обязательно от вас ускользнет. А значит, предела совершенству нет... Но мы же нигилисты — вы упорно будете менять точки обзора, считать камни. И, в конце концов, когда от них уже будет рябить в

глазах, — вы решите, что увидели все 15 штук разом. Не поддавайтесь иллюзии — вы просто, измучившись, сосчитали какой-то из камней дважды.

Безусловный ваш интерес вызовет и киотский дворец сегуна. Сегун — это средневековый военный правитель страны. Император вообще приравнялся к Солнцу и такими мелочами, как управление государством, не занимался. Поэтому и назначал эдакого директора-распорядителя, что-то вроде современного премьер-министра. Сегуны беспокоились за свою жизнь. И один из них страшно боялся, что кто-то подкрадется к нему и зарежет или задушит. Поэтому в своем дворце он приказал установить «соловьиные полы». Ступаешь на них — они издают звук, чем-то напоминающий птичий писк. Это чудо архитектуры еще иногда называют «поющими полами». Но то, что вы слышите, скорее скрип, чем музыка. Но при желании на них можно вытанцевать или вышагать нехитрую мелодию. Мы не поленились и, выйдя на улицу, залезли под пол, благо дворец стоит на сваях. Оказалось, скрип создают специальные металлические скобы — что-то вроде маленьких камертончиков. Когда кто-то ступал на доски, они соприкасались друг с другом и издавали мелодию. Выходит, сегун создал из своего пола целый музыкальный инструмент...

Памятники архитектуры, кухня, икебана — все это запоминается. Но самое мощное эмоциональное впечатление, скорее всего, на вас произведет театр кабуки.

Признаться, обнаружив в нашей программе посещение токийского театра кабуки, поначалу я не испытал никакого восторга. Сидеть в зале два часа и смотреть спектакль на чужом языке — не всякий выдержит. Но не пойти было нельзя...

Здание театра, построенного в 1889 году, выглядит вполне по-европейски. Только витые колонны, яркие раскрашенные львы и традиционные красные бумажные фонари над входом навевают восточные мотивы. Внутри мы снова окунулись в атмосферу театра, обычного, с нашей точки зрения, понимания этого слова: холл, гардероб, женщины с программками, широкая лестница, ведущая в фойе. Зрительный зал также не представлял собой ничего неожиданного — ложи, обтянутые красным бархатом, откидывающиеся кресла партера, сцена с тяжелым занавесом. Театр и есть театр. Но тут начались неожиданности.

Предусмотрительные японцы перевели и распечатали для каждого из нас краткое содержание спектакля. Смотреть мы должны были древнюю пьесу «Деревенская школа». Суть в следующем. Высокопоставленный вельможа из-за пустяка выгоняет со службы своего советника. Чтобы не умереть с голоду, умный и образованный чиновник устраивается учителем в деревенскую школу. Он уже смирился с судьбой и даже стал наслаждаться идиллической жизнью. Но тем временем бывшего хозяина в результате интриг и самого сместили с должности. Более того, его недруги жаждали смерти всей его семьи. Тут-то бывший босс и вспомнил о своем отвергнутом подчиненном и попросил его спрятать своего сына среди деревенских...

Главный нюанс заключался в том, что всего этого мы... не видели. Спектакль начался в 11 часов, а мы прибыли в театр согласно указанному в билетах времени к 19:00. Оказалось, в кабуки пьесы обычно идут весь день. Нас, получается, привезли к развязке.

— А насколько это корректно? — поинтересовались мы.

— Все в порядке, — заверили нас японцы-переводчики. — У нас так принято, смотреть спектакль постепенно, наслаждаясь каждым эпизодом действия.

Это очень по-японски: смотреть не для того, чтобы узнать, чем все кончится — это и так ясно, классических пьес всего несколько, все сюжеты наперечет и знакомы с младых ногтей — а для того, чтобы наслаждаться каждой деталью действия. И правда, когда мы входили в здание, с нами спешили и другие зрители. Напротив, некоторые покидали театр, что-то оживленно обсуждая между собой. Пока длился антракт, я осмотрелся. Зал был полон. Местами наблюдались иностранцы. В ковбойках, скорее всего, были гости из Америки или Австралии. Подвыпившие краснолицые толстяки, вероятно, прибыли из Германии. Но в основном места занимали японцы. Некоторые даже по случаю выхода в свет надели кимоно: женщины светлые, мужчины — темные. Мы сидели где-то в середине, а места наши стоили около ста долларов. Да, театр искусство дорогое...

Нам предстояло увидеть апогей эпопеи. Что там по сценарию? — углубился я в подготовленную записку.

...За головой мальчика приезжает специальный отряд. И сельский учитель, чтобы спасти сына своего бывшего господина, решает подменить ребенка. И очень кстати в школе появляется новичок, опрятный, хорошо воспитанный мальчик. Вот его-то учитель и планирует отдать под меч. А заодно он затевает убить и приехавшую мать мальчика, чтобы она

случайно не помешала его замыслу. Вот такая веселенькая история.

Погас свет. Раздвинули занавес, открыв искусно построенные декорации: школа, рядом сад, на заднем плане гора... Актеров на сцене еще не было. Но справа открылся еще один занавес, и нашему взору предстали три сидящих на корточках певца. По канонам кабуки их задача в непринужденной песенной форме ввести зрителей в курс дела. То есть напеть то, что мы уже прочли по бумажке. Свою песню они исполнили в традиционной манере — препротивными голосами с выражением на лицах, будто им только что подсунули под нос тухлую рыбу. Свою скрипящую песнь они аккомпанировали на народном инструменте, похожем на лютню. Инструмент называется «сямисэн», что означает в переводе «три струны». Когда сказители закончили, публика зааплодировала.

Тут появились и актеры. Действие началось. Надо сказать, несмотря на то, что все реплики подавались на японском, благодаря прочитанной шпаргалке все было понятно. Вот добрый учитель что-то рассказывает школьникам. Вот господский мальчик — умница и симпатия отвечает урок. Вот второй мальчик — симпатия и умница — отвечает урок не хуже, а его мать в светлых одеждах исподтишка наблюдает и радуется за своего сыночка.

В кабуки все имеет свое особое значение: прическа героев, маски на их лицах, цвет одежды. Эти нюансы должны давать подсказки зрителю: вот важный акт пьесы. А тут можно и расслабиться. Несколько раз на сцене появлялись люди в черных трико. Я посмотрел в шпаргалку — шпионы, что ли? Нет, оказалось, это рабочие сцены, нужно было

что-то поправить в декорации — не опускать же из-за этого занавес! В кабуки, если кто-то в черном — он не злодей. Злодеи, как правило, ходят в коричневом. Черный означает, что человека нет: не стоит обращать на него внимания.

В классе учился недотепа-второгодник, почти уже взрослый пацан. Он постоянно выкидывает какие-то коленца, вызывая в зале смех. Несмотря на довольно кровавый сюжет практически всех пьес театра кабуки, в любой должен быть комический персонаж, как правило, человек из народа, оживляющий повествование, так сказать, наглядно демонстрирующий, что в жизни не так уж все и плохо...

Поразило то, что детей в спектакле играли настоящие дети. Актеры театра кабуки — очень уважаемые в Японии люди. Они во всем служат нации примером. Как правило, все они превосходные семьянины, а свое ремесло (или искусство) передают по наследству, выстраивая вековые династии. Поэтому будущие короли сцены начинают свою карьеру «с молодых ногтей». И в репертуаре всегда есть пьесы с участием детей.

Конечно, самая душераздирающая сцена, когда в школе появляются солдаты. И учитель идет убивать мальчика. Мы видим только, как за ширмой мелькает тень, взмахивающая мечом. В этот момент зал сказал: «Ах!» И тут учитель вынес голову ребенка. В этой пьесе театр кабуки использует элементы другого традиционного театра — кукол. Мастерски сделанный муляж из нашего одиннадцатого ряда действительно казался только что отсеченной головой. Зал тяжело вздохнул.

И тут начался самый важный и трогательный момент пьесы. Учитель, оказывается, недооценил

мать мальчика. Женщина — женщиной (в средневековой Японии к представительницам прекрасного пола, как и в большинстве стран мира, относились несерьезно), а мать только что убиенного правильно поняла и чувство долга, и момент ответственности перед будущим страны. Оказывается, обреченный ребенок был специально послан в школу. Более того, он оказался сыном начальника карательного отряда, посланного за головой наследника свергнутого вельможи. Но симпатизировавшего последнему, потому и посчитавшего необходимым спасти его отпрыска ценой жизни своего.

Выходит, мать ребенка обо всем знала заранее... Одетая в соответствии с моментом в темные одежды, она появилась откуда-то из глубины зрительного зала. Увидев голову сына, сделала вид, что ее это не касается. Но потом начинается ее соло. Чтобы подчеркнуть мастерство игры, со сцены исчезают все остальные актеры. Безутешная мать страдает беззвучно, она не может кричать, плакать, поскольку ее беспричинные слезы и излишние эмоции могут вызвать подозрение — с чего это она заходит к чужому сыну. Но сын-то на самом деле ее. И горе ее сыграно настолько сильно, что сердце сжимается и кажется, будто начинаешь понимать японскую речь.

Сцена длится несколько минут. Для пущей выразительности героиня то поднимается на сцену, то спускается в зал. Сотни глаз обращены к ней. Но она ничего не видит. И даже ни у кого не вызывает подозрения, что эта женщина в действительности... мужчина.

Да, каждый из нас хоть немного слышал что-то о театре кабуки. Мы знаем, что все роли тут исполняют мужчины. Но, видя перед собой актера, не веришь, что это Он, а не Она. Да, на то оно и есть мас-

терство. Женские роли исполняют, как правило, самые опытные актеры. Их называют «оннагата». Большинство из них носят звания «Живое национальное достояние», что-то вроде нашего «народный артист». И нередко семнадцатилетних дев' играют семидесятилетние старики. Их морщины и «мужские черты» скрывает толстый слой грима и парик. И это то немногое, что требуется, чтобы превратить актера в женщину. Все остальное — пластика, голос, походка — все безупречно женское.

Мы покидали спектакль под сильным впечатлением. Несмотря на то что кабуки театр средневековый, созданный во времена Шекспира, в силу многовековой закрытости японских островов, он не перенял многие новшества, что появлялись на сценических подмостках. Но даже Станиславский не вскрикнул бы тут своего знаменитого «Не верю!» Да, безусловно, в кабуки много условности. Но искренность актеров подкупает. И какой бы странной ни казалась, с точки зрения наших сегодняшних представлений о человеческих ценностях, разыгранная история, выбросить просто так ее из головы и забыть было уже невозможно.

Кстати, сами японцы не считают «Деревенскую школу» трагедией. А даже, напротив, убеждены, что это светлая, жизнеутверждающая история. В конце пьесы потерявшие сына родители торжественно его хоронят. «И на челе их радость». Потому что их ребенок выполнил долг перед господином. То есть уже в детстве совершил то, что настоящий японец почитает за истинное счастье и к чему готовится всю жизнь.

Вот такие они странные люди из Страны восходящего солнца.

Заметки на полях

В Японии, как у нас в России, два города считаются столичными. Если у нас это — Москва и Санкт-Петербург, в Стране восходящего солнца — Киото и Токио. Любопытно, что название обоих городов есть один и тот же иероглиф, означающий слово «столица». Только в одном случае он стоит в начале, в другом — в конце слова. Киото переводится как «столичный город». А Токио — «восточная столица». Так что если судить по названиям, в Японии практически узаконены две столицы.

В отличие от Токио, считающегося одним из крупнейших мегаполисов мира, Киото достаточно тихий город. Правда, и в нем проживают около двух миллионов жителей, но по масштабам Японии — это пустяк, древняя столица не входит даже в десяток крупнейших населенных пунктов Страны восходящего солнца.

Зато Киото не зря называют «Городом тысячи храмов». Памятников архитектуры в Киото даже еще и больше. Здесь действуют 300 синтоистских и 1600 буддистских храмов. Заодно в Киото можно увидеть три императорских дворца и 24 музея, в которых представлено 20 процентов всех национальных сокровищ страны.

Императоры жили в Киото с 784 до 1868 года. Все это время фактически страной правил сегун, а император был чем-то вроде бога. Сегуны вели себя достаточно бесцеремонно, передавали власть по наследству или представителям своего клана. По сути, в Японии правили два монарха, и не во все периоды было ясно, кто из них выше. Известны случаи, когда сегуны достаточно жестко диктовали свою волю «их величествам».

Все это время Япония была изолированной от остального мира страной. Люди, покидающие пределы островов, могли поплатиться за это жизнью. А все иноземное было под строжайшим запретом. В 1867–1868 году произошла революция – Мэйдзи исин, которая положила конец средневековым порядкам. Сегуны были свергнуты, а единоличным правителем был провозглашен император, появилось правительство, Япония окончательно открылась миру. В 1869 году императорский двор переехал в старинный город Эдо, который с тех пор и получил свои иероглифы «восточной столицы», то есть Токио.

ИТАЛИЯ

Национальный язык

«Мой дядя самых честных правил...» Эти строки мы помним с детства. С них начинается наше знакомство с Евгением Онегиным. И с них же начинаются... муки тех, кто хочет донести пушкинский текст до читателей, не знающих русский язык. Владимир Набоков, например, свой перевод «Евгения Онегина» на английский сопровождал подробным комментарием. По мнению писателя, пушкинские стихи невозможно перевести с сохранением рифм, а «теряя свои рифмы, стихи теряют свой блеск». Те же проблемы испытывают и переводчики других стран. Так что же получается: Пушкина («наше все!») за границей НЕ ПОНИМАЮТ?

— Пушкина перевести ужасно трудно, — говорит профессор римского университета «Ла Сапиенза»

Микеле Колуччи.— Он похож на нашего Петrarку. Его основной шарм — не в метафорах, не в величавом стиле, не в оригинальности образов, хотя это все есть в его поэзии. Главное в пушкинской строфе — невероятная гармония слов, рождаемых ими образов, и музыка живого языка. Но когда переводишь все это с русского на другой язык, все теряется, ускользает. И стихотворение умирает. Я подчас до исступления думаю: но почему же так? Ведь, по сути, происходит смена одних знаков и символов другими. Но, видимо, дело тут нет в графике кириллицы и латиницы, и не в математике поэтических размеров. Дело в душе.

Известен факт, что Тургенев, в совершенстве владевший французским, перевел несколько фрагментов «Евгения Онегина» и показал свою версию Флоберу. Флобер прочитал и сказал: «Ну и тупой же этот ваш поэт!»... Даже Тургенев что-то упустил в волшебстве пушкинской строфы. Как заметил Колуччи, при переводе поэзии на другой язык неизбежно что-то теряется. Но если у других поэтов это 20—30 процентов, у Пушкина это почти все.

Мы беседуем в кабинете профессора на вилле Мирафиори. Глухая каменная стена отделяет дворец от шумного римского проспекта Номентана. Тихо, как в монастыре. Парк, статуи, фонтаны — одним словом вилла, место для отдыха, неспешных раздумий. В этом аристократическом уголке старой Европы и расположился философско-филологический факультет крупнейшего в Италии государственного университета «Ла Сапиенза». Неужели этот оазис — единственное место, где в Италии вспоминают Пушкина, русскую литературу?

— Отнюдь нет — вступает в разговор профессор Риккардо Пиккьо.— Пожалуй, нет другой ино-

странной литературы в Италии, которая так много издавалась и с таким интересом читалась, как русская. Могу с уверенностью сказать, что все, что когда-либо переводилось с русского в Европе, издано и на итальянском.

Итальянцы, например, почти «своей» считают Ахматову. Книга ее стихов, много лет назад переведенная тогда молодым славистом Микеле Колуччи, стала бестселлером. Сейчас она уже трижды переиздана. Хорошо известны Маяковский и Цветаева.

«Блок, Пастернак, Есенин, Мандельштам — все значительные русские поэты читаемы в Италии», — сказал профессор Колуччи. Один из последних переводов, который завершил Колуччи, был сборник стихов Баратынского.

Но и синьор Колуччи, и синьор Пиккьо — прежде всего ученые. Одним из главных трудов их жизни стал трехтомник под названием «История русской литературной цивилизации». Над этой книгой вместе с другими авторами, в том числе и с советскими учеными, Колуччи и Пиккьо работали более десяти лет. Они уже готовы были выпустить свой труд, как произошел развал СССР. И итальянские профессора решили отложить издание на целых четыре года, чтобы пополнить книгу новыми материалами и новыми реалиями.

Объясняли они так:

— Невозможно говорить о литературе, не понимая реалий страны. Наше издание должно было быть синтетическим. Энциклопедический словарь перемежается с комментариями об исторической ситуации. Как мы считаем, знание истории России поможет читателям лучше понять и плач Ярославны, идущий к нам из глубины веков, и образы современ-

ных литераторов. Мы поняли, что с крушением СССР изменится литературный процесс и в самой вашей стране.

Так, в общем-то, и вышло. Вернулись многие незаслуженно забытые имена, имена тех, кого замалчивали, и имена тех, кого не хотела признавать официальная литература «социалистического реализма»: Бродский, Солженицын, Аксенов, Довлатов... Новые-старые авторы не только стали издаваться, они мощно начали влиять на литературный процесс.

Трехтомник, в конце концов, вышел. Получилось роскошное издание, рассчитанное на интеллектуалов. И цена под стать — 400 000 тысяч лир, около 250 долларов. Но раскупили книги мгновенно. И тут выяснилось, что «Историю русской литературной цивилизации» были бы не прочь приобрести и многие простые итальянцы. Те, кому, в общем, наплевать на кожаный переплет, суперобложку и тиснение золотом. Те, кого больше интересует само содержание трехтомника и сама русская литература. Издательство «вдогонку» выпустило второе издание — попроще: в мягкой обложке и на дешевой бумаге. Но и это издание довольно быстро разошлось.

Пушкину в «Истории...» посвящена целая глава. Там, в частности, говорится, что, несмотря на кажущуюся простоту его стихов, это один из самых трудно переводимых поэтов в мире.

— Так что же не переводить? — размышляет профессор Колуччи. — Одна из загадок Пушкина — его удивительное притяжение. Любой, кто серьезно занимается русским, не может не восхищаться изяществом его стиля, простотой, доступностью. Это заражает. Невольно хочешь донести очарова-

ние пушкинских строк и до своих соотечественников. Вот тут ты навсегда и становишься заложником собственной самоуверенности и пленником великого поэта. В Италии издано четыре перевода «Евгения Онегина». И уверен, будут еще. На итальянский, за исключением его переписки и нескольких стихотворений, переведен почти весь Пушкин по нескольку раз. Но все равно переводят опять и опять. Я сам несколько раз брался за «Медного всадника», и хотя мои переводы далеки от совершенства, как меня увлекала эта работа!

Пушкин, как известно, много путешествовал. Но он никогда не покидал пределы России. Сегодня же он приходит повсюду первым, где изучают русский язык. Поэтому интерес к национальному поэту останется до тех пор, пока будет интерес к русскому языку. Как бы ни был труден Пушкин для переводов, как только кто-то в Италии или Китае начинает учить русский язык, Пушкин сразу становится ему понятен и доступен.

К русской культуре, истории, литературе итальянцы тянулись всегда. Хороший пример привел профессор Пиккьо. Некогда существовало общество СССР — Италия, которое имело серьезную финансовую подпитку из Москвы. Затем оно по понятным причинам прекратило свое существование. И что же? Возник итало-российский Институт культуры. Частный, созданный итальянскими фондами. В Риме, Венеции, других городах Апеннинского полуострова существует несколько сильных школ по изучению русского языка, и итальянцы совершенно не хотят, чтобы они погибли. Вместе с тем у людей существует тяга к российской культуре. Вот и получается, там, где нет помощи от государства, люди

сами объединяются, находят деньги, контакты, обмениваются информацией. А это нередко куда прочнее, чем договоренности на правительственном уровне.

По популярности и распространенности русский язык в Италии на пятом месте после английского, немецкого, французского и испанского. В университете «Ла Сапиенза» на русском отделении занимается 250 человек. Это больше, чем двадцать-тридцать лет назад. Правда, в годы горбачевской перестройки число студентов переваливало за 300, но тогда сказывалась мода...

С другой стороны, все большую популярность набирают китайский, японский и арабский языки. Возможно, скоро они оттеснят русский на задний план. Но, как подчеркивают сами профессора, это их не пугает. Модные языки изучают чаще всего ради перспектив в карьере. Русский же учат ради самого языка и ради более глубокого понимания нашей культуры. И опять, как тут без Пушкина? «Leggere Puskin» — «Я читаю Пушкина» — первое, что новички говорят своему учителю, если он спрашивает, что вы читаете по-русски в оригинале...

— Часто думаю, что благодаря Пушкину во многом устояла русская культура, — размышляет профессор Колуччи. — На Западе поэзия всегда была искусством для элиты. Италия дала миру очень многих великих поэтов. Но все они писали для избранных. Пушкин писал не для царей и фаворитов. Он сочинял для всех. У вас, в России, поэзия — явление народное. Сохраните это. Ведь под натиском массовой культуры ломается очень многое. У нас в Италии за последние годы стали меньше читать. Особенно мало появляется по-настоящему ярких,

самобытных поэтов. Поэзия всегда идет первой. Но первой она и падает... Берегите вашу любовь к Пушкину, вы сохраните и вашу культуру.

Заметки на полях

Сегодня безусловным гегемоном среди мировых языков становится не китайский или хинди, носителями которых являются миллиарды человек. В лидеры вышел английский. Из доклада Британского совета следует, что через 10 лет английский язык будут изучать два миллиарда человек и половина человечества — три миллиарда — будут на нем говорить. Английский нынче в моде. Однако о каком английском идет речь?

*Интерес Китая к английскому достиг небывало высокого уровня, благодаря вступлению страны в ВТО и ожиданию Олимпиады-2008 в Пекине. Но это особый английский, который даже имеет свое название: *Yingwen ge*.*

В Тунисе и Турции правительства призывают все население изучать английский, поскольку наряду с компьютером и массовой эмиграцией этот язык становится турбодвигателем глобализации. Но и это «не чистый» английский. Массовое обучение, как и массовый спорт, не приводит к чемпионским результатам.

С лингвистической точки зрения речь идет о новой языковой среде, новом языковом мире. Тех, кто говорит на английском и для кого это не родной язык, уже больше, чем тех, для кого английский является родным. Их соотношение составляет 3 : 1. В одной лишь Азии число тех, кто говорит на английском, достигло 350 миллионов — почти столько, сколько проживает в США, Великобритании и Канаде вместе взятых. В настоящее время

китайских детей, изучающих английский, в разы больше (100 миллионов), чем британских детей.

*Те, кто учатся говорить по-английски, впитывают язык не пассивно, они его трансформируют. Появились даже термины, обозначающие языковые особенности английского в той или иной стране. Это не только *Yingwen ge* в Китае, это еще *Englog* на Филиппинах, *Japlish* в Японии, *Hinglish* в Индии...*

Беспрецедентная глобализация английского станет настоящей революцией. В будущем, по мнению специалистов, могут сосуществовать три формы английского: того, на котором говорят в данной местности, национального варианта, на котором говорят на работе или в школе, наконец, стандартного английского для общения с иностранцами. Принимая во внимание то, что носители родного английского будут меньшинством в англоязычном мире, все больше утверждается идея, что студенты должны прекратить имитировать бостонский акцент и использовать тот живой английский, на котором говорят в данном регионе земли.

Ученые начинают изучать «ошибки», которые допускают те, кто говорит на неродном английском. Возможно, уже в скором времени преподаватели не будут исправлять учеников, которые скажут «a book who» или «a person which». С какой стати некоторые азиаты, у которых возникают проблемы с произношением звука «th», должны тратить свое время и учиться правильно произносить «thing» вместо «sing» или «ting»?

Уже сегодня английский стал языком международного общения. Корейский бизнесмен в Шанхае, немецкий чиновник, работающий в Брюсселе, или бразильский биохимик, принимающий участие в конференции в Швеции, — все они говорят на английском. И прекрасно друг друга понимают. Преподаватели Кембриджа, которым режет слух ак-

цент и которые настаивают на использовании Queen's English – английского, на котором говорит королева, могут однажды натолкнуться на стену непонимания. А английские или американские бизнесмены, настаивающие на использовании своих жаргонных идиоматических выражений, однажды могут потерять контракты с коллегами по бизнесу.

ЕГИПЕТ

Национальный туризм

Допустим, вдохновившись идеей провести рождественские каникулы под солнцем у моря, вы решили после Нового года махнуть куда-нибудь на юг. Понятно, в Сочи и Крыму зимой не позагораешь. В Турции теплее, но и там до весны купальный сезон закрыт. Остаются из ближайших стран Арабские Эмираты и Египет. С Эмиратами сложнее, если вы не побеспокоились о путевке в октябре-ноябре, места уже не найдете. Остается одно — отправляться в Египет. Например, в Шарм-эль-Шейх.

И вот, спрятав пальто или дубленку в просторный полиэтиленовый пакет, вы выходите на солнечную площадку перед аэропортом. Действительно, тепло, даже жарко. Пальмы растут. А навстречу бредут загорелые люди в шортах и майках с коротким рукавом. Это жители Западной Европы. Их Рождество в конце декабря, соответственно, и каникулы на неделю раньше наших. Вы, получается, прибыли на смену.

Отели в Шарм-эль-Шейхе — это целые деревни со своей инфраструктурой: магазинами, ресторанами, детскими площадками. Некоторые настолько огромны, что по их территории курсируют автобусы, доставляя туристов от спальных корпусов к пляжам, бассейнам, ресторанам, танцевальным площадкам.

Осмотревшись день-другой, вы вдруг начинаете осознавать, что вода и солнце недостаточны для полноценного отдыха. Вы — человек пытливый, легких путей не ищите. Вам подавай и «культурку». Ведь вы прибыли в Египет, чтобы и мир посмотреть, и с традициями страны познакомиться, и новое что-то узнать. Короче, чтобы по возвращении было о чем рассказывать коллегам и родственникам.

Тут как раз вы и обращаете внимание на рекламу агентств, приглашающих на многочисленные экскурсии. Что такое Египет? Прежде всего, конечно, пирамиды, едем! А где это? Оказывается, под Каиром, добираться 5—6 часов на автобусе в одну сторону, да еще по пустыне. Не подходит... Какие еще варианты? Луксор, Нил, Долина фараонов? Отлично! Но нужно лететь самолетом? Но это же дорого! А местных достопримечательностей на Синайском полуострове разве нет?

О Синае вы где-то что-то слышали. Да, конечно, арабо-израильская война, когда этот клочок суши оккупировали израильские войска. Но глядите глубже. Вы наверняка припомните: именно тут перед Моисеем явилось чудо: пред ним предстал Бог. Именно сюда привел Моисей евреев. И именно на Синае водил свой народ 40 лет по пустыне. И как раз в проспекте об экскурсиях прописаны два маршрута: подъем на гору Моисея и поездка в Монастырь святой Екатерины.

Не всякий захочет провести ночь, карабкаясь на гору, чтобы утром встретить рассвет на вершине. Заманчиво освободиться от грехов после такого подвижнического подвига. Но грехов вы столько еще не нагуляли. Значит, будет вполне достаточно посетить монастырь. И дань уважения туристскому минимуму отдадите. И богу заодно. При случае и грехи замолить можно.

Ваша супруга, скорее всего, не одобрит вашего порыва. Ей бы у бассейна с «Cosmopolitan» или дамским романом полежать... А приходится вставать в семь утра, садиться в грязный, источающий гарь, автобус. Кондиционер работает плохо. Экскурсовод что-то бубнит на плохом русском. Каково ей, женщине, еще несколько дней назад устраивавшей вечеринку на работе, накрывавшей новогодний стол дома, а потом прихорашивавшейся для похода в гости к лучшим друзьям, теперь суетиться и куда-то ехать. А она так мечтала о пассивном отдыхе!

Впрочем, не отчаивайтесь. Успокойте ее тем, что солнце от нее никуда не убежит. Что и во время экскурсии она может подставлять свое лицо светилу. И уже сейчас она чудо как хороша, может вызвать законную зависть подружек. Наконец, когда еще удастся посмотреть настоящий монастырь!

Где-то в середине пути — а путь не короткий, занимает три часа — вы начинаете осознавать, куда вас везут.

Здесь отвлечемся и расскажем, откуда, собственно, в мусульманском Египте взялся православный монастырь. Согласно легендам, монастырь построили на месте неопалимой купины, увиденной Моисеем. Инициатором была Елена, мать Римского императора Константина, который одним из первых

начал поддерживать первохристиан. По ее задумке, обитель должна была стать чудом в пустыне, приютом для паломников, приезжающих поклониться библейским местам.

Имя монастырю дали в честь святой Екатерины, чьей трагической судьбой была поражена Елена. Девушка из богатой александрийской семьи была истовой христианкой. Ее неоднократно подвергали пыткам, но она не отреклась от веры. В конце концов, ее обезглавили. Всего за несколько лет до признания христианства.

Монастырь выстоял под многочисленными набегами кочевников. А император Юстиан построил вокруг обители крепость и держал в ней специальный гарнизон, защищающий монахов.

Но окончательно судьба монастыря в этом месте решилась, когда в него заехал пророк Магомет. Он самолично выписал охранную грамоту и освободил обитель от налогов. Грамота, к слову, бережно хранится до сих пор.

И вот вдали уже показался монастырь. Это настоящий оазис среди безжизненных гор. Окруженный кипарисами, апельсиновыми, грушевыми и абрикосовыми садами, он поистине спасительный остров. За ним же на заднем плане — знаменитая гора Моисея — одна из самых высоких точек Синайского полуострова — 2285 метров! Тут есть смысл обратиться к супруге:

— Как хорошо, дорогая, что все-таки решили отказаться от восхождения на святую гору.

Этот тонкий ваш ход будет оценен по достоинству. Женщины всегда выбирают из двух зол меньшее.

Когда вы покинете автобус, вы ощутите, что тут не так уж и жарко и не зря вам советовали взять с со-

Анатолий Аграфенин

бой теплый свитер. Монастырь расположился на высоте полутора тысяч метров. И даже в Египте, на горе Моисея, зимой может появиться снежная шапка.

Еще вы с ужасом осознаете, что отнюдь не являетесь единственной жертвой человеческой любознательности. Вокруг вас будут крутиться итальянцы, немцы, голландцы и британцы, так же не чуждые страсти узнать что-то новое. Экскурсоводы начнут сбивать людей в стайки по языковым интересам. И, наконец, вы пуститесь в недолгий пеший путь к монастырю.

Здесь вы можете совершить еще один поступок, который подчеркнет вашу заботу и услужливость. На туристов моментально накатывает толпа арабов, предлагающих за один-два доллара проехаться до монастыря на верблюде. Животное — в чем только душа держится! — тоньше велосипеда. Дитя пустыни смотрит на вас глазами коровы, а наглые арабы уже чуть ли не в бок вас тыкают: «Камель! Камель! Доллар! Доллар!» Сделайте широкий жест, предложите жене прокатиться. Будьте уверены, она откажется. Ибо больше внешнего вида «корабля пустыни» любую женщину оттолкнет от поездки жуткий козлиный запах, исходящий от него. Зато вы снова будете на высоте!

Правда, не все так разборчивы. Кто-то усаживается на верблюда, вручив погонщику верный ключ зажигания с портретом Джорджа Вашингтона. Прорвав режущий слух воинствующий клич, верблюд взбрыкнет и под визг заморских баб помчит, поднимая пыль, по дороге... Глупые иностранцы, они не знают главную хитрость местных погонщиков. Забраться за доллар на верблюда не велика хитрость. Главное, с него слезть. А это уже стоит несколько

дороже — от пяти до десяти долларов, как удастся торговаться. Но это-то не ваша забота...

Стены монастыря стоят как скалы. Его особенность, что нет тут ворот. Когда-то были, но в целях защиты их еще в средние века замуровали. Продукты поднимали монахам по веревкам через специальный балкон. А для посетителей устроили лаз в стене. Осторожно пригнувшись, вы войдете в маленький дворик, в котором буквально яблоку негде упасть от обилия туристов. Давка, как в метро в «час пик».

Но и это еще цветочки. Ровно в полдень открываются ворота храма Преображения, построенного в VI веке. И вся эта толпа рвется в скромную церковь, пережившую полтора тысячелетия. Но дальше вы будете приятно удивлены. Немцев, итальянцев и прочих иноверцев просят держаться левой стороны. А православных просят пройти направо. Монастырь относится к греческой церкви. Он к тому же уникален тем, что является самой маленькой, но самостоятельной епархией в мире.

В старом храме с закопченными временем окнами даже в такой солнечный день царит полумрак. Услышать, что говорит ваш экскурсовод в многоголосье старающихся перекричать друг друга его коллег, практически невозможно. Еще сложнее за спинами людей увидеть те редкости, на которые он указывает: иконы, дары, реликвии. А ценностей и раритетов тут множество. Оторванность монастыря от внешнего христианского мира сослужила ему определенную добрую службу. Реформы и преобразования не коснулись обители. Когда где-то под давлением новых веяний уничтожали старое, тут все свято хранилось. Поэтому в целостности и невредимо-

сти иконы, фрески, начиная с VI века. Особая ценность — мощи святой Екатерины, ее золотая диадема, украшенная драгоценными камнями, прочие ее вещи. Они помещены в две серебряные раки, подаренные нашими царями Петром Великим и Александром II. Поэтому неудивительно, что на них надписи по-русски. Все эти реликвии тут. Можно протянуть руку и прикоснуться — ведь вы не в музее, в храме культовые предметы для того и выставляются, чтобы с ними «общались» люди. Но руки не поднять — вот ведь в чем штука.

Сознание включается лишь на секунды, подмечая кое-какие детали. Вот итальянец пришел в шортах, его просят укрыть голые волосатые колени. Он снимает ветровку и повязывает на пояс. Какие-то тет-ки запихивают в сумки свечи. Свечи в монастыре, в отличие от наших храмов, бесплатные. Господи, им бы помолиться да поставить в угодном богу месте за родных и близких. Нет ведь, тащат про запас...

Вы невольно толкнули кого-то, извинились.

«Ничего страшного», — отвечают вам. Оборачиваетесь: монах, русский. В этом православном монастыре живет всего десять монахов. Восемь греков и двое русских. Тоже любопытный факт.

А толпа несет дальше. Вы — в людской реке. Тут бесполезно барахтаться. Отдайтесь воле божьей, тем более вы в храме. Батюшка-грек крестит вас и нанизывает на палец оловянное колечко с образом святой Екатерины в память о посещении монастыря. И вот толпа выносит вас на свет. Все, экскурсия близится к концу, можно расслабиться.

И тут вы начинаете понимать, что чего-то не хватает. Будто вы что-то потеряли. Вы начинаете вспоминать. Кошелек? На месте. Фотоаппарат? На шее.

Точно... Жена!

Вы пристраиваетесь у выхода и ждете. Небольшая вытянутая площадь просматривается как на ладони. На ней переплелись строения разных эпох. Закоулки, балконы, арки, лестницы, террасы... Все это строили без всякого определенного порядка. Но в этом хаосе все равно создается ощущение гармонии, теплоты и спокойствия. Будто вы не на площади, а попали в квартиру коллекционера, в которой каждый предмет освящен любовью хозяина.

В одном конце площади вы видите колодец. По легенде, у него Моисей встретил дочерей Иофора, и старшая из них — Сепфора — стала его женой. В противоположном конце площади — часовня «Неопалимой купины». Именно тут, по преданию, Моисей увидел странный куст — пылающий в огне, но не сгорающий. Так хотел привлечь к себе внимание Сам, чтобы объяснить будущему пророку, как спасти его народ. Над крышей часовни и теперь растет все тот же куст. Но сама часовня на период нашествия туристов закрыта. Говорят, она настолько мала, что в ней могут разместиться не более пяти-шести человек.

И над всем этим возвышается гора Моисея, на которую тот взбирался, чтобы обдумать, как в очередной раз спасти людей, приведенных им в Синай. На небольшом пятачке земли столько исторических, легендарных мест.

Еще над площадью возвышается колокольня христианской церкви, чуть дальше — купол мечети, в которой молятся обслуживающие монахов арабы. Сразу три храма — православный, иудейский, исламский — уживаются в мире и согласии на расстоянии десятка шагов!

За церковью еще одно достояние монастыря. Мощным архитектурным аккордом возвышается фасад огромной библиотеки. Это уникальнейшее собрание из шести миллионов манускриптов и томов считается вторым по масштабам после библиотеки Ватикана. Здесь, между прочим, хранится единственный оригинал Нового Завета.

Но где же жена! Площадь уже опустела. Последние туристы покинули церковь, и ее старинные ворота закрылись. Все! Посетителей просят покинуть монастырь. Может, она уже вышла и ждет у стен?

Но и у стен ее нет. Набираете номер ее мобильного. Он звенит и не отвечает. Скорее всего, остался на тумбочке в номере. И правда, зачем брать с собой мобильник, если вы рядом. Нужно искать. Начинаете расспрашивать: не видел ли кто? Господи, как описать-то. Да, женщина... Из России...

Ваша группа медленно ползет к автобусу. Вы обгоняете ее на всех парах. Вы несетесь быстрее верблюдов! И на автобусной остановке замечаете до боли любимую фигуру. Фигура в гневе. Лучший способ защиты у женщин — нападение:

— Так, значит... Куда ты делся? Я же волнуюсь. Вышла из церкви — тебя нет.

— Но я был с группой, — пытаетесь возразить вы.

— Ничего не знаю. Я пришла на остановку, нашего автобуса нет. Я тут всех обспрашивалась. Подходила даже к полицейским. К счастью, они сказали, что, если автобус не найдется, они сами довезут меня до отеля. У них это часто бывает. Потому тут и дежурят. Иностранные туристы им дорожке верблюда.

— Даже все товары рассмотрела... — начинает выпускать пар супруга.

Пока вы объясняетесь, на вас начинают наседать местные торговцы. Видимо, в пытливой русской, слоняющейся без дела между лавками, они увидели потенциальную покупательницу. Дай ей скидку побольше — все скупит.

И в этот момент приходит спасение. Как всегда из уст женщины.

— Ах, дорогой, как я устала. Давай купим воды и сядем наконец в автобус.

Значит, экскурсия прошла великолепно.

Никаких комментариев больше не требуется.

СОДЕРЖАНИЕ

ЖИЗНЬ КАК ОНА ЕСТЬ...

ГЕРМАНИЯ. Где находится Репербан?	3
ЛАТВИЯ. Меч и роза	10
ИТАЛИЯ. Римская распродажа	15
США. Завтра у Тиффани	25
АВСТРИЯ. Искусство платить чаевые	38
ТУРЦИЯ. Наш берег	47
ШВЕЦИЯ. Морская болезнь	57

БОЛЬШАЯ ПРОГУЛКА

РОССИЯ — КОСМОС. Кто во Вселенной живет? . . .	70
ИЗРАИЛЬ — ТУРЦИЯ — ГРЕЦИЯ — МАЛЬТА —	
ИТАЛИЯ. Город тишины	79
КИТАЙ — РОССИЯ — ФРАНЦИЯ. Вишь, какое ко- лесо!	87
АНТАРКТИДА. Зачем идти за горизонт?	94
ФИНЛЯНДИЯ — ИТАЛИЯ. Величайший путешест- венник	104
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ — ГЕРМАНИЯ. Чайная револю- ция?	115
ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ — ДРЕВНИЙ РИМ — ТУРЦИЯ.	
По следам исчезнувших цивилизаций	125

ОБНОВЛЕНИЕ СТАРОГО СВЕТА

ЛЮКСЕМБУРГ. Портрет в интерьере цифр	135
БЕЛЬГИЯ. Брюссельские воротнички	143
ФРАНЦИЯ . Глас народа	152
ГЕРМАНИЯ. Между прошлым и будущим	162
ИТАЛИЯ. Спасатели в рясах	172
ФИНЛЯНДИЯ. Белая зависть	180
ФРАНЦИЯ. Профессия: солдат	190

НЕКОТОРЫЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

ЭСТОНИЯ. Рождество	201
ЛАТВИЯ. Национальное лето	210
ГЕРМАНИЯ. Национальный карнавал	218
ЯПОНИЯ. Национальный театр	224
ИТАЛИЯ. Национальный язык	236
ЕГИПЕТ. Национальный туризм	244

Популярное издание

Анатолий Аграфенин

ВИЗА В МИР

Ведущий редактор В. Г. Арсеньева
Художественный редактор Д. А. Райкин
Технический редактор В. В. Беляева
Верстка О. К. Савельевой, И. В. Довбенко
Корректор В. Н. Леснова

Издательство «ВИС»

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии газеты «На страже Родины».
191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая пл., дом 10.

ISBN 5-74510022-2

9 795745 100221

ГАЛОПОМ ПО ЕВРОПАМ

АНАТОЛИЙ АГРАФЕНИН

ВИЗА В МИР

Страны и континенты,
города и столицы мелькают
на страницах этой книги.
Автор легко переносит читателя
из одной точки планеты в другую,
из прошлого — в настоящее,
из наших дней — в будущее.

Новые встречи и новые
впечатления — что может быть
увлекательнее? Два десятка
стран, почти сорок столиц —
современных и древних, сотни
городов и местечек оживают
в увлекательных повествованиях
известного журналиста, заядлого
путешественника и превосходного
рассказчика.

ЯПОНИЯ

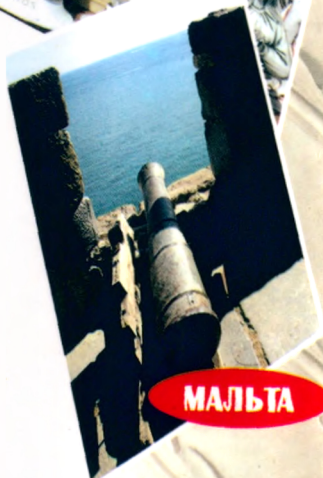
ИТАЛИЯ

ГРЕЦИЯ

МАЛЬТА

РАНДЕВУ ОТ АМЕРИКИ ДО ЯПОНИИ